ВЕСТНИК
Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2026
3 (51)

ISSN 2587-9472
Эл № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-77599

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 3 (51)' 2026

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права Московского университета имени С.Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии.

Редакционный совет:

Председатель – Бабурин С.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права Московского университета имени С.Ю. Витте, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии;*

Арабаев Ч.И., *д-р юрид. наук, профессор, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, вице-президент НАН КР (Кыргызстан);*

Баллыева Д.Ю., *заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения Института международных отношений МИД Туркменистана (Туркменистан);*

Бандурина Н.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);*

Букалерова Л.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Бытко С.Ю., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии;*

Василевич Г.А., *д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, член-корреспондент Национальной академии наук Республики Беларусь, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского национального университета (Белоруссия);*

Гущин В.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности;*

Давитадзе М.Д., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Землин А.И., *д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой транспортного права Российского университета транспорта, заслуженный деятель науки РФ;*

Кекеновски Й., *д-р полит. наук, профессор, профессор Университета Св. Климента Охридского (Северная Македония);*

Кожевников О.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;*

Левушкин А.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Ного С., *д-р юрид. наук, профессор, президент Сербской ассоциации международного уголовного права, вице-президент Пекинского Международного форума уголовного и международного уголовного права, профессор юридического факультета и заведующий кафедрой уголовного права Университета «Мегатренд» (Сербия);*

Осавелюк А.М., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Рагимов И.М., *д-р юрид. наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, президент Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона (Азербайджан);*

Сауляк О.П., *д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета;*

Федюнин А.Е., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии;*

Чанхай Лун, *д-р юрид. наук, профессор юридического факультета Университета Внутренней Монголии (Китай).*

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством. Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

Системные требования: PC не ниже класса Pentium III; 256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows 98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X и выше; мышь.

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

ВЛИЯНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ ГРАЖДАН ДРЕВНЕГО РИМА 7
Никитин Алексей Николаевич

СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ КАК СРЕДСТВА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОГО СОСТАВА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ 12
Сапогов Владимир Митрофанович, Смородина Виктория Анатольевна

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕФИНИЦИЙ «ГЕГЕМОН» И «ДЕМОКРАТИЯ» В НОВОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 19
Карла Рампино

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ФИНАНСИРОВАНИЕ» КАК МЕТОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА 26
Самородов Дмитрий Альбертович, Егерева Олеся Александровна

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

ЗАЩИТА ПРАВ ДОБРОСОВЕСТНЫХ ПРИОБРЕТАТЕЛЕЙ ПРИ ПРИЗНАНИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМОСТЬЮ 32
Сирик Наталия Валериевна

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

ПОТЕНЦИАЛ ВНЕДРЕНИЯ КАМЕРЫ ХРАНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ 39
Смушкин Александр Борисович, Вехов Виталий Борисович

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИСВОЕНИЯ НАЙДЕННОГО ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА 46
Титкова Ольга Игоревна

КОМПЬЮТЕРНЫЕ КЛУБЫ КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 51
Илясова София Вячеславовна, Лаврик Татьяна Михайловна

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

О СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ СООБЩЕСТВАХ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ 60
Политкин Илья Александрович

ЭЛЕМЕНТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 66
Джакипов Улан Дженишович

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ФИНАНСОВОГО
И НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ.....73
Неткачев Сергей Викторович

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УСТАВНОГО КАПИТАЛА
КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НЕДЕНЕЖНЫМИ АКТИВАМИ 82
Савенкова Полина Германовна

CONTENTS

ISSUES OF THEORY AND HISTORY OF LAW

THE IMPACT OF DEMOGRAPHIC PROCESSES AND POLITICAL EVENTS ON LEGAL CONSCIOUSNESS OF CITIZENS OF ANCIENT ROME 7
Nikitin A.N.

CONTENT, PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW

STATE SYMBOLS AS A MEANS OF PATRIOTIC UPBRINGING FOR LAW ENFORCEMENT PERSONNEL 12
Sapogov V.M., Smorodina V.A.

A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE DEFINITIONS OF «HEGEMON» AND «DEMOCRACY» IN THE NEW EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN FEDERATION 19
Carla Rampino

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF «FINANCING» AS A METHOD OF CONDUCTING FINANCIAL ACTIVITY OF THE STATE 26
Samorodov D.A., Egereva O.A.

RELEVANT ISSUES OF PRIVATE LAW

PROTECTION OF THE RIGHTS OF BONA FIDE PURCHASERS IN THE CONTEXT OF DECLARING REAL ESTATE TRANSACTIONS INVALID 32
Sirik N.V.

SPECIFIC ISSUES OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

THE POTENTIAL FOR INTRODUCING AN ELECTRONIC EVIDENCE STORAGE CHAMBER 39
Smushkin A.B., Vekhov V.B.

QUALIFYING THE APPROPRIATION OF FOUND PROPERTY BELONGING TO ANOTHER 46
Titkova O.I.

COMPUTER CLUBS AS AN ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORM OF INVESTMENT ACTIVITY 51
Iliasova S.V., Lavrik T.M.

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

ON FAMILY LAW COMMUNITIES IN RUSSIAN CIVIL LAW 60
Politkin I.A.

ELEMENTS OF THE CIVIL-LAW STATUS OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS 66
Dzhakipov U.D.

THEORETICAL ASPECTS OF THE RATIO OF FINANCIAL AND TAX CONTROL.....73
Netkachev S.V.

SPECIFICS OF THE FORMATION OF SHARE CAPITAL
OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS THROUGH NON-MONETARY CONTRIBUTIONS.....82
Savenkova P.G.

УДК 340.114.5 DOI 10.21777/2587-9472-2026-3-7-11

ВЛИЯНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ ГРАЖДАН ДРЕВНЕГО РИМА

Никитин Алексей Николаевич[1],
д-р юрид. наук, д-р историч. наук, профессор,
e-mail: profnikitin@mail.ru
[1]*Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия*

В статье рассматриваются причины и условия роста численности граждан Древнего Рима, раскрывается воздействие демографических и политических процессов на их правосознание, исследуется взаимосвязь предписаний римского частного права и политической системы, утвердившейся в Римской империи. Показано значение института гражданства в трансформации обыденного правосознания лиц, населяющих античные полисы. Выявлено, что Древний Рим создал систему, обеспечившую неограниченный рост штатной численности вооруженных сил. Однако этот процесс, в сочетании с растущим имущественным расслоением, повлек за собой изменение государственного строя и утрату правовых доминант, на которых основывалось правосознание римлян.

Цель статьи – показать степень влияния демографических и политических процессов на правосознание общества, выявить позитивные и негативные факторы такого влияния.

Автор пришел к выводу, что неконтролируемое увеличение численности населения Древнего Рима в сочетании с растущим имущественным расслоением привело к изменению государственного строя и деформации общественного правосознания.

Ключевые слова: город-государство, империя, патриции, плебеи, римский народ, право, обыденное правосознание, Цицерон, Ульпиан

THE IMPACT OF DEMOGRAPHIC PROCESSES AND POLITICAL EVENTS ON LEGAL CONSCIOUSNESS OF CITIZENS OF ANCIENT ROME

Nikitin A.N.[1],
Doctor of Legal Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor,
e-mail: profnikitin@mail.ru
[1]*The Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia*

This article examines the causes and conditions of the growth of the citizenry of Ancient Rome, reveals the impact of demographic and political processes on their legal consciousness, and explores the relationship between the prescriptions of Roman private law and the political system established in the Roman Empire. The importance of the institution of citizenship in transforming the everyday legal consciousness of individuals inhabiting ancient city-states is demonstrated. It is revealed that Ancient Rome created a system that ensured unlimited growth in the authorized size of the armed forces. However, this process, combined with growing property stratification, led to a change in the political system and the loss of the legal dominants on which Roman legal consciousness was based.

This article aims to demonstrate the extent to which demographic and political processes affect society's legal consciousness and to identify the positive and negative factors of this impact.

The author concludes that the uncontrolled population growth of Ancient Rome, combined with growing property stratification, led to a change in the political system and a distortion of public legal consciousness.

Keywords: city-state, empire, patricians, plebeians, Roman people, law, common legal consciousness, Cicero, Ulpianus

Институт гражданства являлся одной из важнейших особенностей общественного и государственного устройства античных полисов, отличавших их от древневосточных государств. Именно правовая связь с городом-государством выделяла определенную социальную группу из общей массы людей, проживавших на его территории. Аристотель утверждал: «…государство есть совокупность граждан» [1, с. 94]. Тот, кто был приобщен к полису – как правило, в силу своего рождения, – считался полноправным гражданином [2, с. 233]. Граждане обладали полной правоспособностью, свободные, но не граждане: в Спарте – периэки, в Афинах – метеки были лишь частично правоспособными, причем только в сфере частноправовых отношений, рабы же вообще не являлись субъектами права.

В силу ряда причин, в том числе из-за географического положения полисов (гористая местность, нахождение на морском побережье, на островах) количество граждан в них было сравнительно невелико: в Афинах порядка 14 тысяч, в Спарте и того меньше – 9–10. Правда, попытки увеличить численность граждан не только за счет повышения рождаемости предпринимались. Аристотель пишет, что в Афинах Клисфен после изгнания тиранов вписал в филы многих иноземцев и метеков. В Спарте при первых царях права гражданства «давались и негражданам, так что в то время, несмотря на продолжительные войны, малолюдства не было…» [1, с. 82]. Но со временем оно возникло, став причиной поражения спартиатов в сражении при Левктрах. Спарта могла значительно увеличить количество граждан, признав таковыми периэков, но Ликург не решился на столь радикальный шаг, хотя выделил им 30 тысяч земельных участков.

Власти Спарты, стремясь к тому, чтобы спартиатов было как можно больше, побуждали граждан к возможно большему деторождению. Был даже принят специальный закон – отец трех сыновей освобождался от военной службы, имевший четырех – вообще от всех повинностей [1, с. 82]. Однако все попытки увеличить рождаемость потерпели неудачу. Аристотель считал, что причиной явилось слишком вольготное положение женщин. Оно оказалось «вредоносным с точки зрения той главной цели, какую преследует (лакедемонский) государственный строй, и не служит благополучию государства вообще… женщины в Лакедемоне в полном смысле слова ведут своевольный образ жизни и предаются роскоши» [1, с. 80]. Заботы о семье, тем более желание иметь много детей, видимо, не относились к числу их добродетелей.

Иное положение существовало в Риме, особенно когда он, подобно Афинам и Спарте, представлял собой город-государство. Согласно Закону XII Таблиц, даже совершеннолетние женщины должны были состоять под опекою, замужняя же в правовом отношении пребывала на положении дочери [3, с. 65]. Семья для римлянина являлась важнейшей ценностью, поэтому усыновление чужих детей с целью продолжения рода практиковалось довольно часто.

Увеличение количества римских граждан происходило не только благодаря деторождению. Существовал детально разработанный правовой механизм приобретения римского гражданства рабами, получившими свободу, а также жителями Лациума – области, где находился Рим.

Способствовали увеличению числа граждан воины-ветераны. Императорскими указами некоторым из них предоставлялось право вступать в римский брак с теми латинянками и иностранками, на которых они женились после отставки от военной службы. Дети, рожденные от этого брака, делались римскими гражданами и состояли под отцовской властью [с. 4, 25].

Римское гражданство можно было выслужить. Лица, отправлявшие высшие должности, не только сами становились гражданами, но и их родители, жены, дети. За исполнение общественной и почетной должности тоже давалось гражданство, но только личное. В конечном счете, в обыденном правосознании вплоть до 212 года н. э. присутствовало представление, что римское гражданство – это привилегия, доступная не всякому живущему на территории государства. В частности, иностранцы, покоренные с оружием в руках, не могли стать гражданами. Да и освобожденные от рабства считались гражданами второго сорта, в отличие от свободнорожденных. Назывались вольноотпущенными. Вольноотпущенные составляли окружение своего патрона, в первую очередь ему выражали преданность и лишь затем государству.

Весьма неоднозначным было положение плебеев. В Манифесте Коммунистической партии они представлены классовым врагом патрициев, ведущим «непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся

классов» [5, с. 24]. В действительности же плебеи боролись за то, чтобы иметь равные с патрициями права, в частности избирать консулов из своей среды [4, с. 162]. Победа плебеев не привела к переустройству общественного здания Рима, а благодаря ей укрепила его. Возникли римский народ и цивильное право и, соответственно, понятия, их обозначавшие. Выдающийся римский юрист Гай позднее разъяснял: «…словом народ обозначаются все граждане, включая сюда и патрициев, наименованием же плебса обозначаются прочие граждане, за исключением патрициев» [4, с. 17]. Решения плебейских собраний, не признававшиеся ранее патрициями, так как составлены без их соизволения и участия, были поставлены наравне с законами [4, с. 17]. Законом же считалось то, что одобрил и постановил народ, утвердившийся в правосознании римлян в качестве носителя суверенитета государства и высшего судьи. До учреждения должности диктатора никто не мог распоряжаться жизнью римского гражданина без приказа народа.

Объединение патрициев и плебеев не только значительно увеличило количество римских граждан и, следовательно, мощь образуемого ими войска, но и способствовало появлению новых должностей: трибунов, эдилов, а также нового источника права – плебисцитов. Связь между ростом населения и изменениями в организации власти отмечали сами римляне. В частности, Помпоний писал: «…когда государство некоторым образом увеличилось, то сам Ромул разделил народ на 30 частей и назвал эти части куриями…» [4, с. 159]. Увеличением народа и часто возникавшими войнами объяснял он и учреждение экстраординарной магистратуры – диктатуры, а избрание перегринского претора, выносившего решения по делам между перегринами-иностранцами, тем, что «много перегринов пришло в государство» [4, с. 163].

Ростом количества граждан Помпоний обосновал прекращение практики созыва народных собраний, и что особенно важно, переход к качественно иной системе власти – принципату. Помпоний писал: «Трудно стало собирать плебс, а собирать весь народ – еще труднее. При таком множестве людей сама необходимость возложила заботу о государстве на сенат… Наконец, сами дела потребовали установления права меньшим количеством способов и оказалось необходимым, чтобы забота о государстве была возложена на одного… [4, с. 161].

Представляет интерес то, как римские юристы, в частности Ульпиан, обосновали право принцепса управлять государством, как характеризовали сущность его власти. Ульпиан утверждал, что народ посредством царского закона, якобы принятого по поводу высшей власти принцепса, предоставил ему «всю свою внешнюю власть и мощь» [4, с. 169]. Ульпиан также указывал, что принцепс свободен от (соблюдения) законов, а то, что он «постановил путем письма и подписи или предписал, исследовав дело, или вообще высказывал, или предписал посредством эдикта, как известно, является законом» [4, с. 169].

Узурпация верховной власти, носителем которой являлся народ, стала возможной во многом в результате трансформации правосознания граждан Рима, и в первую очередь обыденного правосознания. Убийство народных трибунов Тиберия и Гая Гракхов, бессрочная диктатура Суллы, замена народного ополчения наемной армией и особенно гражданские войны разрушили правовые доминанты указанного вида общественного сознания. Граждане Рима, которых уже было сотни тысяч человек, свою публичную правоспособность – участие в работе народного собрания, право избирать и быть избранными, состоять в ополчении обменяли на «хлеб и зрелища», даваемые государством.

Свой вклад в трансформацию правосознания римских граждан в нужном для императорской власти направлении внесли её сторонники из числа юристов, и в первую очередь те, кто формировал правовую идеологию, правовые доктрины и доминанты. Так, в период республики её убежденный защитник, известный оратор и правовед Цицерон учил: «Государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов» [6, с. 64]. Примечательно, что, по мнению Цицерона, образование государственных институтов невозможно без определенного «согласия в вопросах права» [7, с. 139]. Именно Цицерон использовал термин «республика» в смысле «достояние народа».

Апологеты императорской власти, в частности уже упоминавшийся Ульпиан, утверждали – право распадается на две части: публичное и частное, «публичное право, которое (относится) к положению

римского государства, частное, которое (относится) к пользе отдельных лиц; существует полезное в общественном отношении и полезное в частном отношении» [4, с. 157].

Между тем Цицерон подчеркивал: «Существует лишь одно право, связывающее человеческое общество и установленное одним законом… и если… следует все измерять выгодой, то этими законами пренебрежет и их, если сможет, нарушит всякий, кто сочтет, что это будет ему выгодно» [6, с. 165].

Деление права на публичное и частное, основанное на признании того, что у государства и у гражданина могут быть разные интересы, приобрело особое значение в связи с изданием в 212 г. императором Антонином Каракаллой известной конституции. На ее основании все люди, находившиеся в пределах Римской империи, стали римскими гражданами. Каракалла издал данный акт, руководствуясь фискальными соображениями, надеясь таким образом увеличить свои доходы, поскольку не имевшие гражданства не платили некоторый вид налогов. В конечном счете, новоиспеченные граждане, которым император на словах оказывал честь, представляли собой людей, не считавших государство своим «достоянием», собранных вместе случайным образом, не связанных между собой общностью интересов [8, с. 72].

Не предполагали наличие общих интересов и предписания права, сформулированные Ульпианом: жить честно, не чинить вред другому, каждому воздавать то, что ему принадлежит [4, с. 159]. Указанные предписания основывались на принципах морали, выражали сущность частного права, формировали в обыденном правосознании граждан Рима доминанты, никак не связанные с государственным устройством.

Признано, что в период принципата частное право, равно как и профессиональное и доктринальное правосознание, достигли наивысшего уровня развития. Однако эти достижения римлян в сфере права и правовой культуры лишь подчеркивали моральную деградацию общества и негативные процессы, развертывавшиеся в политической жизни империи. С установлением же домината, т.е. окончательным оформлением монархии развивалось только военное право, субъектами которого охотно становились иностранцы, главным образом германцы. Римские граждане предпочитали уклоняться от военной службы. Между тем германцам традиционные ценности римского общества были чужды, поэтому именно германец Одоакр – префект претория, второй после императора человек в империи – поставил точку в многовековой истории римского государства.

В заключение представляется необходимым отметить следующее. Малолюдство, т.е. ограниченное количество граждан и, следовательно, составленное из них войско явилось одной из главных причин утраты греческими полисами государственного суверенитета. Древний Рим создал систему, обеспечившую неограниченный рост числа граждан, составлявших его вооруженную силу. Однако неконтролируемое увеличение количества граждан, в сочетании с растущим имущественным расслоением повлекло за собой изменение государственного строя и утраты правовых доминант, на которых основывалось правосознание римлян. А именно оно являлось несущей конструкцией римской государственности. В период домината римляне окончательно стали подданными императора, а после крушения империи – варварских королей.

Список литературы

1. *Аристотель.* Политика. Афинская полития / предисл. Е.И. Темнова. – Москва: Мысль, 1997. – 458 с.
2. *Утченко, С.Л.* Древний Рим: события, люди, идеи / С.Л. Утченко. – Москва: Наука, 1969. – 324 с.
3. *Гуревич, Д.* Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме / Д. Гуревич, М.-Т. Рапсат-Шарлье; [пер. с фр. Н.Н. Зубкова]. – Москва: Молодая гвардия, 2006. – 259 с.
4. Памятники римского права: Законы XII Таблиц. Институции Гая. Дигсеты Юстиниана. – Москва: Зеркало, 1997. – 608 с.
5. *Маркс, К.* Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва: Политиздат, 1981. – 63 с.
6. *Цицерон Марк Туллий*. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма / предисл. Е.И. Темнова. – Москва: Мысль, 1999. – 782 с.
7. *Ранович, А.Б.* Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению империи / А.Б. Ранович // Вестник древней истории. – 1946. – № 2 (16). – С. 66–80.
8. *Утченко, С.Л.* Политические учения древнего Рима / С.Л. Утченко. – Москва: Наука, 1977. – 257 с.

References

1. *Aristotle.* Politics. Athenian politics / Foreword. E.I. Temnova. – Moscow: Thought, 1997. – 458 p.
2. *Utchenko, S.L.* Ancient Rome: events, people, ideas / S.L. Utchenko. – Moscow: Science, 1969. – 324 p.
3. *Gurevich, D.* The daily life of a woman in ancient Rome / D. Gurevich, M.-T. Rapsat-Charlier; [trans. from French by N.N. Zubkova]. – Moscow: Young Guard, 2006. – 259 p.
4. Monuments of Roman law: Laws of the XII Tables. Guy's institutions. Justinian digsets. – Moscow: Mirror, 1997. – 608 p.
5. *Marx, K.* Manifesto of the Communist Party / K. Marx, F. Engels. – Moscow: Politizdat, 1981. – 63 p.
6. *Cicero Mark Tullius*. About the state. On laws. About old age. About friendship. About responsibilities. Speeches. Letters / Foreword. E.I. Temnova. – Moscow: Thought, 1999. – 782 p.
7. *Ranovich, A.B.* Edict of Caracalla on granting Roman citizenship to the population of the empire / A.B. Ranovich // Bulletin of Ancient History. – 1946. – № 2 (16). – P. 66–80.
8. *Utchenko, S.L.* Political teachings of ancient Rome / S.L. Utchenko. – Moscow: Science, 1977. – 257 p.

Статья поступила в редакцию: 22.04.2026
Статья принята к публикации: 10.05.2026

Received: 22.04.2026
Accepted: 10.05.2026

УДК 34.01 DOI 10.21777/2587-9472-2026-3-12-18

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ КАК СРЕДСТВА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОГО СОСТАВА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Сапогов Владимир Митрофанович[1],
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: dikbul@yandex.ru

Смородина Виктория Анатольевна[2],
канд. юрид. наук,
e-mail: smorodina-svu@ya.ru
[1]*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Псковский государственный университет», г. Псков, Россия*
[2]*Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение дополнительного профессионального образования «Учебно-методический центр по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям», г. Санкт-Петербург, Россия*

На основе авторских подходов к пониманию патриотизма как системообразующего компонента профессионализма сотрудников правоохранительных органов, процессов формирования их патриотических качеств, составляющих основы профессионально-патриотической культуры, рассматриваются актуальные проблемы использования государственных символов РФ как средств патриотического воспитания личного состава правоохранительных органов. В исследовании применялся системный и комплексный подход к исследованию проблемы с позиции юриспруденции, психологии, социологии. Авторы полагают, что патриотическое воспитание сотрудников правоохранительных органов не может обойтись без использования основополагающих символов государства, олицетворяющих его главные идеи и принципы. Затрагивается проблема организации воспитательной работы с личным составом правоохранительных органов в аспекте формирования патриотизма сотрудника. Результаты исследования дополняют и расширяют систему знаний об организационно-правовых аспектах информационно-пропагандистской работы с сотрудниками правоохранительных органов, формировании патриотических чувств сотрудника правоохранительного органа в соответствии нормами, обозначенными в документах стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности РФ.
По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: правоохранительные органы, патриотизм, патриотическое воспитание, государственные символы России, государственная служба, личный состав, средства воспитания

STATE SYMBOLS AS A MEANS OF PATRIOTIC UPBRINGING FOR LAW ENFORCEMENT PERSONNEL

Sapogov V.M.[1],
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: dikbul@yandex.ru

Smorodina V.A.[2],
Candidate of Legal Sciences Sciences,
e-mail: smorodina-svu@ya.ru
[1]*The Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pskov State University", Pskov, Russia*
[2]*St. Petersburg State Governmental Institution of Additional Professional Education "Educational and Methodological Center for Civil Defense and Emergency Situations", St. Petersburg, Russia*

Based on the authors' approaches to understanding patriotism as a core component of law enforcement officers' professionalism, and the processes of forming their patriotic qualities that constitute the foundations of a professional-patriotic culture, the article examines current problems in using state symbols of the Russian Federation as means of patriotic education for law enforcement personnel. The study applied a systematic and comprehensive approach to the problem from the standpoint of jurisprudence, psychology, and sociology. The authors argue that patriotic education of law enforcement officers cannot be complete without the use of the fundamental symbols of the state, which embody its main ideas and principles. The article also addresses the organization of educational work with law enforcement personnel with regard to shaping officers' patriotism. The findings complement and expand the body of knowledge on the organizational and legal aspects of information and advocacy work with law enforcement officers, and on shaping officers' patriotic feelings in accordance with the norms set out in the strategic planning documents on ensuring the national security of the Russian Federation. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: law enforcement agencies, patriotism, patriotic education, state symbols of Russia, public service, personnel, means of education

Введение

Современная социально-политическая ситуация и события последних лет подтверждают необходимость повышения уровня общественного патриотического сознания, чтобы обычным явлением была готовность к патриотическому действию.

Как показывает история нашего государства, стимулирующий фактор в виде патриотического сознания зачастую выходит на передний план и играет решающую роль в той или иной социальной ситуации.

По этой причине использование государственной символики в той или иной форме имеет высокий потенциал для формирования патриотических чувств, поскольку формирует в сознании сотрудника правоохранительного органа приверженность тем идеалам и смыслам, которые обозначены в документах стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности РФ как традиционные ценности. В этой связи целью настоящего исследования является определение сущностных характеристик патриотического сознания сотрудников правоохранительных органов и выявление особенностей его формирования на основе использования государственных символов.

Поскольку на сегодняшний день воздействие на патриотическую составляющую сознания сотрудников правоохранительных органов обретает особую значимость, важно доносить до стражей правопорядка их особую роль в поддержании стабильности и безопасности государства.

На повестке дня формирование у сотрудников правоохранительных органов солидарности с нравственными ориентирами, формирующими мировоззрение граждан России, лежащими в основе общероссийской гражданской идентичности.

На формирование такого мировоззрения сотрудников правоохранительных органов могут оказывать влияние основополагающие символы государства, которые олицетворяют его главные идеи и принципы. Их образ, запечатлённый в сознании сотрудника, неразрывно связывает человека со своим призванием службы на благо общества и государства. И такое чувство связи со своей страной порождает в людях уверенность в правильности собственных действий, ощущение сопричастности в деле защиты традиционных ценностей.

Основная часть

Патриотизм как системообразующий компонент профессионализма сотрудников правоохранительных органов выступает сложным и многоаспектным феноменом и весьма активно изучается современными исследователями. М.А. Мазур выделяет как самостоятельную категорию патриотическую культуру сотрудника органов внутренних дел и определяет ее как «вид его профессиональной культуры, в которой обеспечение и защита жизненно важных интересов государства и общества выступает

ведущей ценностью профессиональной деятельности» [1, с. 7]. Ряд исследований подтверждают взаимосвязь нравственных качеств и ценностей сотрудников правоохранительных органов и их патриотизма [2; 3], указывают на необходимость осуществления патриотического воспитания в период прохождения службы [4; 5].

Согласимся с исследователями в том, что патриотизм не возникает у сотрудника правоохранительного органа сам по себе. Патриотические чувства возникают не только на основе знаний и обладания ценностными ориентациями патриотической направленности, но и готовности воплощать и защищать эти ценности в повседневной жизни и в профессиональной деятельности.

Формирование патриотических качеств сотрудников правоохранительных органов не происходит в отрыве от общего процесса формирования патриотических качеств гражданина и имеет определенные особенности. Речь идет об организации этого процесса, который характеризуется направленностью формирования патриотизма, институциональностью, планомерностью, постоянством, последовательностью осуществления в рамках морально-психологического обеспечения деятельности правоохранительных органов.

Так, согласно Положению о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел РФ (далее – Положение о МПО), морально-психологическое обеспечение включает в себя согласованный по целям, задачам и времени процесс формирования (достижения) и поддержания у сотрудников органов внутренних дел РФ профессионально значимых морально-политических, нравственных и психологических качеств, позволяющих успешно выполнять оперативно-служебные задачи в любых условиях обстановки. При этом к основным целям морально-психологического обеспечения относятся: «формирование у сотрудников государственно-патриотического мировоззрения, их воспитание в духе преданности Отечеству, личной ответственности за его историческую судьбу… закрепление в сознании сотрудников традиционных российских духовно-нравственных ценностей, общероссийской гражданской идентичности»[1].

Патриотическое воспитание можно определить как направление политико-воспитательной работы (являющейся основным видом морально психологического обеспечения), нацеленное на формирование у сотрудников правоохранительных органов патриотического сознания и ценностей, чувств и отношений, убеждений и мотивов служения Отечеству.

Для исследования отношения к патриотизму сотрудников правоохранительных органов были опрошены действующие сотрудники, проходящие службу в различных подразделениях МВД России, ФСБ России, ФССП России, ФСИН России, ФТС России, Росгвардии, Следственного комитета РФ Северо-Западного федерального округа. Опрос осуществлялся в электронной форме и содержал вопросы, касающиеся: понимания понятия патриотизма и его признаков; личного отношения к патриотизму; использования государственной символики в патриотическом воспитании; мер повышения патриотизма сотрудника правоохранительного органа; организации патриотического воспитания по месту службы.

Полученные ответы составили следующую общую характеристику патриотизма сотрудников правоохранительных органов.

На прямой вопрос «Вы патриот?» 98 % ответили утвердительно.

На вопрос «Патриотизм – это…» максимальное количество сотрудников (86 %) выбрали вариант ответа: «социальное чувство, содержанием которого является любовь, привязанность к родине, преданность ей и готовность к жертвам ради неё». 100 % опрошенных сотрудников выбрали ответ: «Настоящий патриот любит свою страну, но при этом уважает другие народы и страны, их традиции и обычаи». Таким образом, подавляющее большинство опрошенных имеют конструктивное понимание патриотизма.

Представляют исследовательский интерес результаты опроса относительно патриотичности действий, связанных с эмиграцией и двойным гражданством. 54,9 % опрошенных сотрудников согласились с тем, что не является патриотом человек, который эмигрировал на постоянное место жительства в другое государство. 19,6 % не посчитали данное явление проявлением непатриотизма, а 25,5 % за-

[1] Приказ МВД России от 27.08.2024 № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации».

труднились ответить. 68,6 % респондентов не считают, что лицо, имеющее гражданство нескольких государств, не является патриотом. 19,6 % выразили противоположное мнение, а 11,8 % затруднились с ответом. Как представляется, опрошенные сотрудники связывают проявление патриотизма с действиями, а не со статусами человека.

В ходе опроса выявлялись установки и ценностные ориентации сотрудников относительно способов проявления своего патриотизма. На вопрос: «Как патриот, на что вы готовы ради своей страны?» было предложено выбрать все возможные варианты и получены следующие ответы: 21,6 % – «демонстрировать символику страны на одежде, на автомобиле, на теле (нанесение татуировок); 11,8 % – «оставаться на службе сверхурочно, не требуя оплаты»; 13,7 % – «носить элементы традиционной культуры (одежда, причёски, борода)»; 5,9 % – «иметь минимальное количество выходных дней»; 25,5 % – «иметь ограниченный выезд за границу»; 70,6 % – «участвовать в общественных массовых мероприятиях патриотической направленности (митинги, парады, праздники)»; 7,8 % – «иметь возможные проблемы с созданием собственной семьи из-за сложностей несения службы»; 11,8 % – «я не готов тратить своё время и возможности на идеологическую пропаганду».

Исходя из полученных ответов, можно сделать вывод о том, что опрошенные сотрудники придают большое значение использованию государственной символики для выражения патриотичности; в ряде случаев даже согласны на определенные неудобства, лишения и ограничения.

В подтверждение этих выводов представим результаты ответов на вопрос: «Какие меры повышают патриотизм сотрудника правоохранительного органа (также было предложено выбрать все возможные варианты): «патриотическое воспитание в подразделении в рамках служебной подготовки» – 47,1 %; «знакомство с героическими подвигами сотрудников правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны» – 43,1 %; «знакомство с героическими подвигами сотрудников правоохранительных органов в горячих точках» – 41,2 %; «участие в спортивных мероприятиях» – 19,6 %; «участие в общественных массовых мероприятиях патриотической направленности» – 47,1 %; «участие в праздничных, ритуальных и других мероприятиях своего подразделения, службы» – 29,4 %; «создание по месту службы для ознакомления сотрудников выставок и уголков, посвященных государственной символике и ее истории» – 31,4 %; «оформление наглядной агитации в служебных помещениях учреждений и органов» – 19,6 %; «соответствующее уровню жизни в стране материальное обеспечение сотрудников» – 41,2 %; «создание достойных условий службы, оборудование служебных помещений по нормам положенности» – 43,1 %.

Как и в ответах на предыдущий вопрос, опрошенные сотрудники правоохранительных органов выделяют значимость использования государственных символов в деятельности по повышению патриотизма.

Отдельное внимание хотелось бы обратить на ответы, показывающие взаимосвязь формирования патриотизма у сотрудников правоохранительных органов и условий прохождения ими службы. Почти половина респондентов считает материально-техническое обеспечение действенной мерой формирования патриотизма в правоохранительных органах.

Относительно организации патриотического воспитания в органах, где проходят службу опрошенные сотрудники, вывод можно сделать из ответов на вопрос: «В вашем подразделении, службе, на ваш взгляд, эффективно организовано патриотическое воспитание?» – 66 % ответили «да», а 34 % заявляют о его неэффективности по месту службы.

Исходя из результатов опроса, можно сделать вывод о том, что опрошенные сотрудники правоохранительных органов осознают суть патриотизма, считают себя патриотами и не только на словах готовы проявить свою патриотическую позицию.

Государственная символика, используемая при организации общественных массовых мероприятий патриотической направленности, в праздничных, ритуальных и других служебных мероприятиях, для оформления наглядной агитации и выставок в служебных помещениях учреждений и органов, оказывает влияние на возникновение патриотических чувств и ценностных ориентаций сотрудников правоохранительных органов.

Отдельные позиции в ответах наталкивают на необходимость модернизации подходов к организации патриотического воспитания в правоохранительных органах.

По нашему представлению, большую роль в этом может играть широкое использование государственной символики в сфере профессиональной правоохранительной деятельности.

Посредством воздействия на эмоциональную составляющую сознания через символику государства и закрепления за ними позитивного чувственного образа достигается положительный эффект патриотического воспитания. Наглядные образы запечатлеваются в памяти человека, взывают к положительным воспоминаниям, возникает некая привязка к символике государства.

Символы, как средство формирования гражданской идентичности, используемые во многих государствах, демонстрируют возрастающую роль виртуальной реальности и перформативности [6].

Общеизвестно, что особенностью патриотического воспитания является добровольность и желание человека быть частью страны, а также потребность служения Родине, внести вклад в становление государства. При соблюдении данных условий патриотическое воспитание сотрудников правоохранительных органов принесет позитивные для государства последствия [7, с. 143].

Возможности использования символики государства в воспитательной работе с личным составом правоохранительных органов очень широки. Для многих форм воспитательной работы государственная символика выступает неотъемлемый атрибутом, а значит требуется так организовать работу с личным составом, чтобы сотрудники осознавали роль госсимволики в проводимом мероприятии.

Важным аспектом закрепления связи положительных эмоций сотрудника с элементами государственной символики, на наш взгляд, выступает церемония чествования отличившихся сотрудников наградными документами с изображением государственных символов. Таким образом положительный опыт, связанный с награждением, будет ассоциироваться с символами государства, от лица которого происходило поощрение.

Изучая практику органов внутренних дел, обратимся к Положению о МПО, в котором определено, что официальные государственные символы РФ (Государственный флаг, Государственный герб, Государственный гимн), а также официальные символы субъекта РФ (флаг, герб, гимн) относятся к средствам морально-психологического обеспечения, которые используются в политико-воспитательной работе с личным составом органов внутренних дел, прежде всего, в целях сохранения и развития профессиональных традиций в органах, организациях, подразделениях МВД России при проведении служебных церемоний и ритуалов, таких как общий развод нарядов для заступления на службу по охране общественного порядка, торжественное возложение венков, цветов к мемориалам, памятникам и могилам сотрудников, погибших при исполнении служебного долга; приведение сотрудников к Присяге, вручение служебных удостоверений и личного табельного оружия; торжественный выпуск специалистов для органов внутренних дел образовательными организациями МВД России; вручение сотрудникам государственных наград и ведомственных знаков отличия; проводы и встречи личного состава подразделений, направляемых для выполнения оперативно-служебных задач в особых условиях; отдание почестей при погребении умерших или погибших сотрудников и др.[2]

Порядок официального использования государственных символов РФ установлен Федеральными конституционными законами[3].

Использование смыслового содержания Государственного флага и Государственного гимна России может быть уместным и эффективным средством информационной работы по разъяснению сотрудникам правоохранительных органов целей государственной политики и направлений общественного развития [8, с. 356].

Помимо демонстративной части, нужна разъяснительная работа, посвящающая сотрудников правоохранительных органов в подробности образования и развития нашего государства, сопровождавшихся подвигами наших предков, примерами героизма и мужества современных защитников Отечества [9].

В целях достижения указанных результатов можно предложить дополнить планы информационно-пропагандистской работы историческими экскурсами, позволяющими объяснить некоторые события нынешнего времени, проводя исторические параллели с современностью [10].

---

[2] Приказ МВД России от 27.08.2024 № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел РФ».

[3] Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 1-ФКЗ «О Государственном флаге РФ», Федеральный конституционный закон «О государственном гимне РФ» от 25.12.2000 № 3-ФКЗ.

Заключение

Нормативно-правовое регулирование использования государственной символики является важной частью государственной политики патриотического воспитания граждан.

Регламентация использования государственной символики в деятельности правоохранительных органов необходима, она подчёркивает важность этой деятельности, однако невозможно урегулировать любые действия с символами государства. И законодательство должно предоставлять разумную свободу в их использовании, позволяя выразить сотрудникам патриотические чувства к своей стране.

Ведомственные акты правоохранительных органов, определяющие перечень тематических стендов, на которых могут размещаться государственные символы РФ, должны содержать указание на возможность размещения государственной символики на средствах наглядной информации, посвящённых истории создания символов государства и раскрытию их смысловой нагрузки.

Представляется целесообразным разработка единых для всех федеральных исполнительных органов власти методических рекомендаций по использованию государственной и ведомственной символики в процессе патриотического воспитания личного состава правоохранительных органов с учетом протокольных моментов, связанных с размещением флагов и символики.

Отметим, что с 2022 года в практику работы государственных и муниципальных общеобразовательных организаций, учреждений среднего профессионального образования Минпросвещения РФ внедрен комплекс мер по изучению истории государственных символов РФ, церемонии поднятия Государственного флага РФ и исполнению Государственного гимна РФ[4].

Самой значимой категорией с точки зрения способности восприятия и усвоения полученной информации является подрастающее поколение правоохранителей, к которым относятся обучающиеся ведомственных образовательных организаций. Патриотические и гражданские качества будущих сотрудников целесообразно развивать уже на этапе обучения, но не просто декларируя эти ценности, а посредством тщательной разъяснительной работы.

Популяризация патриотизма, основанная на применении в различных формах символики государства, имеет высокий потенциал, поскольку взывает сознание сотрудника правоохранительного органа к возвышенным социальным ценностям, укрепляя его моральный дух.

Таким образом, использование государственной символики в работе с личным составом правоохранительных органов, во-первых, повышает эффективность восприятия доводимой до них информации, во-вторых, обеспечивает официальный характер проводимых мероприятий, в-третьих, повышает эффективность формирования у сотрудников патриотизма.

Список литературы

1. *Мазур, М.А.* Формирование патриотической культуры у сотрудников органов внутренних дел: автореф. … канд. пед. наук: 13.00.08 / Мазур Марина Анатольевна; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2013. – 26 с.

2. Исследование ценностных ориентаций лиц, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел, как компонента их профессиональной подготовки / В.В. Крючков, И.В. Хамидова, Е.А. Лопатин, О.В. Свинарева, С.И. Рабазанов // Человеческий капитал. – 2020. – № 12 (144). – С. 108–121.

3. *Свинарева, О.В.* Патриотизм как нравственная составляющая личности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации / О.В. Свинарева, О.Ю. Ананьин, Е.П. Панкратова // Человеческий капитал. – 2022. – № 7(163). – С. 162–173.

4. *Павлова, Е.В.* Патриотическое воспитание, как составляющая воспитательной работы с сотрудниками уголовно-исполнительной системы / Е.В. Павлова, А.В. Аксенова // Административное право и практика администрирования. – 2015. – № 6. – С. 22–27.

5. *Павлов, И.И.* Технология военно-патриотического воспитания военнослужащих войск национальной гвардии в ходе формирования системы нравственных ценностей в подразделениях / И.И. Павлов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 26, № 195. – С. 30–38.

[4] Методические рекомендации «Об использовании государственных символов РФ при обучении и воспитании детей и молодежи в образовательных организациях, а также организациях отдыха детей и их оздоровления», утв. Письмом Министерства просвещения РФ от 15 апреля 2022 г. № СК-295/06 «Об использовании государственных символов РФ».

6. *Чистовский, Д.И.* Взаимосвязь символов, гражданской идентичности и патриотического воспитания / Д.И. Чистовский, Р.Е. Барабанов // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. – 2020. – № 3. – С. 62–64.
7. *Гайдай, М.К.* Психологические особенности патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / М.К. Гайдай, Г.А. Кузьмина // Вестник УЮИ. – 2022. – № 1 (95). – С. 143.
8. *Кузьменюк, А.А.* Применение государственной символики в воспитательной работе с личным составом ОВД: примеры и методическое обеспечение / А.А. Кузьменюк // Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития: материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14 декабря 2022 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 356–359.
9. *Курбатов, С.Н.* Символика патриотического подвига в российском общественном сознании / С.Н. Курбатов, С.В. Гузенина // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2021. – № 4(17). – С. 139–154.
10. *Алиев, Т.И.* Этапы развития патриотической идеи и патриотического воспитания сотрудников пограничных органов ФСБ России / Т.И. Алиев // Евразийское Научное Объединение. – 2018. – № 8-2(42). – С. 59–63.

References

1. *Mazur, M.A.* Formirovanie patrioticheskoj kul’tury u sotrudnikov organov vnutrennih del: avtoref. … kand. ped. nauk: 13.00.08 / Mazur Marina Anatol’evna; Chelyab. gos. ped. un-t. – Chelyabinsk, 2013. – 26 s.
2. Issledovanie cennostnyh orientacij lic, vpervye prinimaemyh na sluzhbu v organy vnutrennih del, kak komponenta ih professional’noj podgotovki / V.V. Kryuchkov, I.V. Hamidova, E.A. Lopatin, O.V. Svinareva, S.I. Rabazanov // Chelovecheskij kapital. – 2020. – № 12 (144). – S. 108–121.
3. *Svinareva, O.V.* Patriotizm kak nravstvennaya sostavlyayushchaya lichnosti sotrudnika organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii / O.V. Svinareva, O.Yu. Anan’in, E.P. Pankratova // Chelovecheskij kapital. – 2022. – № 7(163). – S. 162–173.
4. *Pavlova, E.V.* Patrioticheskoe vospitanie, kak sostavlyayushchaya vospitatel’noj raboty s sotrudnikami ugolovno-ispolnitel’noj sistemy / E.V. Pavlova, A.V. Aksenova // Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. – 2015. – № 6. – S. 22–27.
5. *Pavlov, I.I.* Tekhnologiya voenno-patrioticheskogo vospitaniya voennosluzhashchih vojsk nacional’noj gvardii v hode formirovaniya sistemy nravstvennyh cennostej v podrazdeleniyah / I.I. Pavlov // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2021. – T. 26, № 195. – S. 30–38.
6. *Chistovskij, D.I.* Vzaimosvyaz’ simvolov, grazhdanskoj identichnosti i patrioticheskogo vospitaniya / D.I. Chistovskij, R.E. Barabanov // Vestnik Moskovskogo informacionno-tekhnologicheskogo universiteta – Moskovskogo arhitekturno-stroitel’nogo instituta. – 2020. – № 3. – S. 62–64.
7. *Gajdaj, M.K.* Psihologicheskie osobennosti patrioticheskogo vospitaniya sotrudnikov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii / M.K. Gajdaj, G.A. Kuz’mina // Vestnik UYuI. – 2022. – № 1 (95). – S. 143.
8. *Kuz’menyuk, A.A.* Primenenie gosudarstvennoj simvoliki v vospitatel’noj rabote s lichnym sostavom OVD: primery i metodicheskoe obespechenie / A.A. Kuz’menyuk // Moral’no-psihologicheskoe obespechenie deyatel’nosti organov vnutrennih del: sovremennye podhody i perspektivy razvitiya: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 14 dekabrya 2022 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. – S. 356–359.
9. *Kurbatov, S.N.* Simvolika patrioticheskogo podviga v rossijskom obshchestvennom soznanii / S.N. Kurbatov, S.V. Guzenina // Bogoslovskij sbornik Tambovskoj duhovnoj seminarii. – 2021. – № 4(17). – S. 139–154.
10. *Aliev, T.I.* Etapy razvitiya patrioticheskoj idei i patrioticheskogo vospitaniya sotrudnikov pogranichnyh organov FSB Rossii / T.I. Aliev // Evrazijskoe Nauchnoe Ob”edinenie. – 2018. – № 8-2(42). – S. 59–63.

Статья поступила в редакцию: 04.08.2025
Статья принята к публикации: 15.03.2026
Received: 04.08.2025
Accepted: 15.03.2026

УДК 342.34 DOI 10.21777/2587-9472-2026-3-19-25

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕФИНИЦИЙ «ГЕГЕМОН» И «ДЕМОКРАТИЯ» В НОВОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Карла Рампино[1],
д-р юрид. наук,
e-mail: rampinocarla@gmail.com
[1]Факультет юриспруденции Университета Тор Вергата, Римская делегация региона Апулия, г. Рим, Италия

Статья посвящена анализу правовой и академической критики, прозвучавшей в адрес новой редакции толкового словаря государственного языка РФ, выпущенного в 2025 году. Предметом исследования выступает семантическое содержание и юридическое значение терминов «гегемон» и «демократия» в указанном источнике. Автором решается проблема необоснованного, с его точки зрения, обвинения словаря в идеологической индоктринации. Методология работы включает герменевтический анализ правовых и лингвистических дефиниций, а также историко-правовое сравнение. В ходе исследования установлено, что характеристики США как «гегемона» и описание западной модели как «фиктивной демократии» отражают объективные политико-правовые процессы и практику международных отношений, а не являются результатом исключительно идеологического конструирования. Автор приходит к выводу, что новый словарь следует рассматривать как инструмент юридической формализации актуальных геополитических реалий, побуждающий к переосмыслению кризиса классических демократических институтов. Статья аргументирует необходимость отказа от политизированных оценок в пользу строгого правового анализа. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: государственный язык, словарь, гегемония, демократия, идеология, запад, политико-правовые процессы

A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE DEFINITIONS OF «HEGEMON» AND «DEMOCRACY» IN THE NEW EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Carla Rampino[1],
Doctor of Legal Sciences,
e-mail: rampinocarla@gmail.com
[1]Faculty of Law, University of Rome Tor Vergata; Apulia Region Delegation in Rome, Rome, Italy

This article analyzes the legal and academic criticism directed at the new edition of the explanatory dictionary of the state language of the Russian Federation published in 2025. The study focuses on the semantic content and legal significance of the terms "hegemon" and "democracy" in this source. The author addresses the accusation – which she considers unfounded – that the dictionary engages in ideological indoctrination. The study's methodology includes a hermeneutic analysis of legal and linguistic definitions, as well as a historical and legal comparison. The study finds that characterizing the USA as a "hegemon" and the Western model as a "fictitious democracy" reflects objective political and legal processes and the practice of international relations, rather than being the product of purely ideological construction. The author concludes that the new vocabulary should be viewed as a tool for the legal formalization of current geopolitical realities, prompting a rethinking of the crisis facing classical democratic institutions. The article argues for the necessity of abandoning politicized assessments in favor of rigorous legal analysis. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: state language, dictionary, hegemony, democracy, ideology, the West, political and legal processes

В 2025 году в РФ была выпущена новая редакция толкового словаря государственного языка РФ, который в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 30.04.2025 № 1102-р[1] вошел в список нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка РФ.

Словарь был подготовлен Санкт-Петербургским университетом в сотрудничестве, согласно информации "The Barents Observer"[2], с юридическим отделом Православной церкви и под надзором Министерства юстиции. Такое сотрудничество, но прежде всего участие Патриархата (религиозной организации) и Министерства (юридической организации) вызвало критику со стороны многих лингвистов, а также политологов и юристов.

Основное обвинение, выдвинутое против словаря, заключалось в том, что в новой редакции он преследует идеологические цели. Так, например, историк Михаил Копица называет его «своего рода реструктуризацией мышления детей», полагая, что, если он станет стандартом коммуникации, его содержание повлияет на формулировку политических, социально-экономических и юридических терминов.

Эксперт Университета Финляндии Грегори Гурин утверждает, что словарь не ставит целью отражать современное использование слов, поскольку его истинная цель – быть инструментом, способным интерпретировать язык правительственных органов[3]. То же мнение разделяет Михаил Копотёв, который отметил, что многие слова, преследуя идеологическую и индоктринационную цель, имеют значение, пронизанное не только духовными и моральными, но и юридическими ценностями, что заставляет думать, что цель состоит в том, чтобы превратить лингвистическую терминологию в юридическую. Чтобы подчеркнуть цель индоктринации словаря, он напомнил, что использование словаря как средства для формирования государственной идеологии не является современной практикой, поскольку уже имело место в советскую эпоху, когда был составлен советский толковый словарь Д.Н. Ушакова с целью просвещения народа.

Настоящая статья призвана предложить иную точку зрения на критику, высказанную в адрес новой редакции русского словаря, и, в частности, на то, что он считается идеологическим инструментом, направленным на идеологическую обработку.

Этот взгляд будет обоснован путем анализа значения двух слов, предложенного новым русским словарем: «гегемон» и «демократия».

Выбор этих двух терминов обусловлен тем, что в обоих случаях словарь дает явную ссылку на Запад: в случае слова «гегемон» упоминаются Соединенные Штаты и их modus operandi, направленный на достижение, так называемой, «гегемонной ренты»; в случае слова «демократия» речь идет о ней как о западной политической практике, посредством которой «государственные институты действуют в интересах наиболее влиятельных игроков».

Начиная со слова «гегемон», целесообразно привести определение из нового словаря: гегемон, сущ. [от греч. hēgemón – предводитель]. 1. Тот, кто осуществляет гегемонию, господствует, главенствует над кем-либо, превосходя в силе, влиянии (обычно о классах, партиях, государствах и т.п.). США как мировой гегемон позволяет себе не придерживаться правил, чтобы всегда выигрывать. Рента гегемона (возможность получения выгоды путём сохранения неоколониальной системы, ограничения суверенитета независимых государств и укрепления власти доллара)[4]. 2. В СССР: о рабочем классе как основном социальном классе советского общества. Пролетариат – гегемон революции. // О представителе рабочего класса. Гегемон повеселел и продолжил работу.

Читая любую книгу по международной истории, можно найти множество примеров, когда Соединенные Штаты игнорировали правила с целью осуществления гегемонистской политики на территории за пределами американских границ, проводя тем самым настоящую колониальную политику [1, с. 70].

---

[1] Об утверждении списка нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 30.04.2025 № 1102-р (ред. от 08.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 19. – Ст. 2344.

[2] URL: https://ru.thebarentsobserver.com/slovar-tradicionnyh-cennostej-kak-kreml-perepisyvaet-russkij-azyk/441006

[3] Там же.

[4] Подчеркнутые строки представляют собой новую часть, добавленную в словарь.

Поскольку невозможно привести все примеры из истории, касающиеся рассматриваемой темы, остановлюсь только на одном недавнем событии, которое является ярким примером гегемонии США и привлекло внимание всего мира: российско-украинский конфликт.

Гегемонистская стратегия, применяемая США, всегда состоит из одних и тех же этапов [2, с. 49], а именно: после определения экономических интересов, которые необходимо завоевать, запускается «медийная машина»; благодаря ей Правительство США создает нарратив в полном голливудском стиле: с одной стороны, демонизируя политического лидера страны, над которой США намерены установить свое господство, с другой – создание политической оппозиции во главе с лидером/героем, выражающим недовольство народа и желающим освободить его от режима, жертвой которого он является.

Этот modus operandi, заметим, не является типичным для президента Трампа, но характерным для любой администрации, занимающей президентский пост в Соединенных Штатах Америки.

Описанная выше практика применяется с целью оправдать вмешательство США в дела других государств под формальным предлогом защиты народа, ставшего жертвой режима.

Однако таким образом народ государства, в отношении которого США осуществляют свою гегемонистскую политику, никогда не будет по-настоящему свободным, поскольку в конечном итоге он переходит из состояния жертвы режима, установленного представителями своего собственного народа, в состояние жертвы режима, установленного США. Таким образом, эти народы не только никогда не освободятся от режима, но и начнут подчиняться «новому хозяину» – Западу, с которым у них нет ничего общего, с которым они говорят на разных языках, с которым они исповедуют совершенно разные религию и культуру; с которым им будет трудно договориться и который будет эксплуатировать их в качестве гегемонистской ренты за предоставленную им свободу.

Решающий момент в этом процессе наступает, когда США начинают поставлять оружие группе революционеров, желающих бороться с режимом. Со временем, однако, поставки оружия превращаются в политическую поддержку, то есть, поставляя оружие, США, выступая на стороне народа, сами становятся активной стороной в этом конфликте и подвергаются угрозе со стороны режима, в конечном итоге становясь его главными действующими лицами. Так, благодаря обширному военному арсеналу, которым они располагают, они выигрывают войну, заменяя разгромленное Правительство марионеткой и захватывая те территории, которые обеспечат им так называемую гегемонистскую ренту. По сути, Соединенные Штаты проводят непрерывную кампанию колонизации.

Урок колонизации хорошо известен Соединенным Штатам, поскольку именно благодаря этому процессу европейцы – англичане, французы, испанцы и португальцы – создали Америку.

Этот урок был настолько усвоен Соединенными Штатами, что стал их образом жизни и поведения по отношению к остальному миру, вплоть до возрождения западного империализма. Сами США начали свою колонизационную кампанию именно с того Старого Света, который их создал, который оказался настоящей великой цивилизацией и импортировал ее, пока полностью не утратил себя и не был вынужден подчиниться динамике вассальства в интересах Белого дома как единственному способу выживания.

Сегодня Европа, как мы увидим ниже во втором примере, а именно в Украине, платит цену за освобождение от нацизма и последующее восстановление после Второй мировой войны, которое носит название «План Маршалла» [3, с. 205].

План Маршалла закрепил неразрывную связь между европейскими странами и США, что часто приводило Европейский Союз к поддержке гегемонистской политики американской администрации. Этот пакт, среди прочего, привел Европу к поддержке решения вступить в конфликт между Россией и Украиной.

Этот конфликт, продолжающийся с февраля 2022 года, является еще одним примером использования силы и давления со стороны США на территории, в которой они имеют личные экономические интересы.

Чтобы оправдать вмешательство в Украине, американская администрация, возглавляемая в то время Дж. Байденом, создала нарратив о фигуре российского президента Владимира Путина и другой нарратив о президенте – хотя сегодня его неправильно так называть, поскольку его мандат истек, и никто его не продлевал – Владимире Зеленском.

Президент Путин, как и Мадуро, был изображен как деспот и преступник, не уважающий суверенитет украинского народа, угнетаемого тиранией Кремля [4, с. 89], с другой стороны, Зеленский был символом освобождения и мира.

Фигура Зеленского долгое время возвышалась до уровня настоящего мученика. Это описание оставалось неизменным до избрания президентом Дональда Трампа, который, напротив, перевернул сложившуюся картину. Магнат, далекий от остракизма в отношении России, принятого администрацией Байдена и Брюсселем, начал атаковать президента Киева, когда тот не принял новые условия переговоров с Кремлем.

Президент Трамп, явно стремясь возобновить каналы коммуникации с Россией, публично оскорбил Зеленского, назвав его простым комиком и упрекнув его в неблагодарности за то, что Запад сделал для его страны до этого момента.

Именно в связи с этим изменением курса США западные СМИ начали распространять новости о причастности к крупному коррупционному делу высших чиновников Украины и лиц, наиболее близких к украинскому президенту. Эта игра и смена нарратива оправдываются характером интересов, стоящих за ними. Зеленский – персонаж, созданный администрацией Байдена с целью защиты интересов сына президента в различных месторождениях ресурсов на Украине, продал свою страну Америке в обмен на власть и роль «марионетки Вашингтона». Сегодня, когда президент Трамп с первого дня своего пребывания в должности развенчал любую деятельность, построенную предыдущей администрацией, роль и защита Зеленского значительно ослабли, особенно если учесть интересы Трампа в остальном мире (например, в Гренландии), которые неизбежно приводят его к установлению дипломатических отношений с такими игроками, как Россия и Китай, и именно в этом заключается причина постоянных поездок Виткоффа в Кремль с целью достижения соглашения о передаче Донбасса Москве, которое будет называться «Дорожная карта процветания: видение Украины 2040»[5] – программа, ориентированная на бизнес и эксплуатацию редкоземельных ресурсов, которыми богата Украина[6], проще говоря, гегемонистская рента для Запада и цена, которую заплатит Украина.

Все вышеописанное происходит благодаря, и в то же время из-за кризиса демократии.

В этом смысле русский словарь снова приходит нам на помощь, предлагая объяснение, которое прекрасно описывает истинную «великую драму Запада».

Нарративная машина, использованная в украинском вопросе для демонизации врага, которого нужно уничтожить, а также для виктимизации народа государства, представляющего интерес, была заключена в лозунг «демократия».

С незапамятных времен демократия представляла собой форму государства par excellence, в рамках которой существовали и развивались юридические, политические и любые другие дебаты, способные порождать серьезные размышления о центральной роли человека во вселенной и в государстве [5, с. 115]. Демократия, как ее описал Перикл в 431 году до нашей эры, говоря об Афинах, должна быть Правительством, которое «благоприятствует многим, а не немногим» и в котором «законы ... обеспечивают равное правосудие для всех»[7]. Таким образом, демократия представала в столь совершенной и благородной форме, что ее исполнители были обмануты иллюзией, что она не нуждается в защите, которой можно пренебрегать; никто изначально не опасался, что она будет использована в корыстных целях и станет ложью.

Новый русский словарь, который определяет демократию как «осуществление власти на основе учета мнений всех», по-видимому, вдохновлен мыслью Перикла о демократии. Это понятие, приве-

---

[5] План, который предусматривает выделение Украине со стороны США и Европейского Союза 800 миллиардов долларов в течение 10 лет; который Европейская Комиссия распределила 22 января 2026 года по европейским столицам. Документ определяет основные направления инвестиционной программы для Киева, основанной на мобилизации государственных и частных капиталов и предусматривающей ускоренный процесс вступления Украины в ЕС.

[6] По этому поводу газета Il Manifesto (https://ilmanifesto.it/nel-piano-usa-ue-la-mano-di-blackrock) обращает внимание на участие в плане фонда BlackRock, который выступает в качестве бесплатного консультанта. Участие финансового гиганта вызвало немалую озабоченность со стороны некоторых чиновников как из ЕС, так и из Украины (как сообщает New York Times), и прежде всего в связи с целью финансовых гигантов максимизировать прибыль не только, в случае Украины, для самого фонда, но и, очевидно, для администрации США.

[7] Речь Перикла к афинянам, известная как «Эпитафия», приведенная Фукидидом в 461 г. до н.э. во II книге «Пелопоннесской войны».

денное в словаре, восходит к этимологии слова «Правительство народа», определение, которое само по себе содержит предпосылки для более полного раскрытия концепции, поскольку его можно лучше развить, утверждая, что демократия существует, когда народ участвует в управлении государством. В концепции демократии различаются управляемые и управляющие, причем, согласно демократическому идеалу, это различие должно исчезнуть, но очевидно, что это было бы утопией, особенно с учетом сложности современных государственных систем. Это осознание позволяет принять реалистичное понятие демократии, согласно которому, несмотря на различие между правителями и управляемыми, первые находятся в постоянной связи со вторыми, так что действия Правительства соответствуют реальным потребностям народа [6, с. 198].

Вопреки тому, что должно быть, участие управляемых теперь играет совершенно второстепенную роль, в результате чего демократия на Западе сводится к тому, что прекрасно описывает Русский словарь: «В политической практике западных стран: форма государственного правления, при которой граждане имеют определённые права и свободы, а государственные институты действуют в интересах наиболее влиятельных лиц, воздействующих на процесс принятия решений по вопросам политической, экономической, социальной жизни общества. Фиктивная демократия»; по сути, то, что описано выше, касается вассальных отношений между США и Европой, которые выражаются в безоговорочной поддержке со стороны Евросоюза гегемонистских действий США.

Словарь, помимо упоминания о вассальных отношениях между Европейским союзом и США, в основном объясняет инструментализацию демократии Западом, которой он оправдывает войны и репрессии, чтобы помочь другим государствам достичь более высокого уровня социального благосостояния, а именно: построение демократически избранного правительства. Достижение такого статуса ставит западные государства в положение, позволяющее им легитимизировать любое вмешательство в дела иностранных государств (последние почти всегда характеризуются тем, что в них существуют нестабильные, недемократические режимы) [7, с. 7].

Как указано в словаре, эта практика является «политической практикой», которая не исчерпывается созданием медийного нарратива, направленного на оправдание вооруженного вмешательства, но находит в нем свое продолжение. По сути, это возвращает нас к концепции, выдвинутой Карлом фон Клаузевицем в его работе «О войне», согласно которой «война – это не что иное, как продолжение политики другими средствами» и по этой причине «война – это не только политический акт, но и настоящий инструмент политики, продолжение политического процесса, его продолжение другими средствами» [8].

Таким образом, с этой точки зрения война не является актом силы, который компенсирует провал дипломатии или отвечает на нежелание врага мирным образом разрешить спор, но становится необходимым актом, делая таким образом саму демократию способной оправдать свое существование.

Однако эта демократия далека от того защитного щита и гаранта прав, с которым ее всегда отождествляли, особенно в тот момент, когда цена этой концепции, ставшей теперь лозунгом, ложится на плечи народа, того самого народа, который, будучи ее главным действующим лицом, в конечном итоге страдает от нее и становится творцом самых безнравственных методов, которые она реализует. Этот народ оказывается вынужденным платить цену за несуществующую демократию, обманутый искаженной коммуникацией и манипулируемый теми, кто влияет на мышление масс, направляя их внимание на нереальные вопросы, чтобы скрыть истинные цели: всегда побеждать любой ценой, даже жертвуя годами борьбы, не за завоевание месторождений сырья, а за права и принципы.

Итак, это ли способ, которым новый русский словарь индоктринирует новые поколения или преследует идеологическую цель?

В свете вышеизложенного можно утверждать, что он дает пищу для размышлений, представляя собой яркое и реалистичное описание современности[8].

Европейские граждане – жертвы манипуляций со стороны СМИ, преследуемые необходимостью быть политически корректными любой ценой, индоктринированные в том, что в Европе создана луч-

[8] Кроме того, он дает пищу для размышлений о новых выражениях, таких как «гегемонистская рента» с экономическим уклоном, который должен стать неотъемлемой частью изучения международной экономики, поскольку представляет собой столь значительную часть доходов государства.

шая система цивилизации в мире, которая навязывается международному сообществу в качестве идеала. Европейские страны стремятся любой ценой преподать остальным государствам уроки о том, как жить, но неспособные признать собственное упадничество.

Западный человек, в отличие от русского, переживает глубокий процесс «анестезии мышления», начавшийся много лет назад, который мешает ему выступить против политической элиты, ведущей европейские народы на войну и вынуждающей их сталкиваться с огромными экономическими кризисами, чтобы удовлетворить волю гегемонистских государств, таких как США.

В глазах западных граждан, не подверженных влиянию СМИ, «Русский словарь» дает повод для размышлений, которые могут стать отправной точкой для пересмотра позиции Европейского Союза, который должен начать смотреть на Восток, не указывая пальцем на воображаемого врага, а налаживая продуктивный диалог и, возможно, даже пытаясь чему-то научиться.

Список литературы

1. *Нугуманов, С.З.* Американская гегемония и её сопоставление с принципами, лежавшими в основе нацизма / С.З. Нугуманов, З.Х. Бакирова // Символ науки: международный научный журнал. – 2025. – Т. 1, № 4-1. – С. 69–71. EDN OUYXCN.
2. *Богданов, А.Н.* Гегемония США и проблема легитимации доминирования в международной политике: к переосмыслению западных концепций / А.Н. Богданов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – № 3. – С. 47–68. DOI: 10.31249/kgt/2022.03.03 EDN: COOZNP
3. *Ручина, В.М.* Один Пояс – Один Путь – новый План Маршала? / В.М. Ручина // Студенческий научный форум 2024: сборник статей X Международной научно-практической конференции в 2 частях, Пенза, 17 января 2024 года. Часть 2. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 203–209. EDN INLJKF.
4. *Карла, Р.* Европейская демократия и Россия: создание образа врага. Взгляд из Италии / Р. Карла // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2025. – № 2(46). – С. 88–92. DOI 10.21777/2587-9472-2025-2-88-92. EDN PBAEPL.
5. Конституционное право России: учебник для бакалавров / И.В. Выдрин, Ю.В. Герасименко, И.Г. Дудко [и др.]. – Москва: Юрлитинформ, 2015. – 550 с. ISBN 978-5-4396-0951-2. EDN TRXXRP.
6. *Темистокле Мартинес.* Конституционное право / 17-я ред., перераб. Гаэтано Сильвестри. – Милан: Giuffrè Francis Lefebvre S.p.A., 2024. – 767 с.
7. *Головин, А.Г.* Демократия: новый вектор конституционной эволюции / А.Г. Головин // Конституционное и муниципальное право. – 2026. – № 2. – С. 2–9. DOI: 10.18572/1812-3767-2026-2-2-9 EDN: LIUBNV
8. *Клаузевиц, К.* фон. О войне = Della guerra: в 2 т. / К. фон Клаузевиц; пер. с нем. Дж. Боллати, Э. Каневари. – Милан: Mondadori, 1970.

References

1. *Nugumanov, S.Z.* Amerikanskaya gegemoniya i eyo sopostavlenie s principami, lezhavshimi v osnove nacizma / S.Z. Nugumanov, Z.H. Bakirova // Simvol nauki: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. – 2025. – T. 1, № 4-1. – S. 69–71. EDN OUYXCN.
2. *Bogdanov, A.N.* Gegemoniya SShA i problema legitimacii dominirovaniya v mezhdunarodnoj politike: k pereosmysleniyu zapadnyh koncepcij / A.N. Bogdanov // Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo. – 2022. – № 3. – S. 47–68. DOI: 10.31249/kgt/2022.03.03 EDN: COOZNP
3. *Ruchina, V.M.* Odin Poyas – Odin Put' – novyj Plan Marshala? / V.M. Ruchina // Studencheskij nauchnyj forum 2024: sbornik statej X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii v 2 chastyah, Penza, 17 yanvarya 2024 goda. Chast' 2. – Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Yu.), 2024. – S. 203–209. EDN INLJKF.
4. *Karla, R.* Evropejskaya demokratiya i Rossiya: sozdanie obraza vraga. Vzglyad iz Italii / R. Karla // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskie nauki. – 2025. – № 2(46). – S. 88–92. DOI 10.21777/2587-9472-2025-2-88-92. EDN PBAEPL.
5. Konstitucionnoe pravo Rossii: uchebnik dlya bakalavrov / I.V. Vydrin, Yu.V. Gerasimenko, I.G. Dudko [i dr.]. – Moskva: Yurlitinform, 2015. – 550 s. ISBN 978-5-4396-0951-2. EDN TRXXRP.

6. *Temistokle Martines.* Konstitucionnoe pravo / 17-ya red., pererab. Gaetano Sil'vestri. – Milan: Giuffrè Francis Lefebvre S.p.A., 2024. – 767 s.
7. *Golovin, A.G.* Demokratiya: novyj vektor konstitucionnoj evolyucii / A.G. Golovin // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2026. – № 2. – S. 2–9. DOI: 10.18572/1812-3767-2026-2-2-9 EDN: LIUBNV
8. *Klauzevic, K. fon*. O vojne = Della guerra: v 2 t. / K. fon Klauzevic; per. s nem. Dzh. Bollati, E. Kanevari. – Milan: Mondadori, 1970.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2026
Статья принята к публикации: 21.08.2026

Received: 17.03.2026
Accepted: 21.08.2026

УДК 341.01 DOI 10.21777/2587-9472-2026-3-26-31

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ФИНАНСИРОВАНИЕ» КАК МЕТОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Самородов Дмитрий Альбертович[1],
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: samorodov.dmitrij@yandex.ru

Егерева Олеся Александровна[1],
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: o.egereva@muiv.ru
[1]*Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия*

Данная статья посвящена анализу понятий таких правовых категорий, как «методы финансово-правового регулирования» и «методы финансовой деятельности государства». Особое внимание уделяется важности указанных категорий для современного финансового права. Рассмотрены теоретические подходы к понятию и классификации методов финансово-правового регулирования, а также к особенностям методов собирания, распределения и использования государственных и муниципальных денежных фондов. В статье также рассматриваются взгляды отечественных ученых-юристов на сущность понятия «финансирование» в различных отраслях российского права. В частности, авторы считают, что использование понятия «финансирование» применительно к гражданско-правовому договору является не вполне оправданным. В качестве результата проведенного краткого исследования авторами сделан вывод о целесообразности использования понятия «финансирование» исключительно в значении «метод финансовой деятельности государства», сформулировано определение понятия (дефиниция) «финансирование», а также некоторые предложения по совершенствованию отечественного бюджетного законодательства.
По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: финансовое право, предмет финансового права, методы финансового права, финансово-правовые отношения, методы финансово-правового регулирования, властные предписания, императивный метод, диспозитивный метод, финансирование

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF «FINANCING» AS A METHOD OF CONDUCTING FINANCIAL ACTIVITY OF THE STATE

Samorodov D.A.[1],
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: samorodov.dmitrij@yandex.ru

Egereva O.A.[1],
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: o.egereva@muiv.ru
[1]*Moscow Witte University, Moscow, Russia*

This article analyzes the concepts of such legal categories as "methods of financial and legal regulation" and "methods of financial activity of the state." The authors pay special attention to the importance of these categories for modern financial law. They examine theoretical approaches to the concept and classification of methods of financial and legal regulation, as well as to the specifics of methods for collecting, distributing, and using state and municipal monetary funds. The article also examines the views of Russian legal scholars on the essence of the concept of "financing" in various branches of Russian law. In particular, the authors believe that the use of the concept of "financing" in relation to a civil law contract is not fully justified.

As a result of this brief study, the authors conclude that it is advisable to use the concept of "financing" exclusively in the sense of "a method of financial activity of the state." They also formulate a definition of the concept of "financing," as well as some proposals for improving domestic budget legislation.
In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: financial law, subject of financial law, methods of financial law, financial and legal relations, methods of financial and legal regulation, authoritative prescriptions, imperative method, dispositive method, financing

В теории финансового права существуют два понятия, схожих по звучанию, но различающихся по содержанию – «методы финансового права» (иногда называемые в финансово-правовой научной и учебной литературе также «методами финансово-правового регулирования») и «методы финансовой деятельности государства». Из теории государства и права известно, что в государствах, правовые системы которых относятся к романо-германской правовой семье, предмет и метод правового регулирования являются основными признаками, характеризующими самостоятельную отрасль права. В частности, предметом регулирования финансового права РФ являются общественные отношения, возникающие в процессе планового создания, распределения и использования денежных фондов, необходимых публично-правовым образованиям (РФ, субъектам РФ, муниципальным образованиям) для нормального функционирования. Общественным отношениям, являющимся предметом регулирования финансового права, присущи следующие особенности: 1) возникают в процессе финансовой деятельности государства; 2) являются разновидностью имущественных отношений; 3) одной из сторон в них всегда выступает публично-правовое образование. В отечественном бюджетном законодательстве (ст. 6 Бюджетного кодекса РФ) органы государственной власти и местного самоуправления, осуществляющие финансовую деятельность, в частности, деятельность по составлению и организации исполнения бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ, называются финансовыми органами[1].

Под методами правового регулирования в теории государства и права понимаются приемы и способы, с помощью которых нормы той или иной отрасли права воздействуют на общественные отношения, являющиеся ее предметом[2]. Как нам представляется, методы правового регулирования можно подразделить на следующие группы: а) общеправовые (основные), т.е. применяемые во всех отраслях российского права и б) отраслевые (дополнительные), т.е. используемые только в отдельных правовых отраслях и обусловленные спецификой общественных отношений, составляющих их предмет регулирования. По мнению ряда авторов, основным методом правового регулирования финансового права является метод властных предписаний государства, а следовательно, и финансово-правовые нормы, и финансовые правоотношения носят главным образом императивный характер[3]. Схожей позиции придерживаются также А.С. Чуева, П.М. Курдюк и И.Н. Иваненко[4]. Среди отраслевых (дополнительных) методов финансового права Н.И. Химичева и Е.В. Покачалова выделяют, в частности, методы рекомендаций, согласования, договоров[5], а М.Ю. Ильичева – метод координации и частноправовые методы[6]. И.В. Рукавишникова к методам финансово-правового регулирования относит: а) императивный метод; б) метод дозволений; в) метод запрещения и согласования; г) метод рекомендаций и поощрений; д) договорной метод [1, с. 72–77]. Е.А. Бондарь вполне обоснованно отмечает, что в финансово-правовом регулировании присутствуют как императивные, так и диспозитивные начала [2, с. 133].

В целом соглашаясь с позицией вышеперечисленных авторов, отметим, что финансово-правовые отношения регулируются двумя общеправовыми методами – императивным и диспозитивным. Боль-

---

[1] Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 12.04.2026).

[2] *Румынина В.В., Клименко А.В.* Теория государства и права: методическое пособие. – Москва: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2002. – 320 с. – (Серия «Профессиональное образование»). – С. 203.

[3] *Химичева Н.И., Покачалова Е.В.* Финансовое право / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Н.И. Химичева. – Москва: Норма, 2005. – С. 121. – (Серия учебно-методических комплексов). – URL: https://be5.biz/pravo/f006/index.html (дата обращения: 15.04.2026). – Текст: электронный.

[4] Финансовое право (общая часть): учебное пособие для бакалавров / А.С. Чуева, П.М. Курдюк, И.Н. Иваненко. – Краснодар, 2013. – С. 47–48.

[5] *Химичева Н.И., Покачалова Е.В.* Указ. соч. – С. 121.

[6] *Ильичева М.Ю.* Налоговое право в вопросах и ответах: учебное пособие. – Москва: 2002. – С. 18–20.

шинство правоотношений, составляющих предмет регулирования финансового права (в частности, бюджетные, налоговые, отношения в области финансового контроля) представляют собой отношения власти и подчинения и регулируются императивным методом. Примерами норм, императивно регулирующих финансовые правоотношения, являются, в частности, положения ст. 51 Конституции РФ, в соответствии с которой каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы, а законы, устанавливающие новые налоги или ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют[7], большинство положений Бюджетного и Налогового кодексов РФ. При этом, как справедливо отмечают, в частности, Н.И. Химичева и И.В. Рукавишникова, в основе возникновения некоторых финансовых правоотношений лежит не нормативно-правовой акт, а договор. Таковы, в частности, отношения, возникающие при предоставлении государственных (муниципальных) кредитов, а также отношения, регулируемые международными договорами как источниками финансового права (например, договоры РФ с рядом государств об избежании двойного налогообложения, а также о членстве РФ в международных финансово-кредитных организациях).

Что касается методов осуществления финансовой деятельности государства, то под ними в научной и учебной литературе понимаются приемы и способы, с помощью которых государство осуществляет формирование, распределение и использование фондов денежных средств, входящих в состав финансовой системы страны. Н.И. Химичева и Е.В. Покачалова выделяют следующие основные группы методов финансовой деятельности: 1) привлечение денежных средств в государственные и муниципальные денежные фонды; 2) распределение и 3) использование государственных и муниципальных денежных средств. В свою очередь, распределение средств государственных и муниципальных денежных фондов может происходить методами: а) финансирования, т.е. безвозвратного и безвозмездного выделения денежных средств предусмотренным бюджетным законодательством получателям; б) кредитования, т.е. выделения денежных средств из государственных и муниципальных денежных фондов на возвратной и возмездной основе[8]. В целом солидаризируясь с классификацией, приводимой Н.И. Химичевой, А.С. Чуева, П.М. Курдюк и И.Н. Иваненко подразделяют методы финансовой деятельности государства на: а) методы мобилизации фондов денежных средств – добровольные и обязательные платежи и б) методы их распределения (перераспределения) – финансирование и кредитование[9]. Схожей позиции придерживаются также Е.А. Магомедова и Е.А. Франк, которые в качестве групп методов финансовой деятельности государства выделяют: а) методы образования финансовых ресурсов и б) методы использования финансовых ресурсов [3, с. 226]. П.С. Кернякевич к методам осуществления финансовой деятельности государства, помимо вышеперечисленных, относит также расчеты с держателями государственных ценных бумаг (например, облигаций федерального займа) и выплату страховых возмещений, пенсий и пособий[10]. Таким образом, большинство авторов указывают, что методы финансовой деятельности государства можно объединить в две группы – 1) собирание (мобилизация) денежных средств методами взимания обязательных (прежде всего – налоги) и добровольных (государственные кредиты, займы) платежей и 2) распределение и использование средств, аккумулируемых в публичных денежных фондах, методами финансирования либо кредитования. Е.Ю. Грачева указывает и третий применяемый в финансовой деятельности государства метод мобилизации денежных средств – штрафной, т.е. установление санкций за нарушение финансово-правовых норм [4, с. 19].

Здесь целесообразным представляется отметить, что понятие «финансирование» используется в отечественной науке достаточно широко, что само по себе вряд ли способствует достижению целей правовой определенности [5, с. 3–17] и предсказуемости судебной практики [6, с. 71–77], приобретших в последнее время особо важное значение. Так, Н.Л. Полтораднева и Д.В. Саврасова указывают, что «финансирование» представляет собой экономико-правовую категорию и насчитывают в общей сложности 12 значений термина «финансирование», в том числе: 1) «предоставление в безвозвратном

---

[7] Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 03.04.2026).

[8] *Химичева Н.И., Покачалова Е.В.* Указ. соч. – С. 102.

[9] *Чуева А.С., Курдюк П.М., Иваненко И.Н.* Указ. соч. – С. 77–78.

[10] Финансовое право: учебное пособие / П.С. Кернякевич. – Томск, 2018. – С. 5.

порядке средств из государственного бюджета»; 2) «предоставление фирме краткосрочных или долгосрочных кредитов»; 3) «процесс образования капитала фирмы во всех его формах»; 4) «выделение средств или ресурсов для достижения намеченных целей» и др. [7, с. 2447–2448]. Е.М. Андреева и А.В. Радько отмечают, что понятие «финансирование» применяется как в публичном (конституционное, финансовое, административное), так и в частном (гражданское, корпоративное) праве [8, с. 142]. Так, статьей 824 Гражданского кодекса РФ предусматривается заключение договоров финансирования под уступку денежного требования, именуемых также «факторингом»[11]. Как нам представляется, данное обстоятельство связано с отсутствием в отечественных нормативно-правовых актах определения понятия (дефиниции) «финансирование». Так, в Бюджетом кодексе РФ, в дефинитивной статье 6 «Понятия и термины, применяемые в настоящем Кодексе», имеются определения понятий «финансовые органы» и «финансовый год» (очередной, текущий, отчетный), но отсутствуют определения понятий «финансы», «финансовая деятельность», «финансирование».

На наш взгляд, использование понятия «финансирование» применительно к гражданско-правовому договору является не вполне оправданным. Из буквального толкования ст. 128 Гражданского кодекса РФ «Объекты гражданских прав» следует, что к таковым относятся: 1) предметы материального мира – вещи (движимые и недвижимые) и 2) иное имущество. В соответствии со ст. 140 Гражданского кодекса РФ объектами гражданских прав являются, в том числе, деньги (валюта), которые могут быть: а) наличными, в этом случае они являются движимыми вещами и б) безналичными, в этом случае они относятся к категории «иное имущество». «Финансы» в качестве объектов гражданских прав в положениях подраздела 3 «Объекты гражданских прав» Гражданского кодекса РФ не упоминаются. В то же время в теории финансового права «финансы» являются ключевым понятием и рассматриваются в двух аспектах: 1) как отношения, возникающие в процессе создания, распределения и использования публично-правовых денежных фондов; 2) как собирательное понятие, обозначающее сами государственные и муниципальные денежные фонды, т.е. бюджеты, внебюджетные и резервные фонды[12]. Исходя из этого, нам представляется логичным использовать понятие «финансирование» исключительно в значении «метод финансовой деятельности государства». В то же время законодатель четко указывает, что кредитором (займодавцем) может выступать как кредитная организация, являющаяся коммерческим юридическим лицом (ст. 819 «Кредитный договор» Гражданского кодекса РФ)[13], так и РФ, субъект РФ или муниципальное образование (ст. 6 Бюджетного кодекса РФ). При этом РФ, ее субъекты и муниципальные образования могут выступать в кредитных отношениях как в качестве займодавцев, так и в качестве заемщиков (ст. 93.2 «Бюджетные кредиты» Бюджетного кодекса РФ)[14]. Поэтому использование понятия «кредитование» нам представляется вполне обоснованным как применительно к гражданско-правовым, так и к финансово-правовым отношениям.

Итак, подведем итог вышеизложенному. В целом разделяя позицию авторов, предлагающих считать финансирование и кредитование методами финансовой деятельности государства, мы считаем целесообразным закрепить определение понятия «финансирование» в ст. 6 Бюджетного кодекса РФ. Под финансированием мы предлагаем понимать предоставление из бюджетов бюджетной системы РФ денежных средств на безвозмездной и безвозвратной основе: а) в нижестоящие бюджеты для сбалансирования их доходной и расходной частей; б) государственным и муниципальным унитарным предприятиям, казенным предприятиям; в) бюджетным учреждениям; г) в иных случаях, предусмотренных Бюджетным кодексом РФ, Федеральным законом «О федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период», законами и решениями о бюджетах на очередной финансовый год и плановый период субъектов РФ и муниципальных образований. Данная новация, на наш взгляд, позволит избежать произвольного толкования термина «финансирование» и будет способствовать дальнейшему

[11] Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 10.04.2026).

[12] См., напр.: *Химичева Н.И., Покачалова Е.В.* Указ. соч. – С. 90–91; Финансовое право РФ: учебник / отв. ред. М.В. Карасева. – Москва: Юристъ, 2004. – С. 17–18.

[13] Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 10.04.2026).

[14] Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 12.04.2026).

развитию законодательства о финансировании как о методе осуществления финансовой деятельности публично-правовых образований.

Список литературы

1. *Рукавишникова, И.В.* Метод финансового права: монография / И.В. Рукавишникова. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.
2. *Бондарь, Е.А.* Императивные и диспозитивные начала в финансовом праве: дискуссионные вопросы их проявления в законодательстве и судебной практике / Е.А. Бондарь // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1 (14). – С. 132–136 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/imperativnye-i-dispozitivnye-nachala-v-finansovom-prave-diskussionnye-voprosy-ih-proyavleniya-v-zakonodatelstve-i-sudebnoy-prak-tike/viewer (дата обращения: 12.04.2026).
3. *Магомедова, Е.А.* Принципы и методы финансовой деятельности государства: дискуссионные аспекты / Е.А. Магомедова, Е.А. Франк // Вопросы студенческой науки. – 2021. – янв. – № 1 (53). – С. 223–227 [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44679510 (дата обращения: 10.04.2026). – Режим доступа: науч.-электрон. б-ка «eLibrary.ru», требуется авторизация.
4. *Грачева, Е.Ю.* К вопросу о финансовых обязательствах государства / Е.Ю. Грачева // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2016. – № 6 (22). – С. 10–20 [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?edn=xrfqiz (дата обращения: 19.03.2026). – Режим доступа: науч.-электрон. б-ка «eLibrary.ru», требуется авторизация.
5. *Голышев, В.Г.* К вопросу о правовой определенности и конституционно-правовом толковании норм гражданского права / В.Г. Голышев, А.В. Голышева // Хозяйство и право. – 2025. – № 5 (580). – С. 3–17.
6. *Голышев, В.Г.* О некоторых теоретических и прикладных аспектах процедуры медиации / В.Г. Голышев, А.В. Голышева, Т.В. Слюсаренко // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2026. – № 1 (49). – С. 71–77.
7. *Полтораднева, Н.Л.* Экономико-теоретическое исследование категории «финансирование»: проблемы формирования единой содержательной платформы / Н.Л. Полтораднева, Д.В. Саврасова // Финансы и кредит. – 2018. – Т. 24, вып. 41. – С. 2442–2453 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomiko-teoreticheskoe-issledovanie-kategorii-finansirovanie-problemy-formirovaniya-edinoy-soderzhatelnoy-platformy/viewer (дата обращения: 15.03.2026).
8. *Андреева, Е.М.* Понимание категории «финансирование» в различных областях российского права / Е.М. Андреева, А.В. Радько // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 3. – С. 142–150 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-kategorii-finansirovanie-v-razlichnyh-oblastyah-rossiyskogo-prava/viewer (дата обращения: 14.03.2026).

References

1. *Rukavishnikova, I.V.* Method of financial law: Monograph / I.V. Rukavishnikova. – Moscow: OLMA-PRESS, 2004.
2. *Bondar, E.A.* Imperative and dispositive principles in financial law: discussion issues of their manifestation in legislation and judicial practice / E.A. Bondar // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2011. – № 1 (14). – P. 132–136 [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/imperativnye-i-dispozitivnye-nachala-v-finansovom-prave-diskussionnye-voprosy-ih-proyavleniya-v-zakonodatelstve-i-sudebnoy-prak-tike/viewer (date of access: 12.04.2026).
3. *Magomedova, E.A.* Principles and methods of financial activity of the state: discussion aspects / E.A. Magomedova, E.A. Frank // Issues of student science. – 2021. – January. – Issue No. 1 (53). – P. 223–227 [Electronic resource]. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44679510 (date of access: 10.04.2026). – Access mode: scientific electronic library “eLibrary.ru”, authorization required.
4. *Gracheva, E.Yu.* On the issue of financial obligations of the state / E.Yu. Gracheva // Bulletin of the Kutafin University (MSLA). – 2016. – № 6 (22). – P. 10–20 [Electronic resource]. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?edn=xrfqiz (date of access: 19.03.2026). – Access mode: scientific electronic library “eLibrary.ru”, authorization required.
5. *Golyshev, V.G.* On the issue of legal certainty and constitutional and legal interpretation of civil law / V.G. Golyshev, A.V. Golysheva // Economy and law. – 2025. – № 5 (580). – P. 3–17.

6. *Golyshev, V.G.* On some theoretical and applied aspects of the mediation procedure / V.G. Golyshev, A.V. Golysheva, T.V. Slyusarenko // Bulletin of Soskovsky University named after S.Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. – 2026. – № 1 (49). – P. 71–77.
7. *Poltoradevna, N.L.* Economic and theoretical research of the «financing» category: problems of forming a single meaningful platform / N.L. Poltoradevna, D.V. Savrasova // Finance and Credit. – 2018. – Vol. 24, issue 41. – P. 2442–2453 [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomiko-teoreticheskoe-issledovanie-kategorii-finansirovanie-problemy-formirovaniya-edinoy-soderzhatelnoy-platformy/viewer (date of access: 15.03.2026).
8. *Andreeva, E.M.* Understanding the category “financing” in various fields of Russian law / E.M. Andreeva, A.V. Radko // Leningrad Law Journal. – 2016. – No. 3. – P. 142–150 [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-kategorii-finansirovanie-v-razlichnyh-oblastyah-rossiyskogo-prava/viewer (date of access: 14.03.2026).

Статья поступила в редакцию: 05.05.2026
Статья принята к публикации: 27.07.2026

Received: 05.05.2026
Accepted: 27.07.2026

УДК 347.132 DOI 10.21777/2587-9472-2026-3-32-38

ЗАЩИТА ПРАВ ДОБРОСОВЕСТНЫХ ПРИОБРЕТАТЕЛЕЙ ПРИ ПРИЗНАНИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМОСТЬЮ

Сирик Наталия Валериевна[1,2],
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: nsirik@yandex.ru
[1]*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», г. Смоленск, Россия,*
[2]*Образовательное частное учреждение высшего образования Смоленский филиал «Международного юридического института» г. Смоленск, Россия*

В статье исследуется эволюция правовых подходов к защите добросовестных приобретателей недвижимости в контексте оспаривания сделок. Анализируется фундаментальная коллизия между нормами о реституции (ст. 167 ГК РФ) и правилами о виндикации (ст. 301, 302 ГК РФ). Особое внимание уделяется трансформации судебной практики Верховного Суда РФ, кульминацией которой стало решение по делу Лурье (2025 г.). Рассматриваются критерии «разумной осмотрительности», распределение бремени доказывания и перспективы законодательного закрепления принципа публичной достоверности реестра. Автор приходит к выводу о формировании устойчивого приоритета стабильности гражданского оборота над формальным восстановлением прав собственника, допустившего неосмотрительность. Подводя итог данному исследованию, можно утверждать, что в 2026 году российская система защиты прав собственности достигла нового уровня зрелости. Приоритет права добросовестного приобретателя над интересами собственника, допустившего неосторожность, является залогом инвестиционной привлекательности рынка недвижимости и гражданского мира в обществе.
По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: добросовестный приобретатель, недействительность сделок, виндикация, реституция, недвижимость, судебная практика, разумная осмотрительность, ЕГРН

PROTECTION OF THE RIGHTS OF BONA FIDE PURCHASERS IN THE CONTEXT OF DECLARING REAL ESTATE TRANSACTIONS INVALID

Sirik N.V.[1,2],
Candidate of Legal Sciences, associate professor
e-mail: nsirik@yandex.ru
[1]*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Smolensk State University», Smolensk, Russia*
[2]*Smolensk Branch of the Educational Private Institution of Higher Education "International Law Institute", Smolensk, Russia*

The article examines the evolution of legal approaches to protecting bona fide purchasers of real estate in the context of challenging transactions. It analyzes the fundamental conflict between the rules on restitution (Art. 167 of the Civil Code of the Russian Federation) and the rules on vindication (Art. 301, 302 of the Civil Code of the Russian Federation). Particular attention is paid to the transformation of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, culminating in the Lurie case (2025). The criteria of «reasonable diligence», the distribution of the burden of proof, and the prospects for legislative consolidation of the principle of public credibility of the register are considered. The author concludes that priority is increasingly given to the stability

of civil turnover over the formal restoration of the rights of an owner who has been negligent. In conclusion, it can be asserted that in 2026, the Russian system for protecting property rights has reached a new level of maturity. The priority of the rights of a bona fide purchaser over the interests of an owner who has been negligent is the key to the investment attractiveness of the real estate market and civil peace in society.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: bona fide purchaser, invalidity of transactions, vindication, restitution, real estate, judicial practice, reasonable diligence, USRRE

Введение

Защита прав добросовестного приобретателя недвижимости является одной из наиболее сложных и актуальных проблем современного гражданского права. В основе этой проблемы лежит перманентный конфликт между принципом неприкосновенности собственности и необходимостью обеспечения стабильности гражданского оборота. Долгое время в российской правоприменительной практике доминировал формальный подход, при котором признание сделки недействительной неизбежно влекло двустороннюю реституцию (ст. 167 ГК РФ), фактически нивелируя защиту, предоставленную добросовестному приобретателю нормами о виндикации (ст. 302 ГК РФ). Однако современная судебная доктрина демонстрирует отчетливый вектор в сторону усиления защиты «сильных» добросовестных приобретателей. Поворотным моментом в этой эволюции стало Решение Верховного Суда РФ по делу Лурье (декабрь 2025 г.), которое поставило под сомнение возможность автоматического применения реституции к последующим звеньям в цепочке сделок.

Цель настоящей работы – комплексный анализ правовых механизмов защиты добросовестного приобретателя при признании сделок с недвижимостью недействительными, а также исследование трансформации судебных подходов к разрешению конкуренции исков о реституции и виндикации.

Методологическую основу работы составил комплекс методов научного познания. Исторический метод позволил проследить развитие института добросовестного приобретения. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления российского подхода с зарубежными моделями (в частности, германской доктриной). Формально-юридический метод применен при анализе текстов нормативных актов. Ключевое значение имеет метод анализа судебной практики, позволивший выявить актуальные тенденции правоприменения.

Понятие и критерии добросовестности

В российском гражданском праве понятие добросовестного приобретателя выводится из совокупности условий, закрепленных в ст. 302 ГК РФ: лицо, которое возмездно приобрело имущество у лица, не имевшего права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать. Современная доктрина и судебная практика разделяют критерии добросовестности на субъективный и объективный [1, с. 135][1].

Субъективный критерий отражает ситуацию, когда приобретатель искренне заблуждался относительно прав продавца на имущество, и это заблуждение являлось добросовестным (то есть у него не было причин подозревать обман). Объективный же критерий, активно развиваемый Верховным Судом РФ, устанавливает стандарт «разумной осмотрительности». Под ним понимается совершение покупателем набора необходимых действий, которые совершило бы любое иное лицо, проявляющее обычную в таких условиях заботливость. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что для признания приобретателя добросовестным решающее значение имеет проявление им должной степени заботливости и осмотрительности при совершении сделки, в особенности при наличии сомнительных обстоятельств. Так, в определении Верховного Суда РФ № А82-15821/2015 указано, что покупатель обязан предпринять дополнительные шаги по проверке юридической судьбы вещи, если сделка сопровождается такими признаками, как подозрительно заниженная цена, непродолжительный период

[1] Интернет-интервью с Р.С. Бевзенко начальником Управления частного права ВАС РФ: «Модернизация гражданского права: нормы 302-ФЗ на практике» // Официальный сайт ИРСОТ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ruseminar.ru/ (дата обращения: 17.02.2026).

владения предыдущего собственника или необоснованная отсрочка платежа[2]. Развитие объективного критерия привело к тому, что простая ссылка на отсутствие сведений о запретах в ЕГРН более не считается достаточным доказательством добросовестности. Покупатель обязан не только удостовериться в наличии записи о праве собственности продавца, но и проверить историю переходов права, основания его возникновения у продавца, а также убедиться в отсутствии признаков подозрительности сделки (например, существенно заниженной цены или высокой скорости перепродаж).

Соотношение виндикации и реституции как механизмов защиты при оспаривании сделок

Разграничение реституции (ст. 167 ГК РФ) и виндикации (ст. 301, 302 ГК РФ) является ключевой проблемой. Реституция – последствие недействительности сделки, носящее относительный характер и связывающее только ее стороны. Виндикация – внедоговорное требование собственника о возврате имущества из чужого незаконного владения, обладающее абсолютным характером.

Проблема возникает в цепочке сделок: если первая сделка недействительна, должен ли собственник оспаривать все последующие сделки (реституция) или истребовать имущество у последнего владельца (виндикация)? Конституционный Суд РФ указал на недопустимость подмены виндикации реституцией в отношениях с добросовестным приобретателем[3]. Если имущество приобретено у лица, не имевшего права его отчуждать, собственник не может использовать механизм ст. 167 ГК РФ для возврата вещи от конечного приобретателя, а должен прибегать к виндикационному иску. Современное правопонимание исходит из приоритета виндикации, что служит важной гарантией стабильности оборота. Заметим, что правовая позиция Конституционного Суда РФ исходит из принципа индивидуализации судебного разбирательства, признавая множественность толкований закона в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Критике институт добросовестного приобретения подвергает М.А. Осташевский, указывая на его потенциальную конфликтность с правами титульного собственника [2, с. 100]. Сложность формализации дефиниции «добросовестность» приводит к сложностям в судебной практике и актуализирует задачу формирования единых стандартов оценки поведения участников оборота.

Эволюция судебной практики

Первый этап (1990-е – начало 2000-х) характеризовался жестким защитительным подходом к титульному собственнику. Признание первичной сделки недействительной зачастую «обнуляло» все последующие переходы права. Суды нередко игнорировали статус приобретателя, если истец заявлял требование о признании цепочки сделок недействительными. Постановление Пленумов ВС РФ и ВАС РФ № 10/22 от 29.04.2010 запретило применение реституции к добросовестному приобретателю при виндикации, однако критерии добросовестности оставались узкими и формальными[4] .

Принятие Постановления Пленума ВС РФ № 25 от 23.06.2015 ознаменовало отказ от формального подхода. Была внедрена концепция «разумной осмотрительности»: оценивается не только то, что приобретатель знал, но и то, что он должен был знать при проявлении обычной степени заботливости[5]. Презумпция добросовестности перестала быть «непробиваемой»: если обстоятельства сделки (например, заниженная цена) вызывали сомнения, покупатель лишался статуса добросовестного, если не доказывал факт проведения дополнительных проверок.

---

[2] Определение Верховного Суда РФ от 14 июля 2017 г. № 301-ЭС17-8951 по делу № А82-15821/2015 Об отказе в передаче жалобы в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/71720828/ (дата обращения: 17.02.2026).

[3] Постановление конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений п. 1 и 2 ст. 167 ГК РФ в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» // Собр. законодательства РФ. – 2003. – № 17. – Ст. 1657.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. – 21.05.2010. – №109.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 30.06.2015. – № 140.

Постановление Пленума ВС РФ № 27 от 26.06.2018 закрепило «иммунитет» добросовестного приобретателя от реституции, указав, что если объект передан добросовестному лицу, возврат вещи через механизм недействительности невозможен[6]. Было подчеркнуто, что реституция не должна превращаться в инструмент несправедливого обогащения. Верховный Суд в п. 48 защищает добросовестного приобретателя не путем прямого запрета на «реституцию» (двустороннюю реституцию), а через приоритет правил об истребовании имущества из чужого незаконного владения (виндикация).

Центральное значение для современной практики имеет Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 16 декабря 2025 г. по делу № 5-КГ25-174-К2 (далее – дело Лурье)[7]. Истица (Долина), находясь под воздействием телефонных мошенников, продала квартиру, полагая, что участвует в «операции по спасению активов». Сделка была признана нижестоящими судами недействительной по ст. 178 ГК РФ (сделка под влиянием существенного заблуждения).

Верховный Суд РФ отменил решения нижестоящих судов, сформулировав принципиально иную позицию. Суд указал, что заблуждение относительно мотивов («зачем я продаю») и правовых последствий («я думала, что потом отменю») не является существенным в смысле ст. 178 ГК РФ. Если лицо осознавало природу сделки (переход права собственности за деньги), сделка считается действительной.

Ключевой вывод ВС РФ: риски мошенничества не могут перекладываться на добросовестного контрагента, который действовал открыто, по рыночной цене и не был вовлечен в преступный умысел. Суд сделал акцент на защите права добросовестного приобретателя. Если покупатель проверил объект и действовал добросовестно, его право на сохранение титула приоритетнее права продавца, который допустил неосторожность. Таким образом, решение по делу Лурье фиксирует переход от защиты «пострадавшего» продавца к защите «добросовестного» покупателя. Однако, как правильно отмечает Т. Терещенко, «обозначив условия применения ст. ст. 177 и 178 ГК РФ, Верховный Суд не решил проблему. Он не предложил механизмов защиты жертвы мошенничества на уровне частного права, а просто зафиксировал, что это уж точно не задача института недействительности сделок»[8].

Критерии добросовестности и пределы защиты в современной практике

Процессуальный порядок распределения бремени доказывания претерпел существенную трансформацию. Согласно п. 5 ст. 10 ГК РФ, добросовестность участников предполагается. Однако в спорах о недвижимости данная презумпция носит опровержимый характер. Если истец представляет доказательства наличия «пороков» в цепочке сделок, указывающих на обстоятельства, которые должны были вызвать сомнения у покупателя, бремя доказывания своей осмотрительности переходит на приобретателя [9].

Стандарты доказывания повысились. Сегодня для подтверждения статуса добросовестного приобретателя недостаточно простого утверждения о незнании. Суды требуют представления конкретных доказательств: выписки из ЕГРН на дату сделки, доказательств проверки правомочий продавца, подтверждения реальности расчетов по рыночной цене.

Содержание «разумной осмотрительности» вышло за пределы простого ознакомления с выпиской из ЕГРН. Это комплексный алгоритм, включающий:

1. Проверку ЕГРН и истории переходов права: выявление подозрительных цепочек сделок (короткий период, заниженная цена).

---

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Российская газета. – 06.07.2018. – № 145.

[7] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2025 № 5-КГ25-174-К2, 2-387/2025 (УИД 77RS0030-02-2024-00653255) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=873109&cacheid=5AA3B0182BE05930B4F68BA67E4FFE70&mode=splus&rnd=0w7UDCVO4BkvgYBl#ZRkfDCVCisYDC7rr (дата обращения: 25.02. 2026).

[8] Дело Долиной vs институт недействительности сделок и стандарт осмотрительности: системный тупик [Электронный ресурс]. – URL: https://zakon.ru/blog/2026/01/08/delo_dolinoj_vs_institut_nedejstvitelnosti_sdelok_i_standart_osmotritelnosti_sistemnyj_tupik_ (дата обращения: 25.02.2026).

[9] Определение Верховного Суда РФ от 22.12.2023 N 421-ПЭК23 по делу № А56-17141/2021 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=793291&rnd=gQBqHQ#KAOjDCVy4sKjeBvl (дата обращения: 25.02.2026).

2. Проверку фактического владения: осмотр объекта, выяснение, кто фактически проживает, нет ли лиц, имеющих право пользования.

3. Проверку «социального профиля»: выяснение причин продажи, проверка дееспособности продавца (особенно пожилого возраста), проверка полномочий представителя по доверенности.

4. Финансовую проверку: соответствие цены договора рыночному уровню. Существенное занижение цены (более 20–30%) вменяется покупателю в вину как обстоятельство, которое должно было породить сомнения.

Особое место занимают «технические» недействительные сделки (нарушение формы, отсутствие корпоративных одобрений, согласия супруга, превышение полномочий). В таких случаях воля собственника на распоряжение объектом, как правило, присутствует, но выражена с юридическими огрехами.

Современная практика исходит из того, что такие пороки не должны быть основанием для изъятия недвижимости у добросовестного приобретателя, если последний не знал и не мог знать о внутренних процедурных нарушениях. Внешнее выражение воли (подпись директора, печать, доверенность) является достаточным для добросовестного участника оборота. Если порок носит скрытый характер, закон отдает приоритет стабильности сделки. Реституция по «техническим» основаниям допустима только в отношениях между непосредственными сторонами дефектной сделки.

Трансформация практики актуализировала вопрос о возмещении убытков первоначальному собственнику (ст. 15, 1064 ГК РФ). Это переводит спор из вещно-правовой в обязательственно-правовую плоскость, позволяя сохранить владение недвижимостью за добросовестным лицом. Однако реализация этого механизма сопряжена с проблемой фактической неплатежеспособности ответчиков – лиц, совершивших незаконное отчуждение. В качестве иллюстрации дисбаланса интересов можно привести правоприменительную практику, когда суд, удовлетворяя виндикационный иск 90-летнего пенсионера о возврате квартиры стоимостью 9 млн рублей (ввиду ее выбытия помимо воли), одновременно взыскал с него полную стоимость имущества в пользу добросовестных приобретателей. Такое решение, будучи формально законным, де-факто нивелирует защиту прав покупателей, поскольку обращение взыскания на доходы престарелого должника (пенсию) делает исполнение судебного акта длительным и практически нереализуемым, что порождает обоснованную критику эффективности подобного механизма реституции[10]. Кроме того, возникают трудности с определением размера убытков (цена в договоре или рыночная стоимость). Обсуждается вопрос о субсидиарной ответственности государства или выплате компенсаций из специальных фондов (ст. 68.1 ФЗ № 218-ФЗ), однако суммы выплат ограничены, а процедура сложна [3, с. 103]. Институт возмещения убытков нуждается в дальнейшем развитии, в частности, через страхование титула [4, с. 48; 5, с. 71].

Проблемы и перспективы совершенствования регулирования

Современное состояние характеризуется диссонансом между нормативным текстом ГК РФ и правоприменительными позициями ВС РФ. Буквальное толкование ст. 167 ГК РФ предполагает реституцию как автоматическое последствие недействительности сделки. Механизмы защиты приобретателя (ст. 302 ГК РФ) привязаны исключительно к виндикационному иску. Эта дуалистичность создает коллизию: формально истец может требовать признания всей цепочки сделок недействительной, что должно приводить к возврату имущества. Однако судебная практика, включая дело Лурье, фактически ограничивает применение ст. 167 ГК РФ, если она вступает в противоречие с принципом защиты добросовестности. Суды отказывают в реституции, даже если сделка ничтожна, ссылаясь на приоритет защиты добросовестного приобретателя.

Как свидетельствует зарубежный опыт, Гражданский кодекс Германии содержит детальную регламентацию правовых последствий приобретения имущества по ничтожным и оспоримым основаниям, ставя во главу угла охрану прав добросовестного субъекта. Юридическая конструкция недействительности базируется на наличии пороков, препятствующих наступлению желаемого сторонами результата. В германской правовой науке наблюдается плюрализм подходов к феномену недействительности: от его

[10] *Петров А.* Прецедент Долиной: решение суда не гарантирует победу всем обманутым [Электронный ресурс]. – URL: https://ural.tsargrad.tv/news/precedent-dolinoj-reshenie-suda-ne-garantiruet-pobedu-vsem-obmanutym_1532326 (дата обращения: 25.02.2026).

интерпретации как особого рода правонарушений до отождествления с противоправными действиями. Примечательно, что, несмотря на отсутствие в законе формальной дифференциации недействительных сделок, в доктрине данная классификация получила глубокую разработку, где ключевым критерием выступает характер нарушения условий действительности юридического акта [6, с. 497].

Отметим, что несмотря на то, что (аналогично § 892 Германского гражданского уложения) в российском законодательстве принцип публичной достоверности закреплен в пункте 6 статьи 8.1 Гражданского кодекса РФ, важно понимать, что действие этого принципа в России имеет важные особенности и ограничения. Дискуссия о том, действует ли он в полном объеме, ведется давно. Принцип публичной достоверности устанавливает, что лицо, указанное в реестре как правообладатель, признается таковым, пока не доказано обратное. Кроме того, эта норма запрещает ссылаться на недостоверность реестра тому, кто знал или должен был знать о ней.

Многие авторы сходятся во мнении, что в России действует не абсолютная (как, например, в Германии), а относительная публичная достоверность. Это означает, что суды часто требуют от покупателя не просто довериться реестру, но и предпринять дополнительные разумные меры для проверки «юридической чистоты» объекта (например, проверить историю переходов прав). Это снижает защищенность оборота и порождает судебные споры [7, с. 16].

Необходимость реформы в этой сфере подтверждается и требованиями экономического развития: инвестиционная привлекательность рынка недвижимости напрямую зависит от уверенности участников в «нерушимости» приобретенных прав. Аналогия с § 892 ГГУ предполагает, что защита приобретателя должна носить не исключительный характер (как результат долгой судебной тяжбы и доказывания вины в деле Лурье), а быть правилом по умолчанию. Это потребовало бы внесения изменений в ст. 302 и 167 ГК РФ. Перспективы развития судебной доктрины указывают на дальнейшее сужение оснований для признания выбытия имущества «помимо воли» собственника. Доктрина «видимости права» (Rechtsschein) будет усиливаться: лицо, создавшее видимость наличия полномочий, не может ссылаться на их отсутствие [8, с. 126].

Важнейшим этапом систематизации практики должно стать готовящееся Постановление Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров о защите прав добросовестных приобретателей». Ожидается, что в ППВС будут обобщены подходы дела Лурье, в частности: запрет на признание сделки недействительной при субъективном заблуждении продавца, если покупатель проявил стандарт «разумной осмотрительности», проверил объект через ЕГРН и осуществил расчет по рыночной цене.

Это окончательно закрепит переход к модели «публичной веры» в реестр, сближая ее с германской традицией.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Современное российское право переходит от формального подхода к защите «публичной веры» в записи ЕГРН. Стабильность оборота и доверие к реестру признаются более значимым благом, чем возврат вещи первоначальному владельцу, допустившему неосмотрительность.

Доказана недопустимость использования реституции для обхода правил о защите добросовестного приобретателя. Дело Лурье зафиксировало важнейшую правовую позицию: субъективное заблуждение продавца, вызванное действиями третьих лиц, не может служить основанием для признания сделки недействительной, если покупатель проявил необходимую осмотрительность.

Стандарт добросовестности стал «активным», включающим проверку не только ЕГРН, но и фактического владения, истории титула и цены сделки. Бремя доказывания недобросовестности лежит на истце. В качестве финальной рекомендации подчеркивается важность законодательного закрепления принципа публичной достоверности реестра и принятия соответствующего Постановления Пленума ВС РФ для обеспечения единства судебной практики. Подводя итог, можно утверждать, что в 2026 году российская система защиты прав собственности достигла нового уровня зрелости. Приоритет права добросовестного приобретателя над интересами собственника, допустившего неосторожность, является залогом инвестиционной привлекательности рынка недвижимости и гражданского мира в обществе.

Список литературы

1. *Новицкий, И.Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И.Б. Новицкий // Вестник гражданского права. – 2006. – Т. 6, № 1. – С. 124–181.
2. *Осташевский, М.А.* Виндикация как вещно-правовой способ защиты права собственности и ее отличие от реституции как обязательственно-правового способа защиты права собственности / М.А. Осташевский // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. – 2017. – № 3. – С. 94–105.
3. *Латыев, А.В.* Недвижимость: вопросы компенсации убытков / А.В. Латыев // Жилищное право. – 2013. – № 7. – С. 97–112.
4. *Сизон, Ю.Е.* Титульное страхование в современной России / Ю.Е. Сизон, О.Н. Углицких, Ю.В. Ломакина // Финансы и учетная политика. – 2024. – Вып. № 3. – С. 48–53.
5. *Петров, Н.В.* К вопросу о понятии договора титульного страхования / Н.В. Петров // Современное право. – 2008. – № 4. – С. 69–73.
6. *Жильцова, Л.А.* Сравнительно-правовой анализ недействительности сделок на примере законодательства России, Германии и Китая / Л.А. Жильцова // Закон и общество: история, проблемы, перспективы: материалы XXVI Межвузовской международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной 70-летию Красноярского ГАУ, Красноярск, 21–22 апреля 2022 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. – С. 495–498.
7. *Кораев, К.Б.* Правовая природа государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним / К.Б. Кораев // Lex russica. – 2025. – № 78 (8). – С. 9–21 [Электронный ресурс]. – URL: https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.225.8.009-021.
8. *Алексеев, В.А.* Публичная достоверность реестра прав на недвижимость: действующий принцип или дело будущего? / В.А. Алексеев // Закон. – 2016. – № 11. – С. 125–132.

References

1. *Novickij, I.B.* Princip dobroj sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava / I.B. Novickij // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2006. – T. 6, № 1. – S. 124–181.
2. *Ostashevskij, M.A.* Vindikaciya kak veshchno-pravovoj sposob zashchity prava sobstvennosti i ee otlichie ot restitucii kak obyazatel'stvenno-pravovogo sposoba zashchity prava sobstvennosti / M.A. Ostashevskij // Kubanskoe agentstvo sudebnoj informacii PRO-SUD-123.RU: Yuridicheskij setevoj elektronnyj nauchnyj zhurnal. – 2017. – № 3. – S. 94–105.
3. *Latyev, A.V.* Nedvizhimost': voprosy kompensacii ubytkov / A.V. Latyev // Zhilishchnoe pravo. – 2013. – № 7. – S. 97–112.
4. *Sizon, Yu.E.* Titul'noe strahovanie v sovremennoj Rossii / Yu.E. Sizon, O.N. Uglickih, Yu.V. Lomakina // Finansy i uchetnaya politika. – 2024. – Vyp. № 3. – S. 48–53.
5. *Petrov, N.V.* K voprosu o ponyatii dogovora titul'nogo strahovaniya / N.V. Petrov // Sovremennoe pravo. – 2008. – № 4. – S. 69–73.
6. *Zhil'cova, L.A.* Sravnitel'no-pravovoj analiz nedejstvitel'nosti sdelok na primere zakonodatel'stva Rossii, Germanii i Kitaya / L.A. Zhil'cova // Zakon i obshchestvo: istoriya, problemy, perspektivy: materialy XXVI Mezhvuzovskoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov i aspirantov, posvyashchennoj 70-letiyu Krasnoyarskogo GAU, Krasnoyarsk, 21–22 aprelya 2022 goda. – Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2022. – S. 495–498.
7. *Koraev, K.B.* Pravovaya priroda gosudarstvennoj registracii prav na nedvizhimoe imushchestvo i sdelok s nim / K.B. Koraev // Lex russica. – 2025. – № 78 (8). – S. 9–21 [Elektronnyj resurs]. – URL: https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.225.8.009-021.
8. *Alekseev, V.A.* Publichnaya dostovernost' reestra prav na nedvizhimost': dejstvuyushchij princip ili delo budushchego? / V.A. Alekseev // Zakon. – 2016. – № 11. – S. 125–132.

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026
Статья принята к публикации: 23.04.2026

Received: 25.02.2026
Accepted: 23.04.2026

УДК 343.9

DOI 10.21777/2587-9472-2026-3-39-45

ПОТЕНЦИАЛ ВНЕДРЕНИЯ КАМЕРЫ ХРАНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Смушкин Александр Борисович[1],
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: skif32@yandex.ru

Вехов Виталий Борисович[2,3],
д-р юрид. наук, профессор, академик РАЕ, Заслуженный деятель науки и образования РАЕ,
e-mail: v-vehov@mail.ru
[1]*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия,*
[2]*Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (НИУ), г. Москва, Россия*
[3]*Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия*

Статья посвящена критической необходимости создания специализированного помещения для долгосрочного хранения и верификации электронных доказательств. Рассматривается переход от «физического» понимания вещественных доказательств к «логическому». Цель данной статьи – всесторонне обосновать необходимость внедрения камер хранения электронных доказательств, описать их ключевые функции и требования, нормативно-правовой и технический контексты. Кроме того, в статье описываются ключевые требования по обеспечению безопасности хранения электронных доказательств и подходы к построению соответствующих систем, а также практические рекомендации по внедрению и интеграции в существующие процессы. Без обеспечения надлежащих условий и безопасности для хранения доказательств риск их утраты, повреждения, подмены или нелегального доступа существенно возрастает. В условиях, когда цифровая трансформация становится главным трендом государственного управления, наличие камер хранения электронных доказательств превращается в показатель цифровой обеспеченности и технологической состоятельности правоохранительной и судебной системы. Подчеркивается, что внедрение камеры хранения электронных доказательств в перспективе будет являться неотъемлемым элементом электронного правосудия.
По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: электронные доказательства, электронная цифровая информация, камера хранения электронных доказательств, кибербезопасность, электронное правосудие, условия хранения электронных доказательств, Единый репозиторий электронных доказательств

THE POTENTIAL FOR INTRODUCING AN ELECTRONIC EVIDENCE STORAGE CHAMBER

Smushkin A.B.[1],
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: skif32@yandex.ru

Vekhov V.B.[2,3],
Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RAE), Honored Worker of Science and Education of the RAE,
e-mail: v-vehov@mail.ru
[1]*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Saratov State Law Academy, Saratov, Russia*
[2]*Bauman Moscow State Technical University (national research university), Moscow, Russia*
[3]*The Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia*

The article addresses the critical need to create a specialized facility for the long-term storage and verification of electronic evidence. The author examines the transition from a "physical" understanding of material

evidence to a "logical" one. This article aims to comprehensively substantiate the need to implement electronic evidence storage chambers, to describe their key functions and requirements, along with the regulatory and technical contexts. In addition, the article describes the key requirements for ensuring the security of electronic evidence storage and approaches to creating the relevant systems, and offers practical recommendations for implementation and integration into existing processes. Without ensuring proper conditions and security for the storage of evidence, the risk of its loss, damage, substitution, or illegal access increases significantly. As digital transformation becomes the main trend in public administration, the presence of electronic evidence storage chambers becomes an indicator of the digital readiness and technological sophistication of the law enforcement and judicial systems. The article emphasizes that the introduction of electronic evidence storage chambers will be an integral element of electronic justice.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: electronic evidence, digital information, electronic evidence storage chamber, cybersecurity, electronic justice, electronic evidence storage conditions, Unified Repository of Electronic Evidence

Введение

Современный мир становится все более гибридным – аналогово-цифровым. Объемы информации, курсирующей в киберпространстве, растут по экспоненте. Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни привела к тому, что значительная часть преступной активности оставляет электронные следы: от переписок в мессенджерах и логов серверов до данных устройств интернета вещей и облачных сервисов. В сфере уголовного судопроизводства также все большую роль начинают играть доказательства, полученные с помощью информационно-технологических устройств или извлеченные из них. Не вдаваясь в дискуссию, отметим лишь, что мы полагаем наименование «электронные доказательства» оптимальным для данных информационных объектов.

Основная часть

Неотъемлемым элементом жизненного цикла любых доказательств (последовательности этапов, через которые проходит доказательство с момента возникновения в виде следов в киберпространстве до момента их использования и уничтожения) является их хранение. По общему принципу, предусмотренному ч. 1 ст. 82 УПК РФ, вещественные доказательства должны храниться при уголовном деле до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела и передаваться вместе с уголовным делом, за исключением случаев, предусмотренных настоящей статьей. В случае, когда спор о праве на имущество, являющееся вещественным доказательством, подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства, вещественное доказательство хранится до вступления в силу решения суда.

Электронное доказательство требует определённого режима хранения. При этом следует учитывать сложившийся в российской процессуальной парадигме примат изъятия электронных носителей информации перед копированием самой информации – в первую очередь нормативное регулирование направлено на изъятие носителей, а не информации. Согласно ч. 5 ст. 82 УПК РФ электронные носители информации а) хранятся в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность ознакомления посторонних лиц с содержащейся на них информацией и обеспечивающих их сохранность и сохранность указанной информации; б) возвращаются их законному владельцу после осмотра и производства других необходимых следственных действий, если это возможно без ущерба для доказывания.

Возможность возврата электронных носителей информации или копирования информации для ее возврата владельцу определяется следователем по смыслу рассматриваемой нормы. Таким образом, при необходимости, электронная информация, которая может послужить доказательством по делу, размещенная на материальном объекте – носителе, может храниться и на более поздних этапах.

В настоящее время электронные доказательства хранятся в обычных комнатах хранения вещественных доказательств, что защищает их практически только от физического повреждения и похищения. Это может быть оправдано в ситуации примата носителя информации над самой информацией, но при повышении значимости электронной доказательственной информации необходимо обращать внимание на особые условия её хранения. Традиционные подходы к хранению доказательств, приспособленные под физические предметы, не всегда удовлетворяют требованиям цифрового века.

Нам представляется, что надлежащие условия хранения электронной цифровой информации может обеспечить концепция камеры хранения электронных доказательств. Концепция камеры хранения цифровых доказательств предполагает создание выделенного пространства для хранения и управления цифровыми объектами, сопровождаемого механизмами контроля целостности (хеши, цепочки несменяемости), электронной подписью и аудитной логикой. Камера хранения электронных доказательств – это целостная система, объединяющая физическую защиту, криптографическую защиту данных, контроль доступа, журналирование, автоматизацию процессов получения, сохранения и последующего использования доказательств.

В первую очередь, для реализации концепции камеры хранения электронных доказательств нужны безопасные помещения с контролем доступа и физической защитой (турникетами, идентификацией пользователей, видеонаблюдением и т.д.), а также защищенная зона хранения носителей и устройств на которой непосредственно размещается Единый репозиторий электронных доказательств: централизованный (или распределенный) цифровой архив с поддержкой хранения в виде копий-образов, версионирования и подписи.

Программный уровень камеры хранения электронных доказательств должен включать:

– систему приёма и регистрации;

– систему безопасного хранения;

– систему контроля целостности;

– систему разграничения доступа;

– систему выдачи.

Для хранения электронных доказательств предъявляются требования, касающиеся, во-первых, специфических условий материального плана для обеспечения безопасности носителя и информации на нём, а во-вторых, специфические требования кибербезопасности.

В материальную безопасность входит обеспечение физической неприкосновенности доказательств и климат-контроля: обеспечение соответствующей температурной обстановки, невысокого уровня влажности воздуха, а также обеспечение электромагнитной безопасности и отсутствие опасности от перепадов напряжения электричества в сети. Камеры хранения электронных вещественных доказательств должны быть оборудованы сетевыми фильтрами и источниками бесперебойного питания. Если для обеспечения оптимальных влажности и температуры в помещении никаких дополнительных условий не предъявляется, носители могут храниться в обычных камерах хранения вещественных доказательств, то для повышения безопасности от скачков напряжения хранение осуществляется в выключенном упакованном состоянии. Хранение особо важных носителей может осуществляться в запечатанных сейфах, сертифицированных по стандартам прочности и пожаробезопасности.

В целях же электромагнитной безопасности необходимо ставить вопрос об экранировании помещения от возможного скачка магнитного поля. Данный метод может использоваться злоумышленниками путем создания мощного электромагнитного импульса поблизости от камеры хранения вещественных доказательств. Для экранирования необходимо использование материала аналогичного применяемому в мешке Фарадея для транспортировки электронных вещественных доказательств. Указанный метод будет также способствовать пресечению попыток дистанционной модификации или стирания информации на включенном электронном устройстве.

В некоторых случаях, как предлагает Х.Х. Рамалданов, может возникнуть необходимость организации дистанционного доступа к электронным доказательствам (к информации). В этой ситуации копия информационного объекта (образ) должны храниться на устройстве, подключённом к сети. По схеме, предлагаемой Х.Х. Рамалдановым, «файлы будут отправлены на сервер ЦИТТУ[1] (как, впрочем, и любого другого

[1] Центральное информационно-техническое таможенное управление.

органа дознания или следствия – *прим. А.С.*). С момента сохранения файлов на сервере они официально приобретут статус цифровых доказательств. Каждому файлу автоматически будет присвоен уникальный номер. Этот номер и будет индивидуальным идентификатором цифрового доказательства, по этому номеру, как по интернет-ссылке, можно будет переходить на сервер ЦИТТУ и обращаться к конкретному файлу» [1, с. 180]. Кроме того, при реализации предлагаемой нами концепции единой экосистемы уголовного судопроизводства [2] при необходимости изучения и ознакомления с данными доказательствами надзирающий прокурор и судебные органы также могут получить оперативный доступ к информации.

В целях обеспечения кибербезопасности, как мы уже отмечали, используется ряд методов типа брандмауэра, антивирусных программных комплексов и т.д. Исследования также показывают эффективность применения нейросетевых технологий для борьбы со зловредными программами. Как верно отметил Д.В. Бахтеев: «Работа искусственной нейронной сети основана на интеллектуальном эвристическом анализе данных, который гораздо более эффективен, чем методы математической статистики, используемые в большинстве криминалистических программных комплексов. В этом отношении искусственные нейронные сети гораздо ближе к человеческому мозгу, поскольку способны выявлять скрытые, неочевидные связи и закономерности» [3, с. 49].

Некоторые учёные настаивают на необходимости активизации LLM систем в области кибербезопасности. Так, например, в некоторых зарубежных публикациях предлагается «использовать систему HuntGPT, которая интегрирует методы машинного обучения для обнаружения аномалий и LLM для поиска угроз» [4].

К аппаратно-программным средствам относятся:

– аппаратная защита и специализированные шлюзы;

– сертификаты электронной подписи;

– средства идентификации и аутентификации пользователей;

– межсетевые экраны-брандмауэры;

– системы обнаружения вторжений;

– средства резервного копирования;

– логическое разделение сети на сегменты и построение изолированных сетей для обращения конфиденциальной информации;

– криптографические средства защиты информации;

– использование новых технологий блокчейна или квантовых технологий;

– многие другие, а также их вариации и комбинации[2].

Как мы уже отмечали ранее, «к основным мерам обеспечения кибербезопасности относятся: надежные сложные пароли, двухфакторная аутентификация, регулярная проверка учетной записи, своевременное обновление программных средств защиты, мониторинг сетевой активности, обучение и самообразование, регулярное резервное копирование, шифрование данных, безопасность при онлайн-покупках и посещении подозрительных сайтов, осторожность при использовании общественных Wi-Fi сетей, разработки использования стратегий ограничения доступа и контроля за доступом, проверка используемых электронных носителей информации, сотрудничество с организациями, созданными для противодействия и расследования компьютерных инцидентов» [5, с. 120].

Непосредственно к современным техническим мерам обеспечения кибербезопасности можно отнести следующие интеллектуальные методы:

– методы интеллектуальной идентификации пользователей;

– предотвращения вирусных и других атак;

– выявления атак и проникновений;

– ситуационного анализа состояния информационной безопасности;

– новые методы криптографической защиты, основанные на нейросетевых технологиях [6, с. 26].

Важно обеспечить единый интерфейс загрузки файлов, проверки целостности после попадания в систему и возможности повторной проверки материалов до их окончательного признания в рамках дела. Образы хранятся в изолированной от сети системе.

---

[2] *Анна Викулина.* Защита систем электронного документооборота // WiseAdvice. 1С интегратор [Электронный ресурс]. – URL: https://wiseadvice-it.ru/o-kompanii/blog/articles/zashhita-sistem-edo/?ysclid=lxir3lvif950544027 (дата обращения 17.01.2026).

Кроме того, высокий уровень безопасности позволит обеспечить использование облачных и блокчейн-технологий.

При использовании облачных технологий, информация дробится на отдельные элементы, каждый из которых хранится на отдельном устройстве, входящем в состав облачного сервиса, что будет требовать повышенных усилий для взлома всей цепочки облачных серверов, на которых хранится информация, поскольку получение отдельных изолированных частей информации не даст возможности изучить даже содержимое этой отдельной части.

Следует также поднять вопрос об организации ведомственного облачного провайдера, поскольку ведомственные программы рекомендуют перенесение части информации в облачный режим в облачные сервисы. Как отметил Х.Х. Рамалданов, «применяя миграцию файлов и их дублирование на серверах правоохранительных органов в качестве одного из наиболее действенных способов повышения устойчивости информации можно получить автономию цифровых доказательств от внешних факторов, негативно влияющих на их устойчивость» [7, с. 107].

Использование блокчейн-технологий связано с тем, что каждый новый элемент цепочки содержит в себе информацию о предыдущих элементах и всех транзакциях. Блокчейн считается практически невозможным к взлому извне. Даже при проникновении злоумышленника каким-то образом внутрь цепочки, например с помощью коррумпированного сотрудника, без обладания влиянием на 51 % узлов цепочки любая модификация информации будет невозможной.

Аналогичное мнение о необходимости применения технологий блокчейн высказывал и Л.В. Бертовский, уточняя, что: «К записям могут получить доступ только следователь, у которого есть один закрытый ключ, и руководитель, у которого есть другой. Затем к этой информации получат доступ только те, кому один из этих пользователей предоставит свой закрытый ключ. Например, судебно-экспертному учреждению, в случае назначения экспертизы, или, если судебная экспертиза производится в порядке ч. 4 ст. 199 УПК РФ вне экспертного учреждения, эксперту, или суду, в случае возникновения необходимости в осуществлении судебно-контрольных действий в стадии предварительного расследования, а также прокурору, при осуществлении надзора, или адвокату (которому предоставлено право знакомиться с протоколами следственных действий, проводимых с участием его подзащитного) в процессе осуществления защиты подозреваемого или обвиняемого, или другим участникам уголовного процесса. Вышеуказанные управомоченные (кому предоставлено право работать с файлами) лица видят все содержимое папки с уголовным делом (никаких скрытых файлов), ее можно быстро просмотреть: кто, когда и в какие подпапки загружал документы. Но при этом у всех разный уровень доступа к данным файлам» [8, с. 229].

Кроме того, необходимо задаться вопросом объёма хранилищ. Если для хранения обычных вещественных доказательств можно предположить потребные материальные объёмы помещения, то хранение электронных вещественных доказательств будет требовать соответствующих виртуальных объёмов электронных носителей. В настоящее время средний домашний компьютер по ёмкости носителей может достигать 1 ТБ и более. Используемые в коммерческой деятельности информационно-технологические устройства могут существенно превышать этот показатель. С учётом того, что проведённое нами исследование показало использование принципа изъятия всего устройства или копирования всей информации, представляется, что в комнате хранение электронных вещественных доказательств носители должны быть кратно больших объёмов. Для повышения безопасности эффективности и быстродействия рекомендуется использовать RAID-массивы для хранения информации. При этом непосредственная архитектура RAID-массива при одних конфигурациях может способствовать обеспечению сохранности информации путем ее дублирования, а при других – физически расширять емкость логического диска.

Заключение

Таким образом, представляется, что использование камеры хранения электронных доказательств может существенно повысить их безопасность и эффективность использования. Камера хранения элек-

тронных доказательств – это специализированная информационно-техническая и организационная система, предназначенная для приёма, безопасного хранения, мониторинга, управления доступом и выдачей электронных доказательств с обеспечением их юридической пригодности, объединяющая технические средства, процессы и кадровые практики, и направленная на обеспечение законной и надёжной работы с цифровыми артефактами.

Для материальных носителей электронной цифровой информации наиболее важным аспектом является обеспечение физической сохранности. Для самой информации – возможность ее использования. Представляется, что сети (репозитории, озера данных и т.д.) хранения электронной доказательственной информации должны быть изолированы от сети Интернет. При этом важна возможность интеграции предлагаемой камеры хранения электронных доказательств с существующими цифровыми платформами правоохранительных органов, а также перспективными экосистемами предварительного расследования.

Для оптимизации процесса внедрения камер хранения электронных доказательств возможна их пилотная пробация в конкретном ведомстве (например, ФТС) или в ключевых подразделениях (например, в центральном аппарате СКР).

На стратегическом уровне камеры хранения электронных доказательств – это инфраструктурный проект, формирующий основу для следующего шага: «электронного уголовного дела», где весь материал, от протокола осмотра места происшествия до приговора, будет существовать в едином защищённом цифровом контуре. Это путь к прозрачности, эффективности и технологическому суверенитету правовой системы.

Список литературы

1. *Рамалданов, Х.Х.* Процесс доказывания по уголовным делам в условиях тотальной цифровизации общественных отношений: дис. … канд. юрид. наук: специальность: 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» / Х.Х. Рамалданов; АНО ВО «Российский новый университет». – Москва, 2024. – 244 с.
2. *Вехов, В.Б.* К вопросу о создании единой цифровой экосистемы уголовного судопроизводства / В.Б. Вехов, М.В. Савельева, А.Б. Смушкин // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2025. – № 2(48). – С. 82–94.
3. *Бахтеев, Д.В.* Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования / Д.В. Бахтеев // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – №2 (104). – С. 43–49.
4. *Kulkarni, M.S.* A Proactive Approach to Advanced Cyber Threat Hunting / M.S. Kulkarni, A.D. Hegadi, C.C. Narayan // Proceedings of the 2023 7th International Conference on Computation System and Information Technology for Sustainable Solutions (CSITSS). – 2023. – P. 1–6.
5. *Смушкин, А.Б.* Кибербезопасность: понятие, структура, механизм правового обеспечения / А.Б. Смушкин // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, №. 3. – С. 114–123.
6. *Безкоровайный, М.М.* Кибербезопасность – подходы к определению понятия / М.М. Безкоровайный, А.Л. Татузов // Вопросы кибербезопасности. – 2014. – № 1 (2). – С. 22–27.
7. *Рамалданов, Х.Х.* Проблемы использования и хранения цифровых доказательств в доказывании в уголовном процессе / Х.Х. Рамалданов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – № 2. – С. 105–111.
8. *Бертовский, Л.В.* Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства / Л.В. Бертовский // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. –№ 6. – С. 226–230.

References

1. *Ramaldanov, H.H.* The process of proving criminal cases in the context of total digitalization of public relations: Dissertation ... Candidate of Law: Specialty: 5.1.4 “Criminal Law Sciences” / H.H. Ramaldanov; ANO HE “Russian New University”. – Moscow, 2024. – 244 p.
2. *Vekhov, V.B.* On the issue of creating a unified digital ecosystem of criminal proceedings / V.B. Vekhov, M.V. Savelyeva, A.B. Smushkin // Investigation of crimes: problems and solutions. – 2025. – No. 2 (48). – P. 82–94.
3. *Bakhteev, D.V.* Artificial intelligence in criminalistics: state and prospects of use / D.V. Bakhteev // Russian law: education, practice, science. – 2018. – No. 2 (104). – P. 43–49.

4. *Kulkarni, M.S.* A Proactive Approach to Advanced Cyber Threat Hunting / M.S. Kulkarni, A.D. Hegadi, C.C. Narayan // Proceedings of the 2023 7th International Conference on Computation System and Information Technology for Sustainable Solutions (CSITSS). – 2023. – P. 1–6.
5. *Smushkin, A.B.* Cybersecurity: concept, structure, mechanism legal support / A.B. Smushkin // Law enforcement. – 2025. – Vol. 9, No. 3. – P. 114–123.
6. *Bezkorovayny, M.M.* Cybersecurity – approaches to the definition of the concept / M.M. Bezkorovayny, A.L. Tatuzov // Cybersecurity issues. – 2014. – No. 1 (2). – P. 22–27.
7. *Ramaldanov, H.H.* Problems of using and storing digital evidence in proving in criminal proceedings / H.H. Ramaldanov // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 2. – P. 105–111.
8. *Bertovsky, L.V.* Blockchain technology in criminal proceedings as an element of digital legal proceedings / L.V. Bertovsky // Problems of economics and legal practice. – 2017. – No. 6. – P. 226–230.

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026
Статья принята к публикации: 01.06.2026

Received: 20.01.2026
Accepted: 01.06.2026

УДК 343.71 DOI 10.21777/2587-9472-2026-3-46-50

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИСВОЕНИЯ НАЙДЕННОГО ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

Титкова Ольга Игоревна[1],
канд. юрид. наук,
e-mail: o.i.titkova@yandex.ru
[1]Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

В статье рассматриваются некоторые вопросы юридической оценки присвоения лицом найденного чужого имущества. Анализируются основные подходы к разграничению хищения и находки. Критически рассматриваются доводы о том, что завладение найденным чужим имуществом не может признаваться хищением ввиду утраты собственником фактической связи с вещью и, как следствие, возможности осуществлять правомочия собственника; отсутствия корыстной цели; невозможности оценивать присвоение найденного чужого имущества как изъятие в уголовно-правовом смысле и т.п. Анализируются положения гражданского законодательства, регламентирующего порядок обращения с находкой (ст. 227 ГК РФ) и позиция Конституционного Суда РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 12 января 2023 г. № 2-П) по вопросам юридической оценки присвоения найденного чужого имущества. Исследуются предлагаемые уголовно-правовой наукой и правоприменительной деятельностью некоторые критерии отграничения хищения от находки: наблюдение лица за процессом утраты имущества собственником (владельцем); известность собственнику (владельцу) места нахождения забытой вещи; наличие у имущества индивидуально-определённых признаков, позволяющих идентифицировать собственника и др. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: преступления против собственности, хищение, кража, присвоение найденного, находка, чужое имущество, юридическая ответственность

QUALIFYING THE APPROPRIATION OF FOUND PROPERTY BELONGING TO ANOTHER

Titkova O.I.[1],
Candidate of Legal Sciences,
e-mail: o.i.titkova@yandex.ru
[1]Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation

The article discusses certain issues of legal assessment of a person's appropriation of found property belonging to another. The main approaches to distinguishing between theft and finding are analyzed. The article critically examines the arguments that taking possession of found property belonging to another cannot be considered theft due to the owner's loss of actual connection with the item and, consequently, the inability to exercise the powers of an owner; the absence of selfish intent; the inability to assess the appropriation of found property belonging to another as seizure in the criminal law sense; and so on. It analyzes the provisions of civil legislation regulating the procedure for dealing with a find (Article 227 of the Civil Code of the Russian Federation) and the position of the Constitutional Court of the Russian Federation (Resolution No. 2-P of January 12, 2023) on the legal assessment of the appropriation of found property belonging to another. The article examines certain criteria proposed by criminal law scholarship and law enforcement practice for distinguishing theft from finding: the owner's or possessor's observation of the process of losing property; the owner's or possessor's knowledge of the location of the forgotten item; the presence of individual characteristics in the property that allow for identification of the owner, etc. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: crimes against property, misappropriation, theft, appropriation of found property, find, property belonging to another, legal liability

Введение

Утрата движимого имущества, например, различных электронных устройств (мобильных телефонов, смартфонов, планшетов и т.п.), иных ценных вещей болезненна для собственников и часто причиняет им весьма значительный ущерб. Тот факт, что присвоение найденного имущества зачастую не воспринимается людьми как противоправное деяние, а оценивается как «везение» и, следовательно, легко ими совершается, приводит к окончательной утрате собственником своего имущества, поскольку делает бесполезными меры по его розыску. Иногда собственник сам отказывается от розыска имущества полагая, что он не будет результативен, поскольку имущество уже наверняка присвоено иными лицами. Поэтому вопросы правовой оценки присвоения найденного чужого имущества, неоднозначно трактуемые как в уголовно-правовой науке, так и в правоприменительной деятельности, нуждаются в тщательном анализе.

Основная часть

Позиция некоторых авторов заключается в том, что нельзя расценивать как хищение присвоение найденной вещи, поскольку при выбытии вещи из обладания собственника обрывается фактическая связь между собственником и данной вещью, и после утери вещи собственник не может забрать ее или иным образом реализовывать свои правомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом [см., например: 1, с. 6]. Однако утрата лицом возможности реализовывать указанные правомочия не является тождественной утрате права собственности на потерянную вещь, тем более что собственник, утративший ценную вещь, наверняка примет меры для поиска этого имущества.

Изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц рассматривается как обязательный признак объективной стороны хищения чужого имущества. И если присвоение и растрата могут быть совершены путем только обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц, в отношении иных форм хищения признается обязательность и изъятие этого имущества из обладания собственника или иного законного владельца. При завладении же найденным имуществом, по мнению некоторых исследователей, изъятие отсутствует, поскольку имущество уже выбыло из владения собственника[1]. Однако тот факт, что лицо забирает имущество с места его обнаружения и не выполняет требования ст. 227 ГК РФ по уведомлению собственника, полиции, органов местного самоуправления и т.д. об обнаружении имущества, невыполнение требования о возврате этого имущества фактически приравнивается к его изъятию (виновный устанавливает фактическое господство над вещью) в уголовно-правовом смысле. Именно изъятие чужого имущества с места обнаружения и невыполнение требований ст. 227 ГК РФ делает невозможным положительный результат его розыска.

Иногда утверждаются, что при присвоении найденного чужого имущества отсутствует корыстная цель и поэтому содеянное нельзя квалифицировать как хищение чужого имущества. Так, например, указывается на то, что «установление корыстного умысла на кражу в этом случае затруднительно, потому … что собственник вещи был невнимателен, небрежен, поэтому забыл вещь» [2, с. 82]. Однако корыстная цель как обязательный признак хищения чужого имущества должна пониматься в широком смысле как стремление получить возможность владеть, пользоваться и распоряжаться чужим имуществом как своим собственным. И действительно, виновный, присваивая найденное имущество, получает возможность реализовывать эти правомочия в отношении чужого имущества как в отношении своего собственного. И наличие корыстной цели у виновного никак не связано с предшествующим поведением собственника, с тем, что он по невнимательности или небрежности где-либо забыл или потерял свое имущество.

В теории и практике уголовного права указываются основные признаки, позволяющие квалифицировать содеянное как хищение, например: 1) процесс утраты имущества наблюдался лицом, которое его присвоило; 2) место нахождения имущества известно собственнику или владельцу (в случае если

[1] См, например: Актуальные проблемы уголовного права. Часть Особенная: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2019. – С. 82.

имущество где-то временно оставлено или забыто); 3) предмет хищения имеет идентификационные признаки, позволяющие его опознать; 4) предмет хищения имеет признаки, по которым собственник может быть опознан; 5) собственник или владелец предпринимали действия по розыску имущества, установлению его местонахождения; 6) внешняя обстановка, указывающая на характер выбытия имущества, т.е. позволяющая сделать вывод, что собственник вернется за имуществом; 7) совершение лицом действий по сокрытию найденной вещи или признаков, позволяющих индивидуализировать это имущество или подтвердить его принадлежность законному владельцу [3, с. 142; 4, с. 69–70; 5; 6; 7, с. 107 и др.].

Не вызывает споров оценка ситуации как хищения, когда виновный имеет возможность наблюдать процесс выбывания имущества из обладания собственника и завладевает таким имуществом. Так, Конституционный Суд РФ указывает, что как хищение в виде кражи следует квалифицировать «тайное завладение … чужой вещью, когда лицо, завладевшее ею, наблюдало ее потерю собственником или иным законным владельцем и имело реальную возможность незамедлительно проинформировать последнего о потере и вернуть ему вещь»[2].

Если же процесс утраты имущества не наблюдался лицом, которое его присвоило, то здесь правоприменитель, как правило, квалифицирует содеянное как хищение, если собственник лишился вещи в известном ему месте и имеет возможность за ней вернуться либо имущество имеет признаки, по которым собственник может быть опознан. Так, квалификация как хищение – присвоение временно оставленных без присмотра вещей не вызывает сомнений как в теории уголовного права, так и на практике. Подобным образом следует квалифицировать и ситуации, когда вещь забыта собственником в известном ему месте, например, кошелек на кассе в магазине.

Сложности возникают при квалификации ситуаций, когда собственник вещь потерял и место потери ему достоверно не известно. Представляется, что факт известности собственнику или владельцу имущества места его утраты не должен рассматриваться как обязательный при квалификации содеянного как хищения. Поскольку, если собственник и не помнит, где он забыл или потерял свое имущество, то это не означает, что он не предпримет меры к розыску этого имущества. Например, обойдет те места, где он в последний раз мог воспользоваться потерянным имуществом (делал звонки по телефону, доставал портмоне, смотрел на часы и т.д.) и, естественно, обратится за помощью к сотрудникам магазина, кафе, работникам транспорта и т.д.). Розыск имущества может заключаться и в том, что лицо просто повторит свой маршрут, если есть шанс, что имущество было утеряно на улице. Поэтому ст. 227 ГК РФ и устанавливает обязанность лица нашедшего потерянную вещь «немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее, или собственника вещи… Если вещь найдена в помещении или на транспорте, она подлежит сдаче лицу, представляющему владельца этого помещения или средства транспорта»[3]. Если лицо же присваивает найденное имущество, то оно препятствует его розыску, делает невозможным положительный исход поиска.

Следующая ситуация, позволяющая квалифицировать присвоение найденного как хищение, касается свойств утраченного имущества, а именно: обладает ли вещь индивидуально-определенными свойствами и может ли в связи с этим быть установлен ее собственник или владелец. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 12 января 2023 г. № 2-П указал, что присвоение такого имущества следует оценивать как хищение.

В этой связи возникает вопрос о том, может ли присвоение найденного имущества быть квалифицировано как хищение, если у лица нет возможности самостоятельно идентифицировать собственника или владельца найденного имущества по признакам предмета. Представляется, что даже если признаки имущества не позволяют однозначно идентифицировать собственника этого имущества, то это

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса РФ, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса РФ, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437511/ (дата обращения: 10.02.2026).

[3] Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/b3526f37d7093a56bf084817caeee175f032a3d7/ (дата обращения: 02.03.2026).

не означает, что он не может быть найден. В настоящее время, когда наличие камер видеонаблюдения почти повсеместно (на транспорте, в торговых центрах, в других местах общего пользования и даже на улице), вопрос идентификации собственника зачастую не становится неразрешимой задачей. И в таких ситуациях именно невыполнение требований ч 2. ст. 227 ГК РФ об обязанности нашедшего вещь заявить о находке в полицию или в орган местного самоуправления и дальнейшее завладение таким имуществом и обращение его в свою пользу должно рассматриваться как решающий фактор, позволяющий квалифицировать содеянное как хищение.

Наличие или отсутствие признаков хищения в ситуации присвоения найденного имущества часто связывают с особенностями процесса утраты собственником фактического господства над имуществом: временно оставил в известном месте, забыл в известном месте или потерял неизвестно где. Однако представляется, что при решении данного вопроса необходимо в первую очередь анализировать направленность умысла виновного, которая выявляется путем анализа его действий. Если лицо, осознавая, что найденное имущество является для него чужим и не является брошенным как утратившее ценность для собственника, забирает его с места обнаружения и не предпринимает никаких попыток к розыску собственника (не сообщает в правоохранительные органы и т.д.) и оставляет его себе, то это свидетельствует о наличии умысла на завладение этим чужим имуществом и обращение его в свою пользу, т.е. на его хищение. В этой связи представляется второстепенным вопрос о том, знал ли виновный, кто является собственником имущества или нет, известно ли собственнику последнее место нахождения имущества или нет. Также следует признать верным мнение специалистов, указывающих, что субъективное восприятие ситуации собственником (владельцем) и его дальнейшее поведение (вернулся ли за своим имуществом, приступил ли к его розыску или нет и т.п.) не должно иметь решающего значения при квалификации содеянного виновным как хищения [8].

Заключение

Актуальность вопросов квалификации присвоения найденного чужого имущества обусловлена широкой распространенностью подобных ситуаций (особенно в отношении электронных устройств и ценных вещей), а также отсутствием единообразного подхода в правоприменительной практике. Наличие противоречий в теории и судебной практике создает риски как для добросовестных собственников, чьи права на восстановление владения оказываются затруднены, так и для единообразного применения уголовного закона.

Следует отнестись критически к существующим в доктрине формальным подходам, согласно которым присвоение найденного чужого имущества не может считаться хищением из-за отсутствия признаков «изъятия» или «корыстной цели». Утрата фактической связи собственника с вещью не тождественно утрате права собственности на нее. Представляется, что невыполнение лицом, нашедшим потерянную вещь, обязанности по уведомлению об этом ее собственника (владельца) или иных лиц и сокрытие находки, можно приравнять к изъятию в уголовно-правовом смысле (виновный устанавливает фактическое господство над вещью). Корыстную цель при хищении следует трактовать широко – как стремление владеть, пользоваться и распоряжаться чужим имуществом как своим собственным.

Предлагается не придавать решающего уголовно-правового значения дифференциации понятий «забытая» вещь (временное оставление в известном месте) и «потерянная» (место неизвестно). Необходимо системно анализировать критерии разграничения хищения и находки с учетом современных реалий (повсеместное видеонаблюдение, техническая возможность идентификации собственника). Следует отказаться от признания «известности места утраты собственнику» и «возможности самостоятельной идентификации владельца» в качестве обязательных условий квалификации как хищения. Необходимо сместить акцент с объективных признаков выбытия вещи на субъективную сторону – направленность умысла лица, присвоившего имущество. Решающее значение для квалификации содеянного как хищения имеет направленность умысла виновного, которая определяется осознанием виновным чужого характера имущества, отказ руководствоваться требованиями гражданского законодательства в отношении найденного имущества, сокрытием имущества и желанием обратить найденное в свою пользу.

Список литературы

1. *Архипов, А.В.* Находка или кража: комментарий позиции Конституционного Суда / А.В. Архипов // Уголовное право. – 2023. – № 7. – С. 3–7.
2. *Вестов, Ф.А.* Проблемы квалификации присвоения найденного чужого имущества / Ф.А. Вестов, Н.П. Каримова // Основы экономики, управления и права. – 2023. – № 1 (36). – С. 80–84.
3. *Хилюта, В.В.* Кража и присвоение найденного: проблемы соотношения и выявления разграничительных признаков / В.В. Хилюта // Журнал российского права. – 2019. – № 5. – С. 132–143.
4. *Пильников, С.Г.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика отдельных видов хищений чужого имущества: закон, теория, практика: монография / С.Г. Пильников, А.А. Шутова, Е.В. Фоменко. – Москва: Проспект, 2021. – 154 с.
5. *Макаров, А.В.* К вопросу о разграничении кражи и присвоения найденного / А.В. Макаров, Т.П. Страмилова, А.В. Куприянова, Ю.О. Федурина // Российский следователь. – 2021. – № 7 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://cloud.consultant.ru (дата обращения: 12.12.2025).
6. *Хилюта, В.В.* «Криминализировал» ли конституционный суд находку? / В.В. Хилюта // Законность. – 2023. – № 4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://cloud.consultant.ru (дата обращения: 10.02.2026).
7. *Клоков, С.Н.* Актуальные вопросы установления преступного умысла и корыстной цели по уголовным делам о присвоении найденного чужого имущества / С.Н. Клоков, О.Г. Тарнакоп, А.Ю. Мирошниченко // Юристъ-Правоведъ. – 2019. – №1. – С. 104–108.
8. *Арзамасцев, М.В.* Кража найденного имущества как уголовно-правовое злоупотребление правомочиями / М.В. Арзамасцев // Уголовное право. – 2023. – № 3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://cloud.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2026).

References

1. *Arhipov, A.V.* Nahodka ili krazha: kommentarij pozicii Konstitucionnogo Suda / A.V. Arhipov // Ugolovnoe pravo. – 2023. – № 7. – S. 3–7.
2. *Vestov, F.A.* Problemy kvalifikacii prisvoeniya najdennogo chuzhogo imushchestva / F.A. Vestov, N.P. Karimova // Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava. – 2023. – № 1 (36). – S. 80–84.
3. *Hilyuta, V.V.* Krazha i prisvoenie najdennogo: problemy sootnosheniya i vyyavleniya razgranichitel'nyh priznakov / V.V. Hilyuta // Zhurnal rossijskogo prava. – 2019. – № 5. – S. 132–143.
4. *Pil'nikov, S.G.* Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya harakte-ristika otdel'nyh vidov hishchenij chuzhogo imushchestva: zakon, teoriya, prak-tika: monografiya / S.G. Pil'nikov, A.A. Shutova, E.V. Fomenko. – Moskva: Prospekt, 2021. – 154 s.
5. *Makarov, A.V.* K voprosu o razgranichenii krazhi i prisvoeniya najdennogo / A.V. Makarov, T.P. Stramilova, A.V. Kupriyanova, Yu.O. Fedurina // Rossijskij sledovatel'. – 2021. – № 7 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus». – URL: https://cloud.consultant.ru (data obrashcheniya: 12.12.2025).
6. *Hilyuta, V.V.* «Kriminaliziroval» li konstitucionnyj sud nahodku? / V.V. Hilyuta // Zakonnost'. – 2023. – № 4 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus». – URL: https://cloud.consultant.ru (data obrashcheniya: 10.02.2026).
7. *Klokov, S.N.* Aktual'nye voprosy ustanovleniya prestupnogo umysla i korystnoj celi po ugolovnym delam o prisvoenii najdennogo chuzhogo imushchestva / S.N. Klokov, O.G. Tarnakop, A.Yu. Miroshnichenko // Yurist»-Pravoved». – 2019. – №1. – S. 104–108.
8. *Arzamascev, M.V.* Krazha najdennogo imushchestva kak ugolovno-pravovoe zloupotreblenie pravomochiyami / M.V. Arzamascev // Ugolovnoe pravo. – 2023. – № 3 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj si-stemy «Konsul'tantPlyus». – URL: https://cloud.consultant.ru (data obrashcheniya: 20.02.2026).

Статья поступила в редакцию: 24.03.2026 Received: 24.03.2026
Статья принята к публикации: 24.04.2026 Accepted: 24.04.2026

УДК 346.21 DOI 10.21777/2587-9472-2026-3-51-59

КОМПЬЮТЕРНЫЕ КЛУБЫ КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Илясова София Вячеславовна[1],
e-mail: sofiademidova3659@gmail.com

Лаврик Татьяна Михайловна[1],
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: lavriktan@mail.ru
[1]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов, Россия

В статье исследуется деятельность компьютерных клубов как перспективного направления инвестиционной деятельности в современных экономических условиях. Особое внимание уделяется комплексному анализу правового регулирования данного вида предпринимательской деятельности в Российской Федерации, включая выявление и систематизацию источников правового регулирования.

В работе проанализированы примеры действующих франшиз компьютерных клубов, представленных на российском рынке. На основе данных о динамике открытия новых точек, показателях окупаемости, оценена актуальность и экономическая целесообразность приобретения франчайзинговых моделей в сфере компьютерных клубов для потенциальных инвесторов.

Отдельное внимание было уделено анализу и систематизации преимуществ и рисков использования франчайзинга в сфере компьютерных клубов.

Результаты исследования позволяют сформировать целостное представление о правовых и экономических аспектах развития сети компьютерных клубов посредством использования такой модели ведения бизнеса, как франшиза, которые могут быть полезны как для инвесторов, так и для исследователей сферы малого и среднего предпринимательства.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, коммерческая концессия, франчайзинг, франшиза, риски, инвестиции, инвестиционная деятельность, компьютерные клубы

COMPUTER CLUBS AS AN ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORM OF INVESTMENT ACTIVITY

Iliasova S.V.[1],
e-mail: sofiademidova3659@gmail.com

Lavrik T.M.[1],
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: lavriktan@mail.ru
[1]Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tambov State Technical University", Tambov, Russia

The article examines the activities of computer clubs as a promising area of investment activity in modern economic conditions. Particular attention is paid to a comprehensive analysis of the legal regulation of this type of business activity in the Russian Federation, including the identification and systematization of sources of legal regulation.

The work analyzes the current laws of computer club franchises represented on the Russian market. Based on data on the dynamics of opening new locations and payback indicators, the relevance and economic feasibility of acquiring franchise models in the computer club sector for potential investors have been assessed.

Special attention was paid to the analysis and systematization of the advantages and risks of using franchising in the computer field.

The results of the study make it possible to ensure the integrity of ideas about the legal economic aspects and aspects of the development of computer clubs through the use of business models such as franchising, which can be useful both for the economic downturn and for compliance with the regime of moderate and medium-sized entrepreneurship.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: entrepreneurial activity, commercial concession, franchising, franchise, risks, investments, investment activities. computer clubs

Введение

XXI век характеризуется стремительным прогрессом в области искусственного интеллекта, виртуальной реальности, роботизации и автоматизации процессов, что находит отражение не только в научно-исследовательской сфере, но и в социально-экономической практике. В условиях интенсивного развития информационных технологий и активного внедрения сегментов виртуальной реальности сфера компьютерных видеоигр демонстрирует устойчивый рост и расширяет границы потенциального применения. На сегодняшний день цифровые технологии выступают не только средством удовлетворения потребительских нужд и развлечений, но также инструментом получения прибыли. Примечательно, что деятельность, традиционно воспринимаемая как досуговая, под воздействием правового регулирования и экономических механизмов преобразовалась в перспективное направление для инвестиций.

По данным Организации видеоигровой индустрии от 106 до 110 млн человек в возрасте от 7 лет и старше играют в видеоигры, что составляет до 81 % населения страны. При этом, объем рынка видеоигры в РФ оценивается в 2,3 млрд рублей. Возглавляет рейтинг городов-миллионников по числу геймеров в видеоигры город Волгоград – играют 83 % опрошенных граждан. Указанные показатели демонстрируют востребованность видеоигрового сегмента на отечественном рынке.

Видеоигры выполняют многофункциональную роль: с одной стороны, они служат средством понижения психоэмоционального напряжения (для большинства пользователей), с другой – формируют профессиональную сферу деятельности в виде киберспорта. Эта двойственность нашла отражение в развитии компьютерных клубов – площадок, где досуг пересекается с профессиональной подготовкой киберспортсменов.

Деятельность компьютерных клубов в РФ сопряжена с рядом правовых проблем, затрудняющих инвестиционную привлекательность исследуемого сегмента. Необходимо проанализировать основные правовые сложности предпринимательской деятельности по созданию и организации компьютерных клубов, и предложить направления их решения для минимизации рисков, предотвращения нарушений законодательства, защиты прав пользователей и снижения оснований для возникновения судебных споров.

Франчайзинг, франшиза и договор коммерческой концессии: соотношение понятий

В большинстве сфер предпринимательской деятельности существуют субъекты малого и среднего предпринимательства, а также крупные предприятия. Чаще всего именно последние развивают коммерческую деятельность с помощью договора коммерческой концессии (франчайзинга), который позволяет масштабироваться и повышать прибыльность организации.

На практике не редко понятие «коммерческая концессия» заменяется термином «франчайзинг», а также определением «франшиза». Такая терминологическая неоднозначность может приводить к недопониманию среди предпринимателей, инвесторов и других участников правоотношений.

Прежде чем анализировать франшизу компьютерных клубов как инвестиционное направление, необходимо чётко определить понятийный аппарат, лежащий в основе исследования. Разграничение указанных понятий позволит корректно формулировать условия договоров, избегать экономических рисков и эффективно защищать свои права в рамках франчайзинговых отношений.

Согласно Гражданскому кодексу РФ (далее – ГК РФ), а именно главе 54, договор, по которому одна сторона обязуется предоставить другой стороне за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау) обозначается как договор коммерческой концессии. Такое определение использует законодатель, при этом в ГК РФ термин «франчайзинг» и «франшиза» отсутствуют.

Марченко М.Ю. в своей работе анализирует подходы ученых, которые делятся на несколько групп:

1) ученые, считающие, что понятия «франчайзинг», «франшиза», «коммерческая концессия» являются равнозначными (сторонники Трахтенгерц Л.А.);

2) исследователи, придерживающиеся мнения о том, что указанные понятия используются в разных сферах: термин «франчайзинг» используется преимущественно для обозначения определенной системы организации рыночных отношений, а понятие «франшиза» – для определения договорных отношений между конкретными партнерами при реализации этой системы отношений на практике (сторонники Панкратова Ф.Г. и Серегиной Т.К.);

3) авторы, отмечающие, что франчайзинг – это способ организации и осуществления предпринимательской деятельности, представляющий собой систему отношений, основанных на договоре франчайзинга и иных сопутствующих договорах. А франшиза – это комплекс исключительных прав, передаваемых по договору (сторонники Марченко М.Ю.) [1].

Многие авторы в своих исследованиях приравнивают понятия «франчайзинг» и «коммерческую концессию», например, Дюмина В.Э., которая использует данные термины в схожем значении. К такому выводу автор пришла на основании анализа главы 54 ГК РФ и положений международной конференции «Франчайзинг: мировой опыт и его применение в российской торговле и сфере услуг», когда многие авторы предлагали или заменить понятия, или принять отдельный, специальный закон по франчайзингу, не противоречащий ГК РФ [2].

Разделяет это мнение относительно понятий «франчайзинг» и «коммерческая концессия» исследователь Гудим Е.Р. [3]. Она поддерживает позицию профессора Витрянского В.В. о том, что понятие «коммерческая концессия» используется как наиболее подходящее по смыслу термину «франчайзинг», следовательно, можно предположить, что данные понятия являются тождественными [4].

Однако, несмотря на продолжительные дискуссии в юридической среде законодатель не изменяет нормы главы 54 ГК РФ, не приравнивает указанные термины.

Следует отметить, что в основном сравнительному анализу подлежат понятия «франчайзинг» и «коммерческая концессия», при этом термин «франшиза» реже становится предметом научных исследований. Как показывает практика, данное понятие чаще используется в экономической лексике и разговорной речи. Парфёнов К.Б. в своей работе подчеркивает, что российские предприниматели уже давно и повсеместно в отношении договора коммерческой концессии, используют понятие «франшиза». Автор считает, что данный термин воспринимается общественным сознанием проще, чем понятие, закрепленное законодателем, а также, что сложившиеся условия «...подталкивают законодателя к тому, чтобы в перспективе, откорректировать данное понятие в соответствии с установками общества, дабы избежать путаницы» [5].

В рамках исследования основным термином выступает «франшиза», при этом понятия «франчайзинг» и «коммерческая концессия» в контексте данной работы рассматриваются как синонимичные «франшизе» и употребляются как взаимозаменяемые.

Выбор обусловлен сложившейся деловой практикой: предприниматели, занимающиеся заключением договоров коммерческой концессии в области компьютерных клубов, преимущественно оперируют термином «франшиза».

Таким образом, опираясь на установленные определения, становится возможным объективно проанализировать специфику франчайзинга в сфере компьютерных клубов, в том числе оценить правовые риски, структуру затрат и потенциальную доходность.

Итак, первый раздел формирует концептуальную основу, без которой невозможно полноценно исследовать франшизу как инструмент инвестирования. Это обеспечивает целостность исследования и позволяет делать обоснованные выводы о целесообразности вложений в данный сегмент рынка.

Источники правового регулирования деятельности компьютерных клубов

Деятельность компьютерных клубов не выделена в отдельный вид предпринимательской деятельности, поэтому она регулируется общими нормами в сфере услуг, торговли и информационных технологий. Источниками, регулирующими деятельность компьютерных клубов, являются следующие нормативно-правовые акты.

Во-первых, ГК РФ формирует правовую основу для договорных отношений (например, договор оказания услуг, договор коммерческой концессии, лицензионный договор, договор аренды и т.д.), защиты интеллектуальных прав (использование программного обеспечения, игр и других объектов интеллектуальной собственности) и общих принципов деятельности компьютерных клубов (например, положения о создании и деятельности юридических лиц, выбор организационно-правовой формы и вида деятельности).

Второй вид нормативно-правового акта – федеральные законы. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» – один из ключевых нормативных актов для сферы. Данный акт устанавливает требования к обороту информационной продукции, например, классификация игрового контента по возрастам (0+, 6+, 12+, 16+, 18+ (информационная продукция, запрещенная для детей) и другие положения.

Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ» отделяет компьютерные клубы от нелегальных игорных заведений. К примеру, основной принцип деятельности компьютерных клубов – это предоставление использования ПК или консоли на определенное время за плату (принцип договора аренды). Несмотря на то, что «арендатор» вправе использовать компьютер не только для игровых целей (например, для доступа к сети Интернет, просмотра видеоконтента и другое) законодательство устанавливает ограничения в отношении определённых категорий онлайн игр: онлайн казино, виртуальные покер румы, игровые автоматы, а также иные платформы, предполагающие внесение денежных средств в целях получения выигрыша. Помимо указанного, строго запрещено принимать ставки и проводить пари на деньги внутри клуба.

В продолжение запрещающим нормам необходимо отметить положения Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». В РФ запрещается распространение материалов, призывающих к насилию или разжигающих рознь, среди которых видеоигры: с нацистской символикой и атрибутикой, вызывающие возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; содержащие призывы к терроризму или оправдывающие его; призывающие к нарушению конституционного строя или территориальной целостности РФ. За нарушение запрета об ограничении игрового контента предусмотрена административная (КоАП РФ) и уголовная (УК РФ) ответственность.

Сбор, хранение и обработка информации о посетителях компьютерного клуба (ФИО, номера телефонов, паспортные данные при регистрации) регулируются Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Требования к обеспечению пожарной безопасности в помещениях компьютерного клуба регулируются Федеральным законом от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности».

Третий вид источников правового регулирования деятельности компьютерных клубов – законы. Закон РФ № 2300-1 «О защите прав потребителей» – это базовый нормативно-правовой акт для сферы предоставления услуг. На его основе утверждаются правила работы клуба (публичная оферта), оформляется «Уголок потребителя» и регулируются споры о защите прав потребителей.

Региональные нормы также формируют нормативно-правовую базу в данной сфере. Например, Приложение к решению Петрозаводского городского Совета от 28.12.2004 года №XXV/XXII-83, где

содержатся Правила осуществления деятельности компьютерных клубов, которые закрепляют требования к помещениям, где располагаются компьютерные клубы. Такие требования включают в себя нормы о естественном и искусственном освещении, площади одного компьютерного места (не менее 4,5 кв. м), необходимость ведения журнала учета длительности работы на компьютере и другое. Компьютерные клубы обязаны соблюдать допустимый уровень шума и временные ограничения на его создание. Например: в Тамбовской области за нарушение тишины и покоя граждан в ночное время предусмотрена ответственность в соответствии со ст. 13 Закона Тамбовской области от 29.10.2003 № 155-З «Об административных правонарушениях в Тамбовской области». Зачастую компьютерные клубы располагаются в спальных районах, часто на цокольных или первых этажах многоквартирных домов. Режим работы таких заведений круглосуточный, из-за чего в ночное время уровень шума возрастает: он может исходить как от посетителей компьютерных клубов, так и от звука видеоигр или проводимых турниров. Указанные обстоятельства могут послужить основанием для возникновения судебных разбирательств.

Помимо ранее отмеченных норм, на деятельность компьютерных клубов также распространяются положения, установленные Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, санитарно-эпидемиологические правила и нормативы (СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03 о гигиене труда, технологических процессах, сырье, материалах, оборудовании и т.д.).

Говоря о правовом регулировании деятельности компьютерных клубов, можно отметить, что статьи различных законов и других нормативных актов регулируют данную область с разных сторон, что существенно усложняет процесс организации и ведения такого вида предпринимательской деятельности.

Преимущества франчайзинга компьютерных клубов

Однако, данная сфера выступает инвестиционно-привлекательной, что подтверждают следующие показатели.

По мнению крупнейшего мультимедийного холдинга, в 2022 году сеть компьютерных клубов COLIZEUM занимала 7 место списка ТОП-50 франшиз. При этом данную структуру опережали преимущественно сети из более традиционных сегментов рынка – розничная сеть «Пятёрочка», маркетплейсы Wildberries и Ozon.

Анализируя данные, приведенные на официальном интернет-сайте организации, возможно установить, что франшиза COLIZEUM, обладает устойчивой бизнес моделью, которая позволяет адаптировать проект под различные рыночные условия. Высокий уровень прибыли отдельных клубов (до 6,5 млн руб. в месяц) и относительно короткие сроки окупаемости (от 15 месяцев) подтверждают экономическую эффективность модели. С точки зрения инвестиционной модели рассматриваемая франшиза компьютерных клубов демонстрирует существенные различия по уровню капиталовложений (от 4,5 млн руб. до 18 млн руб.) и срокам окупаемости (от 15 до 18 месяцев), что создаёт объективную основу для сравнительной оценки её привлекательности относительно иных франшиз. Масштабное географическое расположение сети (597 активных клубов в различных городах России, а также многочисленные компьютерные клубы, действующие более чем в 20 странах) свидетельствует о её конкурентоспособности и потенциале для дальнейшего роста на российском и международном рынках.

В качестве еще одного примера можно привести франшизу TRUE GAMERS, показатели которой уступают франшизе COLIZEUM, но при этом подтверждают актуальность и инвестиционные перспективы гейминговой сферы. Сеть компьютерных клубов TRUE GAMERS охватывает более 5 стран и включает более 160 открытых клубов. В рамках исследования рыночных предложений франшиз компьютерных клубов были выявлены следующие экономические показатели для данной сети: минимальный объём капитальных вложений составляет 9 млн руб., из которых паушальный взнос занимает от 400 тыс. руб. При прогнозируемом среднем ежемесячном обороте в 1 млн руб. период возврата инвестиций оценивается в 26 месяцев.

Полученные данные позволяют сопоставить инвестиционную привлекательность двух приведенных франшиз с учётом требуемых вложений, структуры платежей и сроков окупаемости.

Следует отметить, что ключевые показатели эффективности рассматриваемых франшиз являются отличным показателем для большинства сфер малого и среднего предпринимательства.

Авторы Сенаторов И.И. и Кусков А.Н. отмечают важность самой франчайзинговой концепции: «Отличительной чертой франшизы является не производимый товар или услуга, а качественный уровень созданной системы». Также исследователи подчеркивают, что уникальность данной формы реализации предпринимательской деятельности проявляется следующим образом: «Оценка результатов работы франчайзинга через оценку успеха его участников – это то, что отличает данную форму организации бизнеса от других бизнес-концепций» [6]. Таким образом, если учитывать ранее приведенные показатели реализации франшиз COLIZEUM и TRUE GAMERS, а также мнения исследователей в рамках вопроса преимуществ данного сегмента рынка, то становится возможным определить, что главным критерием оценки деятельности компьютерных клубов по франшизе является общая производительность франчайзинговой системы.

В сравнительном аспекте сегмент компьютерных клубов характеризуется повышенной стабильностью относительно ряда иных отраслей предпринимательской деятельности. Так, сферы общественного питания и розничной торговли одеждой в последние годы подверглись существенному внешнему воздействию, обусловленному введением санкционных ограничений. Это спровоцировало масштабные структурные изменения в данных сегментах и повлекло трансформацию их позиций в рейтингах франшиз. В отличие от указанных отраслей, направление компьютерных клубов продемонстрировало более устойчивую динамику, что позволяет рассматривать данную область как относительно надёжный объект для инвестиций.

Итак, рассмотрим перспективы и плюсы открытия компьютерного клуба по франшизе.

1. Компьютерные клубы демонстрируют высокую рентабельность благодаря стабильному спросу на игровые услуги. Начальные инвестиции окупаются в разумные сроки, что делает вид деятельности, по предоставлению компьютеров в аренду, привлекательной для инвесторов.

2. Благодаря растущему интересу к киберспорту средний срок окупаемости компьютерного клуба составляет от 15 до 26 месяцев, что значительно быстрее по сравнению со многими другими видами предпринимательской деятельности.

3. Франшиза предоставляет проверенную систему управления и стандарты работы, что снижает риски и ускоряет запуск, а также оказывает поддержку на всех этапах деятельности, что включает: обучение персонала, маркетинговую поддержку, помощь в подборе локации и организации работы. Франчайзер обеспечивает необходимыми ресурсами и технологиями, что минимизирует затраты на первоначальную настройку работы.

4. Компьютерные клубы, такие как COLIZEUM, активно развивают сотрудничество с ключевыми игроками индустрии. Например, COLIZEUM проводит COLIZEUM FEST – масштабное мероприятие, которое привлекает внимание к бренду, способствует развитию киберспортивного сообщества и позволяет установить полезные связи с партнёрами и потенциальными клиентами. Регулярные турниры по популярным играм (CS2, Dota 2 и др.) выполняют сразу несколько функций:

– монетизация: плата за участие, спонсорские взносы, продажа билетов на офлайн мероприятия, а также во время турниров растёт спрос на сопутствующие услуги – купля-продажа напитков, еды и т.д.;

– маркетинговая функция: анонсы и трансляции турниров в соцсетях и на стриминговых платформах привлекают новых игроков, а освещение мероприятий в локальных СМИ и игровых сообществах повышает узнаваемость бренда без значительных затрат на рекламу.

Приобретение франшизы известной сети позволяет минимизировать индивидуальные предпринимательские риски за счёт использования апробированной финансовой модели, сформированного рыночного имиджа и высокой узнаваемости бренда. Масштаб присутствия сети на рынке формирует эффект доверия со стороны потребителей: значительное количество действующих точек воспринимается потребителем как гарантия качества услуг и стабильности предпринимательской деятельности.

Проблемы и недостатки, связанные с инвестиционной деятельностью в сфере компьютерных клубов

Однако, так же, как и другие сферы инвестиций, сфера деятельности компьютерных клубов имеет ряд рисков.

Исследователи Ходыревская С.В. и Шеметов Д.Э. под рисками понимают: «…все внутренние и внешние факторы, которые могут негативно повлиять на достижение стратегических целей предприятия в течение точно определенного отрезка времени» [7].

В качестве основных рисков выделяют зависимость от франчайзера, которая проявляется в следующих аспектах:

1) ограничение самостоятельности в принятии решений по вопросам ассортимента услуг, ценовой политики, дизайна помещений, униформы персонала;

2) обязанность по выплате франчайзеру паушального взноса при вступлении в сеть и регулярных роялти (процент от оборота или фиксированную сумму), которые могут стать обременительными, особенно если предприниматель испытывает временные трудности или рентабельность снижается, кроме того, в некоторых случаях приобретатель франшизы также обязан участвовать в маркетинговых акциях сети и оплачивать их;

3) договор франчайзинга обычно заключается на ограниченный срок. Франчайзер может отказаться продлевать сотрудничество, к примеру, из-за качества работы, что создаёт неопределённость в долгосрочном планировании и может привести к утрате предприятия;

4) если компания, владеющая брендом, уходит с рынка и оставляет местные точки без поддержки то, это может привести к закрытию сети. Например, деятельность франшизы Subway в России. После ухода американской компании в 2023 году российская сеть разделилась на три части. Франчайзи не смогли договориться с правопреемником, и часть точек переименовали в Subjoy, SBW и Subtime.

Также отдельно выделяют юридические риски: отсутствие у франчайзера зарегистрированных прав на интеллектуальную собственность, досрочное расторжение договора, что часто сопряжено с большими штрафными санкциями или в целом заключение договора на невыгодных условиях (в договоре могут быть прописаны условия об увеличении роялти при росте оборотов).

Общим источником потенциальных проблем при реализации любого вида предпринимательской деятельности является конкуренция. В данном случае, если франчайзер «продаёт» слишком много франшиз в одном городе или не разграничивает территории действия партнёров, то компьютерные клубы одной сети могут начать конкурировать друг с другом за клиентов. Поэтому перед размещением компьютерного клуба стоит уточнить географию франшизы и конкурентов на интересующей территории.

Еще одной общей проблемой в исследуемой сфере, которая охватывает все виды предпринимательской деятельности выступает недостаточная проработанность нормативно-правовой базы, регулирующей функционирование франчайзинговых моделей. Данная проблема не редко исследуется в научных работах, и многие авторы отмечают необходимость разработки и принятия специального закона «О франчайзинге». К примеру, Субач Д.А. и Авруцкая С.Г. в своем исследовании указывают, что «без закона бизнес-модель франшизы не будет работать в полную силу» [8]. Однако анализ современного состояния франчайзинговых моделей позволяет констатировать их функциональную эффективность как инструмента организации предпринимательской деятельности.

Ранее в работе была проведена систематизация нормативно-правовых актов являющихся источниками норм права в сфере компьютерных клубов, в том числе по средствам использования франшизы. Принятие нового закона усложнит настоящую систему правового регулирования. При этом объём правовых положений, подлежащих учёту при реализации франчайзинговой модели, объективно не может быть исчерпывающе закреплён в рамках одного закона: значительная часть требований содержится в специализированных подзаконных актах, в том числе в санитарных правилах и нормах (СанПиН), строительных нормах и правилах (СНиП) и иных технических регламентах. Совокупность этих документов формирует обширный массив нормативных положений, обращение к которым является обязательным при организации деятельности франшиз – в частности, при обустройстве помещений компьютерных клубов, обеспечении санитарно-гигиенических и противопожарных требований, а также соблюдении градостроительных и эксплуатационных стандартов.

Такое многоуровневое регулирование трудно будет заменить единым законом: попытка объединения норм может привести к чрезмерной детализации акта, который будет также неудобен в использовании, либо к потере необходимой гибкости регулирования.

Подводя итог, становится возможным отметить, что в настоящее время действующая нормативно правовая база в сфере франчайзинга является достаточной с точки зрения охвата ключевых аспектов регулирования. Вместе с тем значительный объём и многоуровневый характер нормативных актов объективно затрудняют их практическое применение субъектами малого и среднего бизнеса.

В целях повышения правовой определённости и снижения барьеров для предпринимателей целесообразно оптимизировать регулярные обзоры правоприменительной практики и официальные разъяснения по наиболее спорным и сложным вопросам. Такие материалы позволили бы эффективнее ориентироваться в настоящих положениях и заблаговременно учитывать обязательные требования при планировании и реализации предпринимательской деятельности. Данные акты целесообразно дифференцировать по различным отраслям (в том числе применительно к деятельности компьютерных клубов). Подготовку таких материалов могли бы осуществлять представители научного и законодательного сообщества, а также опытные практики – признанные эксперты и лидеры отрасли, обладающие опытом реализации франшиз.

Заключение

По результату проведенного исследования можно отметить следующие выводы.

Нормативно-правовое регулирование деятельности компьютерных клубов формируется из нормативных актов как федерального, так и регионального уровня и содержит множество требований и чётких критериев осуществления деятельности, что существенно усложняет процесс открытия таких заведений.

В этих условиях важную роль играет институт франшиз: он помогает преодолеть ряд административных и организационных барьеров за счёт использования готовой «бизнес модели», поддержки франчайзера и упрощённого выхода на рынок. Вместе с тем франчайзинговая модель сопряжена с определёнными рисками – финансовой нагрузкой из-за паушального взноса и роялти, ограничениями самостоятельности ведения деятельности, зависимостью от репутации сети и потенциальными юридическими проблемами.

При этом принятие отдельного специализированного закона не представляется необходимым – эффективнее сосредоточиться на подготовке регулярных обзоров правоприменительной практики, которые помогут предпринимателям грамотно ориентироваться в действующем регулировании и применять нормы на практике.

Несмотря на указанные сложности и риски, авторы считают вложение средств в деятельность компьютерных клубов перспективным направлением для инвестиций благодаря устойчивому спросу на подобные услуги, возможности масштабирования организаций, предоставляющих услуги аренды игровых компьютеров, и потенциалу получения стабильного дохода при грамотном управлении данного рода коммерческой деятельностью.

Список литературы

1. *Марченко, М.Ю.* Договор коммерческой концессии: понятие и правовые основы / М.Ю. Марченко // Вестник магистратуры. – 2014. – №4-3 (31) [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-kommercheskoy-kontsessii-ponyatie-i-pravovye-osnovy (дата обращения: 09.06.2026).

2. *Дюмина, В.Э.* Договор коммерческой концессии и другие соглашения в сфере интеллектуальной собственности / В.Э. Дюмина; Санкт Петербургский государственный университет. – Санкт Петербург: СПбГУ, [б. г.].

3. *Гудим, Е.Р.* Коммерческая концессия, франчайзинг, франшиза: соотношение понятий / Е.Р. Гудим // Современные инновации. – 2017. – №7 (21) [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommercheskaya-kontsessiya-franchayzing-franshiza-sootnoshenie-ponyatiy (дата обращения: 09.06.2026).

4. *Брагинский, М.И.* Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Кн. 3 / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – Москва: Статут, 2005. – С. 977.

5. *Парфёнов, К.Б.* Сравнительно-правовой анализ договора коммерческой концессии и франчайзинга / К.Б. Парфёнов // Аграрное и земельное право. – 2024. – №3 (231) [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-dogovora-kommercheskoy-kontsessii-i-franchayzinga (дата обращения: 09.06.2026).
6. *Сенаторов, И.И.* Преимущества и недостатки франчайзинга как формы бизнеса / И.И. Сенаторов, А.Н. Кусков // Научные междисциплинарные исследования. – 2020. – №2-1 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-i-nedostatki-franchayzinga-kak-formy-biznesa (дата обращения: 29.05.2026).
7. *Ходыревская, С.В.* Управление рисками при открытии компьютерного клуба / С.В. Ходыревская, Д.Э. Шеметов // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2023. – №8 (74) [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-riskami-pri-otkrytii-kompyuternogo-kluba (дата обращения: 29.05.2026).
8. *Субач, Д.А.* Франчайзинг как инструмент развития бизнеса производственных компаний / Д.А. Субач, С.Г. Авруцкая // Успехи в химии и химической технологии. – 2020. – №10 (233) [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/franchayzing-kak-instrument-razvitiya-biznesa-proizvodstvennyh-kompaniy (дата обращения: 29.05.2026).

References

1. *Marchenko M.Yu.* Commercial Concession Agreement: Concept and Legal Basis / M.Yu. Marchenko // Bulletin of the magistracy. – 2014. – No. 4-3 (31) [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-kommercheskoy-kontsessii-ponyatie-i-pravovye-osnovy (access date: 06/09/2026).
2. *Dyumina, V.E.* Commercial concession agreement and other agreements in the field of intellectual property / V.E. Dyumina; St. Petersburg State University. – St. Petersburg: St. Petersburg State University, [b. G.].
3. *Gudim, E.R.* Commercial concession, franchising, franchising: the relationship of concepts / E.R. Gudim // Modern innovations. – 2017. – No. 7 (21) [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommercheskaya-kontsessiya-franchayzing-franshiza-sootnoshenie-ponyatiy (access date: 06/09/2026).
4. *Braginsky, M.I.* Contract law. Contracts for the performance of work and provision of services. Book three / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. – Moscow: Statute, 2005. – P. 977.
5. *Parfenov, K.B.* Comparative Legal Analysis of the Commercial Concession Agreement and the Franchise Agreement / K.B. Parfenov // Agrarian and land law. – 2024. – No. 3 (231) [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-dogovora-kommercheskoy-kontsessii-i-franchayzinga (date of access: 06/09/2026).
6. *Senatorov, I.I.* Advantages and disadvantages of franchising as a form of business / I.I. Senatorov, A.N. Kuskov // Scientific interdisciplinary research. – 2020. – No. 2-1 [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-i-nedostatki-franchayzinga-kak-formy-biznesa (date of access: 05.29.2026).
7. *Khodyrevskaya, S.V.* Risk Management When Opening a Computer Club / S.V. Khodyrevskaya, D.E. Shemetov // Innovative economics: prospects for development and improvement. – 2023. – No. 8 (74) [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-riskami-pri-otkrytii-kompyuternogo-kluba (date of access: 05.29.2026).
8. *Subach, D.A.* Franchising as a Business Development Tool for Manufacturing Companies / D.A. Subach, S.G. Avrutskaya // Advances in chemistry and chemical technology. – 2020. – No. 10 (233) [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/franchayzing-kak-instrument-razvitiya-biznesa-proizvodstvennyh-kompaniy (date of access: 05.29.2026).

Статья поступила в редакцию: 24.06.2026
Статья принята к публикации: 26.08.2026

Received: 24.06.2026
Accepted: 26.08.2026

УДК: 347.1 DOI 10.21777/2587-9472-2026-3-60-65

О СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ СООБЩЕСТВАХ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

Политкин Илья Александрович[1],
e-mail: ilya.politkin@yandex.ru
[1]*Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия*

Статья посвящена исследованию семьи как правового феномена в контексте гражданско-правовых сообществ в российском законодательстве. Предметом анализа является правовая природа семьи, её соотношение с категорией гражданско-правового сообщества и специфика её регулирования в межотраслевом поле. Автор ставит проблему отсутствия единого легального определения семьи, что приводит к противоречиям в правоприменении и доктринальным спорам. Методология включает формально-юридический анализ норм гражданского и семейного права, а также критический обзор научных позиций. В результате исследования установлено, что семья, обладая межотраслевым характером, может быть признана особым видом гражданско-правового сообщества – семейно-правовым сообществом. Наиболее значимым выводом является утверждение, что постоянным ядром такого сообщества выступают супруги, состоящие в браке и обладающие общим имуществом, независимо от режима собственности. Практическая значимость работы заключается в предложении использовать концепт «семейно-правовое сообщество» для более точного отражения семьи как субъекта, интегрированного в систему частного права.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: семья, гражданско-правовое сообщество, семейно-правовое сообщество, собственность супругов, общая совместная собственность, семейное право, частное право

ON FAMILY LAW COMMUNITIES IN RUSSIAN CIVIL LAW

Politkin I.A.[1],
e-mail: ilya.politkin@yandex.ru
[1]*The Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia*

The article is devoted to the study of the family as a legal phenomenon in the context of civil law communities in Russian legislation. The subject of analysis is the legal nature of the family, its relationship with the category of civil law community, and the specifics of its regulation in the interdisciplinary field. The author raises the issue of the lack of a unified legal definition of the family, which leads to contradictions in law enforcement and doctrinal disputes. The methodology includes a formal legal analysis of civil and family law norms, as well as a critical review of scientific positions. The study found that the family, being interdisciplinary in nature, can be recognized as a special type of civil law community – a family law community. The most significant conclusion is that the permanent core of such a community consists of spouses who own common property, regardless of the property regime. The practical significance of this work lies in the proposal to use the concept of "family law community" to more accurately reflect the family as an entity integrated into the private law system.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: family, civil law community, family law community, spousal property, joint property, family law, private law

Введение

Понятие «семья» является междисциплинарным, так как используется во многих науках, среди которых экономика, психология, педагогика, социология, юриспруденция и другие. С точки зрения, например, социологии семья представляет собой определенную социальную общность, социальную группу [1, с. 233–235].

Семья, в первую очередь, это социальное явление, но она также является правовым феноменом [2, с. 73–77], поэтому понятие «семья» часто используется в семейном, гражданском, наследственном и некоторых других отраслях права. Тем не менее, несмотря на межотраслевой характер понятия, оно не раскрывается даже в одноименной отрасли – семейном праве.

Определенная трактовка понятия «семья» содержится в ст. 1 Федерального закона от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в РФ». Здесь семьей законодатель называет лиц, которые связаны родством и (или) свойством, совместно проживают и ведут совместное общее хозяйство. Как справедливо замечают представители научной доктрины, указанная интерпретация не носит общеотраслевой характер, что порождает проблемы в правоприменении[1] и доктринальные дискуссии [3, с. 128].

Семья как сообщество: анализ признаков и состава

Тем не менее, семья однозначно является группой лиц, и поэтому в отношении семьи применимо такое понятие как «гражданско-правовое сообщество» [4, с. 27]. Известно, что гражданско-правовое сообщество является объединением нескольких лиц с общим правовым статусом и общими правовыми интересами. Сообщество также является квазисубъектным образованием, которое действует в рамках гражданского права [5]. Как уже было указано, семья – межотраслевое понятие, поэтому члены семьи могут вступать в отношения, регулируемые не только нормами гражданского или семейного права, но также в те, которые носят характер предпринимательских, корпоративных, трудовых и иных связей [6, с. 273, 280; 7, с. 318]. Но как семья, будучи межотраслевым понятием, может соотноситься с гражданско-правовым сообществом, которое действует исключительно в рамках гражданско-правовой действительности?

С точки зрения Д.А. Коковой, семья является частноправовым, а точнее семейно-правовым сообществом, в котором все члены объединены общими интересами. Также исследователи семьи приписывают ей ряд характерных признаков: имущественная обособленность (право совместной собственности и общность обязательств супругов, в случае их направленности на нужды семьи); общая фамилия (средство индивидуализации); необходимость решения вопросов семьи, предполагающее согласование воли ее членов, в том числе для управления общим имуществом; регистрация брака, если основу семьи составляют супруги [8, с. 12].

Действительно, семье как семейно-правовому сообществу принадлежат указанные признаки. Семью также можно называть частноправовым сообществом, так как семейное право относится к ряду частных отраслей права. Однако назвать семью гражданско-правовым сообществом в чистом виде не представляется возможным, так как некоторые из этих признаков имеют значение для определения понятия «семья» только в рамках семейного права. Например, наличие общей фамилии не играет роли в связи между участниками гражданско-правового сообщества. Тем более что в некоторых случаях наличие общей фамилии у членов семьи также не является обязательным признаком [3, с. 138].

Конечно, вопросы имущественного характера относятся к сфере гражданского права, точно так же, как и заключение брака является юридическим фактом, который порождает гражданско-правовые последствия. Однако все это вновь говорит о межотраслевом характере понятия «семья».

Как известно, членами семьи могут быть супруги, родители и дети (в том числе усыновители и усыновленные), совместно проживающие родственники и другие лица. Соответственно, создание

[1] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 года № 135-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Костромской областной Думы о толковании понятия «семья», содержащегося в статье 38 (часть 1) Конституции РФ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=15213#povipWVIvuoM64851 (дата обращения: 22.02.2025).

семьи возможно не только посредством заключения брака, но и, например, в результате рождения у человека/людей ребенка.

При этом если один или несколько человек выходят из семьи, это не ведет к прекращению существования семьи как объединения, по мнению В.В. Долинской. Условия прекращения статуса члена семьи у определенных ее представителей зависят от состава семьи. Многие действия и события влекут за собой прекращение членства в семье для конкретного лица, но не прекращение семьи как таковой (например, переезд совершеннолетнего ребенка на новое место жительства отдельно от родителей может повлечь выделение его как самостоятельного домохозяйства, что создаст основу для создания новой семьи и изменит состав первоначальной семьи с позиций жилищного права, однако не прекратит семейные связи для целей алиментных, наследственных и некоторых других правовых отношений) [3, с. 138].

В результате критерий отнесения тех или иных лиц к кругу семьи зависит от целей правового регулирования. Для прикладных нужд могут учитываться супруги (общая собственность), супруги и несовершеннолетние дети (возмещение вреда и пособия по случаю потери кормильца), супруги, их несовершеннолетние дети и родители или только совместно проживающие (жилищные правоотношения) и т.д. [3, с. 138].

Супруги как ядро гражданско-правового сообщества

Исходя из такого подхода, для признания семьи гражданско-правовым сообществом будет иметь значение имущественная составляющая, а конкретно общая собственность супругов. Именно супругов как сособственников многие ученые рассматривают в качестве гражданско-правового сообщества и даже иногда приписывают им статус квазисубъектного образования в силу причисления их к гражданско-правовым сообществам [9, с. 119]. Конечно, могут возникать разные ситуации, например, родители могут выделить детям долю в квартире, которая находится в общей собственности. Подобное может происходить в различных комбинациях (бабушка и дедушка выделили долю в своей квартире своей внучке и т.д.). При таких обстоятельствах и другие члены семьи становятся участниками гражданско-правового сообщества, однако подобные ситуации скорее являются частными случаями, чем постоянным явлением.

Таким образом, семью (в лице супругов на постоянной основе) следует считать разновидностью гражданско-правового сообщества сособственников.

Профессор В.К. Андреев считает, что возникновение гражданско-правового сообщества супругов происходит в результате заключения брачного договора. Данная точка зрения видится не совсем корректной, так как брачный договор по своей сути лишь способствует наилучшему осуществлению прав на общее имущество, на что указывает сам автор [4, с. 27], но не позволяет группе лиц приобрести статус семьи. Последний между будущими супругами достигается в результате заключения брака. Как известно, все имущество, приобретенное супругами во время брака, становится по общему правилу их общей совместной собственностью. В таком случае супруги становятся сособственниками и, в силу положений ст. 181.1 ГК РФ, только при таких обстоятельствах могут быть признаны гражданско-правовым сообществом.

Также В.К. Андреев указывает, что только при наличии долевой собственности на общее имущество семья может считаться гражданско-правовым сообществом [4, с. 27]. Каких-либо доказательств своей точки зрения автор не привел. Следует предположить, что и при наличии совместной собственности у супругов они могут считаться гражданско-правовым сообществом. Положения гл. 9.1 ГК РФ не содержат указания на то, что только долевые сособственники могут являться сообществом. Кроме того, совместная собственность также предполагает необходимость определения ее судьбы, поэтому сособственники все равно должны принимать общие решения в отношении общей совместной собственности при наличии необходимости. В результате представляется, что супруги, обладающие совместной собственностью, также могут считаться гражданско-правовым сообществом.

Профессор В.К. Андреев также предлагает включать в гражданско-правовое сообщество супругов и детей, совместно проживающих с родителями, которые могут владеть и пользоваться имуществом

друг друга по взаимному согласию (ч. 4 ст. 60 СК РФ) [4, с. 27]. Представляется, что отнесение детей к данному гражданско-правовому сообществу невозможно, так как в указанной правовой норме законодатель отмечает, что ребенок не имеет права собственности на имущество родителей, то есть не является сособственником и, соответственно, не может быть членом данного гражданско-правового сообщества.

В результате только супруги, подпадая под категорию «семья», могут быть признаны гражданско-правовым сообществом, при этом режим общей собственности не имеет в данном случае никакого значения.

Как отмечает Ю.С. Харитонова, российскому обществу не свойственно делать акцент на имущественной составляющей, когда речь идет о семейных союзах в противовес морали и нравственности [9, с. 120]. И действительно, в силу начал семейного законодательства, семья должна создаваться на чувствах взаимной любви и уважения (ч. 1 ст. 1 СК РФ), а не в целях решения имущественных вопросов. Желание двух лиц вступить в брак основывается на убеждениях, которые выходят за рамки правового воздействия. Тем не менее, факт создания семьи порождает для супругов имущественные связи, так как семья, как уже было указано, является и правовым феноменом, поэтому уйти от вмешательства права не представляется возможным.

В.В. Кулаков указывает, что при участии супругов в отношениях, объектом которых выступает их общее имущество, возникает взаимосвязанная «цепочка» семейных и гражданских правоотношений [2, с. 71]. Следует согласиться с представленным тезисом, но с некоторыми оговорками. Семейные отношения действительно имеют место быть в данном случае, ведь семья как объединение имеет определенную специфику в силу присутствия личного, доверительного характера взаимодействия. Однако для имущественного оборота важен лишь факт наличия у группы лиц совместной собственности, поэтому в целях признания семьи гражданско-правовым сообществом следует учитывать именно гражданско-правовые связи супругов. И все же другие правовые связи семьи как гражданско-правового сообщества (например, жилищные, предпринимательские, семейные и иные) «обволакивают» данное объединение, дополнительно укрепляя его оболочку.

Семья как «семейно-правовое сообщество»

И все же семья – это особая разновидность гражданско-правового сообщества. В ГК РФ понятие «гражданско-правовое сообщество» является базовым по отношению к остальным, но сама категория «гражданско-правовое сообщество» неоднородна, потому как у каждого объединения, которое в силу наличия определенных признаков признается сообществом, есть своя специфика. Для регулирования деятельности таких объединений законодатель принимает специальные законы, которые учитывают их специфику. Семья как разновидность гражданско-правового сообщества также имеет специальный закон – Семейный кодекс РФ.

Несмотря на то, что семья, в первую очередь, является категорией семейного права, а гражданско-правовое сообщество осуществляет свою деятельность в рамках гражданско-правовой действительности, признание семьи гражданско-правовым сообществом не будет являться ошибкой, ведь семейное право принципиально тяготеет к гражданскому праву, является его подотраслью, так как занимается решением вопросов частного порядка.

В связи с этим логичным видится использование по отношению к семье понятия «семейно-правовое сообщество», о котором уже было упомянуто выше. Представляется, что данное понятие наиболее точно отражает специфику семьи как сообщества, так как указывает на связь семьи с семейным правом, и в то же время отмечает его принадлежность к гражданско-правовым сообществам.

Заключение

Подводя итог, следует сделать вывод, что семья как гражданско-правовое сообщество перманентно может быть представлена супругами, которые состоят в официальном браке и имеют общее право собственности на имущество вне зависимости от его режима. С точки зрения частных отраслей права,

в зависимости от целей правового регулирования, в составе семьи могут иметь принципиальное значение разные лица, состоящие в родстве. Семья как особая разновидность гражданско-правового сообщества наиболее точно может быть характеризована с использованием понятия «семейно-правовое сообщество», так как оно отражает связь семьи с семейным правом, и в то же время указывает на ее принадлежность к разряду гражданско-правовых сообществ.

Список литературы

1. *Давлеткалиева, Д.Х.* Семья как ячейка общества и ее роль в жизни человека / Д.Х. Давлеткалиева // Инновационная наука. – 2019. – № 5. – С. 233–235.
2. *Кулаков, В.В.* Семейное, гражданское, предпринимательское право: межотраслевые связи // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. – Москва: Проспект, 2019. – С. 68–77.
3. *Долинская, В.В.* Семья в системе субъектов экономической деятельности // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. – Москва: Проспект, 2020. – С. 128–146.
4. *Андреев, В.К.* Правовое регулирование семейного бизнеса: теоретические вопросы // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. – Москва: Проспект, 2020. – С. 23–33.
5. *Чеговадзе, Л.А.* О кворуме общих собраний в садоводческом некоммерческом товариществе / Чеговадзе Л.А. // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 3. – С. 69–72.
6. *Левушкин, А.Н.* Методологический подход к исследованию семейного предпринимательства и методов его правового регулирования / А.Н. Левушкин // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2019. – № 1. – С. 50–54.
7. *Лескова, Ю.Г.* Семейный бизнес: к вопросу о межотраслевых связях в предпринимательских и корпоративных отношениях с участием супругов // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. – Москва: Проспект, 2020. – С. 317–325.
8. *Кокова, Д.А.* Содержание семейных правоотношений: дис. … канд. юрид. наук: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» / Д.А. Кокова; Рос. гос. ун-т правосудия. – Москва, 2017. – 215 с.
9. *Харитонова, Ю.С.* Бизнес и имущество семьи // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. – Москва: Проспект, 2020. – С. 116–126.

References

1. *Davletkalieva, D.Kh.* Family as a unit of society and its role in human life / D.Kh. Davletkalieva // Innovative science. – 2019. – № 5. – P. 233–235.
2. *Kulakov, V.V.* Family, civil, business law: intersectoral relations // Legal fate of business upon divorce and inheritance: monograph / rest. ed. I.V. Ershova, A.N. Levushkin. – Moscow: Prospect, 2019. – P. 68–77.
3. *Dolinskaya, V.V.* Family in the system of economic entities//Family business in the legal space of Russia: monograph / ed. ed. I.V. Ershova, A.N. Levushkin. – Moscow: Prospect, 2020. – P. 128–146.
4. *Andreev, V.K.* Legal regulation of family business: theoretical issues // Family business in the legal space of Russia: monograph / ed. ed. I.V. Ershova, A.N. Levushkin. – Moscow: Prospect, 2020. – P. 23–33.
5. *Chegovadze, L.A.* On the quorum of general meetings in a horticultural non-profit partnership / L.A. Chegovadze // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2022. – № 3. – P. 69–72.
6. *Levushkin, A.N.* Methodological approach to the study of family entrepreneurship and methods of its legal regulation / A.N. Levushkin // Methodological problems of civil studies. – 2019. – № 1. – P. 50–54.
7. *Leskova, Yu.G.* Family business: on the issue of intersectoral relations in entrepreneurial and corporate relations with the participation of spouses // Family business in the legal space of Russia: monograph / resp. ed. I.V. Ershova, A.N. Levushkin. – Moscow: Prospect, 2020. – P. 317–325.
8. *Kokova, D.A.* Content of family legal relations: dis. ... cand. jurid. Sciences: 12.00.03 “Civil law; business law; family law; private international law” / D.A. Kokova; Russian State University of Justice. – Moscow, 2017. – 215 p.

9. *Kharitonova, Yu.S.* Business and family property//Family business in the legal space of Russia: monograph / ed. ed. I.V. Ershova, A.N. Levushkin. – Moscow: Prospect, 2020. – P. 116–126.

Статья поступила в редакцию: 05.09.2025
Статья принята к публикации: 22.04.2026

Received: 05.09.2025
Accepted: 22.04.2026

УДК 347 DOI 10.21777/2587-9472-2026-3-66-72

ЭЛЕМЕНТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Джакипов Улан Дженишович[1],
e-mail: ulan.dzhakyp@bk.ru
[1]Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия

В статье исследуются составляющие гражданско-правового статуса сотрудников органов внутренних дел (ОВД). Определяется понятие гражданско-правового статуса сотрудника ОВД, а также раскрываются его элементы. Проведен анализ действующих нормативных ограничений гражданских прав сотрудников органов внутренних дел, а также проблем гражданско-правовой ответственности ОВД и их сотрудников. На основе анализа современного законодательства и судебной практики (в том числе практики Верховного Суда РФ) за последние годы выявлены актуальные проблемы реализации гражданско-правового статуса сотрудников органов внутренних дел, предложены пути решения этих проблем и меры по совершенствованию законодательства в сфере гражданско-правового статуса сотрудников ОВД. Гражданско-правовой статус сотрудников органов внутренних дел представляет собой совокупность прав, гарантий и ограничений соответствующих прав, обязанностей, а также гражданско-правовой ответственности государства и самих сотрудников за причинение вреда указанных выше субъектов как участников гражданского оборота.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: гражданско-правовой статус, орган внутренних дел, сотрудник полиции, правоспособность, гражданско-правовая ответственность, возмещение вреда, ограничения прав

ELEMENTS OF THE CIVIL-LAW STATUS OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS

Dzhakipov U.D.[1],
e-mail: ulan.dzhakyp@bk.ru
[1]The Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

The article examines the components of the civil-law status of internal affairs officers (IAO). The concept of the civil-law status of an IAO is defined, and its elements are revealed. An analysis is conducted of the current regulatory restrictions on the civil rights of internal affairs officers, as well as the problems of civil-law liability of DIAs and their employees. Based on an analysis of modern legislation and judicial practice (including the practice of the Supreme Court of the Russian Federation) over recent years, current problems in the implementation of the civil-law status of internal affairs officers have been identified; ways to solve these problems and measures to improve legislation in the field of the civil-law status of IAOs have been proposed. The civil-law status of internal affairs officers is a set of rights, guarantees, and restrictions on those rights, as well as obligations, and also the civil liability of the state and the officers themselves for causing harm to the aforementioned entities as participants in civil transactions.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: civil-law status, internal affairs agency, police officer, legal capacity, civil liability, compensation for harm, restrictions on rights

Правовой статус сотрудников органов внутренних дел (ОВД) представляет собой комплекс прав, свобод, обязанностей и ограничений, определяющих положение сотрудника полиции как осо-

бого субъекта права. Среди элементов этого статуса выделяется **гражданско-правовой статус**, актуальность исследования которого обусловлена особой ролью сотрудников ОВД в обществе: они наделены властными полномочиями для обеспечения правопорядка, но одновременно остаются полноправными гражданами, чьи права должны уважаться и защищаться.

В последнее десятилетие законодатель относит вопрос правового статуса сотрудников ОВД к числу приоритетных, о чем свидетельствует текущий этап реформирования законодательства о полиции. Тем не менее, несмотря на активную нормотворческую деятельность (включая принятие Приоритетных направлений правового регулирования деятельности МВД России на 2022–2026 гг., приказов МВД России от 13.11.2020 № 767 «Об утверждении Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел РФ на период до 2030 года», от 19.09.2022 № 690дсп «Об утверждении Концепции обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел РФ до 2030 года»), в регулировании гражданско-правового положения сотрудников полиции сохраняются проблемные аспекты.

Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе современных проблем, возникающих в связи с реализацией гражданско-правового статуса сотрудника ОВД, с учетом изменений законодательства и судебной практики последних лет. В статье внимание фокусируется на основных элементах гражданско-правового статуса сотрудника ОВД – правах, гарантиях и ограничениях соответствующих прав, обязанностях, а также на гражданско-правовой ответственности государства и самих сотрудников за причинение вреда.

Проблематика исследования заключается в противоречии между конституционным принципом равенства всех перед законом (в том числе сотрудников ОВД как граждан) и необходимостью установления для них особых ограничений и дополнительных гарантий, продиктованных служебными задачами. С одной стороны, сотрудники ОВД обладают тем же объемом гражданских прав и свобод, что и другие граждане; с другой – федеральное законодательство устанавливает для них ряд ограничений, призванных предотвратить конфликт интересов и обеспечить надлежащее исполнение ими должностных обязанностей. Кроме того, деятельность сотрудников ОВД связана с повышенным риском нарушения прав других лиц, что ставит вопрос об эффективности механизмов гражданско-правовой ответственности государства за вред, причиненный незаконными действиями полиции. В практике последних лет остро проявились проблемы возмещения вреда пострадавшим от неправомерных действий сотрудников полиции, оценки морального вреда, а также обеспечения правовой защищенности самих сотрудников ОВД при исполнении обязанностей. Эти проблемы требуют научного осмысления и совершенствования законодательства.

Правовой статус личности традиционно определяется как совокупность прав, свобод и обязанностей, закрепленных за субъектом в законодательстве [1, с. 101].

Н.И. Матузов и А.В. Малько включают в структуру правового статуса следующие элементы: «а) правовые нормы, определяющие данный статус; б) правосубъектность; в) основные права и обязанности; г) законные интересы; д) гражданство; е) юридическую ответственность; ж) правовые принципы; з) правоотношения общего (статусного) типа» [2, с. 185]. По мнению В.С. Нерсесянца, правовое положение личности включает такие элементы как права, свободы и обязанности гражданина [3, с. 334]. Относительно правосубъектности среди ученных существуют разные точки зрения: например В.В. Заборовский рассматривает её как предпосылку правового статуса [4, с. 34], тогда как другие включают правосубъектность в его структуру как самостоятельный элемент (Р.О. Халфина [5, с. 123]; А.Ю. Верин [6, с. 115]).

Гражданско-правовой статус представляет собой компонент общего правового статуса, относящийся к сфере гражданского права. Сотрудник полиции, будучи гражданином, обладает гражданской правосубъектностью – гражданской правоспособностью (способностью иметь гражданские права и нести обязанности) и гражданской дееспособностью (способностью своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права). Сотрудники ОВД, приравниваясь в гражданско-правовом статусе к обычным гражданам, вступая на службу в полицию, не утрачивают принадлежащие им гражданские права – право собственности, право заключать сделки, наследовать, выступать истцом и ответчиком в суде и т.д. – за исключением тех случаев, когда законом установлены специальные ограничения.

Конституция РФ провозглашает права и свободы человека высшей ценностью (ст. 2) и гарантирует их равенство (ст. 19) и защиту государством. В то же время, Основной закон допускает возможность ограничения прав федеральным законом в строго определенных целях (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Для сотрудников ОВД федеральными законами предусмотрен особый режим реализации отдельных гражданских прав, обусловленный спецификой их службы. Прежде всего, согласно Федеральному закону от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ о полиции), сотрудником полиции может быть только гражданин РФ, занимающий должность федеральной государственной службы в ОВД и имеющий специальное звание (ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел РФ», далее – ФЗ о службе в ОВД).

Законодатель устанавливает для сотрудников ОВД ограничения на отдельные виды деятельности, которые обычные граждане вправе осуществлять свободно. В частности, сотрудники ОВД не имеют права заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц; запрещается также их участие в управлении коммерческой организацией (например, они не могут входить в состав органов управления акционерных обществ, руководить бизнес-проектами). Эти ограничения призваны предотвратить ситуацию, когда должностные лица используют свой служебный статус в личных коммерческих интересах, а также позволяют обеспечить беспристрастность полиции. Из общего правила есть исключение: сотрудникам разрешено заниматься научной, преподавательской и иной творческой деятельностью, если это не мешает основной службе (такое послабление традиционно предусмотрено для государственных служащих).

Отдельно следует отметить ограничения имущественных прав. Хотя сотрудник ОВД, как и любой гражданин, может иметь в собственности имущество, закон устанавливает дополнительные антикоррупционные меры, связанные с предоставлением сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах и имуществе своей семьи (супруга и несовершеннолетних детей) в порядке финансового контроля, что проистекает из ст. 8-9 ФЗ о службе в ОВД, а также положений Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Сотрудник ОВД сохраняет общий объём гражданских прав и дееспособности, но реализация его имущественных прав находится под специальным антикоррупционным контролем, с обязанностью раскрывать информацию и с риском публично-правовых санкций (включая обращение спорного имущества в доход государства и увольнение за утрату доверия). Указанное дополнительно актуализирует переплетение частноправового и публично-правового начал в гражданском статусе сотрудника ОВД.

Кроме того, сотруднику ОВД запрещено принимать вознаграждения и подарки, связанные со служебным положением, за исключением символических подарков согласно протоколу либо случаев, предусмотренных законом (с последующей передачей подарка государству). Также сотрудникам ОВД запрещается открывать счета (вклады) в иностранных банках и хранить наличные денежные средства и ценности за рубежом. Эти ограничения, будучи элементами антикоррупционного законодательства, по своей природе являются ограничениями имущественных прав, направленными на предотвращение незаконного обогащения должностных лиц.

Таким образом, **гражданско-правовой статус сотрудников ОВД** характеризуется, с одной стороны, признанием за ними всего комплекса гражданских прав обычного гражданина, а с другой – наличием законодательно закрепленных ограничений ряда правомочий. Таковые первично обусловлены особым публично-правовым назначением службы в ОВД и необходимостью поддержания законности и порядка в деятельности обозначенных государственно-властных структур. Следует подчеркнуть, что ограничения прав сотрудников ОВД устанавливаются федеральными законами (как того требует ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) и направлены на защиту конституционно значимых ценностей – интересов государственной службы, общественной безопасности, прав других лиц.

Важным элементом статуса сотрудника ОВД является его ответственность за противоправные действия. Поскольку сотрудники полиции наделены властными полномочиями, их незаконные действия могут причинять значительный вред правам и интересам граждан [7, с. 53]. Гражданско-правовая (деликтная) ответственность в таких случаях наступает по специальным правилам, установленным Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ). Общая норма ст. 1064 ГК РФ устанавливает обязанность причинителя возместить вред, причиненный личности или имуществу гражданина, в полном объеме.

Однако применительно к вреду, причиненному представителем власти при исполнении служебных обязанностей, действуют особые правила ст. 1069 ГК РФ, согласно которой вред, причиненный гражданину в результате незаконных действий (бездействия) органов внутренних дел или их должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей, подлежит возмещению за счет казны РФ либо соответствующего публично-правового образования. Иными словами, если полицейский незаконно причинил вред гражданину (например, применил чрезмерную силу, неправомерно изъял имущество, задержал без оснований и т.д.), ответственность перед потерпевшим несет государство в целом, а не лично данный сотрудник [8, с. 124].

В ст. 1070 ГК РФ дифференцировано случаи вреда, причиненного правоохранительными органами. Так, п. 1 ст. 1070 ГК РФ устанавливает ответственность государства независимо от вины должностных лиц за очевидно неправомерные действия органов дознания, следствия, прокуратуры и суда: незаконное привлечение к уголовной ответственности, незаконное применение меры пресечения, незаконный административный арест и некоторые другие случаи. Для возложения ответственности по этим основаниям достаточно установить факт вреда и незаконность действий – виновность причинителя (конкретного сотрудника) значения не имеет [9, с. 182]. В иных случаях вред, причиненный гражданину действиями сотрудников полиции, компенсируется казной при наличии вины причинителя (то есть при установлении противоправности и вины конкретного сотрудника). Таким образом, российское законодательство сочетает элементы безвиновной ответственности государства за наиболее грубые нарушения прав граждан со стороны правоохранительных органов и виновной ответственности – во всех остальных случаях причинения вреда незаконными действиями полиции.

Механизм возмещения вреда, причиненного противоправными действиями сотрудников ОВД, носит двухэтапный характер. На первом этапе устанавливается факт причинения вреда конкретным сотрудником при исполнении служебных обязанностей, на втором – потерпевший получает компенсацию от государства (из средств казны). При этом присутствует своеобразное расхождение между непосредственным причинителем вреда и лицом, ответственным за его возмещение. В соответствии со ст. 1069 ГК РФ, надлежащим ответчиком по искам граждан о возмещении ущерба, причиненного деятельностью органов внутренних дел, является РФ. Фактически интересы государства в таких делах представляет соответствующий финансовый орган.

Важно отметить, что выплата компенсации потерпевшему государством не освобождает виновного сотрудника от ответственности перед работодателем. Согласно ст. 1081 ГК РФ, после возмещения вреда потерпевшему РФ (в лице соответствующего органа) имеет право регрессного требования к непосредственно виновному сотруднику в размере выплаченной суммы, если вина сотрудника установлена и его действия носили умышленный характер или были вызваны грубой неосторожностью. Таким образом, сотрудник ОВД, чьи противоправные действия стали основанием для гражданско-правовой ответственности государства, может в последующем быть привлечен к материальной ответственности перед государством. Однако на практике реализовать регрессные иски к сотрудникам бывает сложно – например, если сотрудник уволен, не располагает имуществом или его вина четко не установлена в суде. Поэтому основная гражданско-правовая ответственность в отношениях «гражданин – полиция» лежит на государстве, что соответствует принципу правового государства, обязанного обеспечивать права граждан даже в случае неправомерных действий своих органов.

Говоря о гражданско-правовой ответственности, нельзя не упомянуть возмещение морального вреда. Согласно ст. 151 и 1099–1101 ГК РФ, гражданин вправе требовать компенсации морального вреда (физических или нравственных страданий), причиненного ему незаконными действиями должностных лиц. В контексте деятельности полиции требования о компенсации морального вреда являются одной из наиболее распространенных категорий исков, предъявляемых гражданами к МВД. Обзор правовой работы МВД России показывает, что значительную долю исков к министерству составляют именно иски о возмещении морального вреда, причиненного незаконными действиями сотрудников ОВД [10]. Удовлетворяя обоснованные требования потерпевших, суды взыскивают компенсацию морального вреда за счет казны РФ.

Следует подчеркнуть, что гражданско-правовая защита распространяется не только на потерпевших граждан, но и на самих сотрудников ОВД. Выполняя обязанности в условиях повышенного риска,

сотрудники полиции по закону пользуются определенными гражданско-правовыми гарантиями и компенсациями. Например, жизнь и здоровье сотрудника ОВД подлежат обязательному государственному страхованию за счет средств федерального бюджета, что предусмотрено Федеральным законом от 28.03.1998 № 52-ФЗ. В случае гибели сотрудника при исполнении служебных обязанностей его семья получает страховую выплату (единовременное пособие), а при получении сотрудником увечья – выплачивается единовременная страховая сумма в установленном размере, а также могут возмещаться расходы на лечение и реабилитацию. Если сотрудник полиции незаконно привлечен к ответственности или обвинен в правонарушении, он имеет право на реабилитацию, включая компенсацию морального вреда и восстановление доброго имени. Таким образом, государство берет на себя обязанность защищать законные гражданские права и интересы своих сотрудников, когда те добросовестно исполняют свой служебный долг. Это можно рассматривать как элемент гражданско-правового статуса сотрудников ОВД, обеспечивающий баланс: с одной стороны, полиция отвечает перед гражданами за нарушения, с другой – сами полицейские защищены законом при выполнении своих задач.

Также стоить отметить, что исследование гражданско-правовой ответственности может помочь в обеспечении справедливости и дать правовую определенность в обществе. Изучение гражданско-правовой ответственности как элемента гражданско-правового статуса сотрудников ОВД, позволит выработать рекомендации для совершенствования законодательства.

Развитие института ответственности за причинение вреда в России можно уподобить долгому и сложному пути. С момента появления древнерусских правовых норм и до современного Гражданского кодекса РФ прошло немало времени, и каждое изменение законодательства отражало эволюцию общества и его стремление к справедливости [11].

Таким образом, гражданско-правовой статус сотрудников ОВД носит сложный комплексный характер, поскольку в нем переплетаются элементы частноправового и публичного регулирования. Сотрудники ОВД обладают всем спектром гражданских прав, но реализуют их с учетом установленных законом ограничений, продиктованных интересами службы. Государство, в свою очередь, несет гражданско-правовую ответственность за деятельность своих сотрудников и обязано компенсировать гражданам ущерб от незаконных действий полиции, обеспечивая тем самым охрану прав человека и верховенство закона.

Заключение

Гражданско-правовой статус сотрудников ОВД представляет собой совокупность прав, гарантий и ограничений соответствующих прав, обязанностях, а также гражданско-правовой ответственности государства и самих сотрудников за причинение вреда обозначенных субъектов как участников гражданского оборота. **Элементами гражданско-правового статуса** сотрудников ОВД являются:

а) гражданская правоспособность и дееспособность (способность иметь имущество, заключать сделки, наследовать и т.д.);

б) имущественные права (владеть, пользоваться, распоряжаться имуществом) и личные неимущественные права (честь, достоинство, деловая репутация);

в) ограничения этих прав (запрет заниматься предпринимательством, участвовать в управлении коммерческими организациями, принимать подарки и др.);

г) меры **гражданско-правовой ответственности** за противоправные действия (обязанность возместить вред);

д) гарантии гражданско-правовой защиты сотрудника (обязательное страхование жизни и здоровья, право на компенсации при необоснованном преследовании и т.п.).

Совокупность данных элементов и составляет содержание гражданско-правового статуса.

Таким образом, гражданско-правовой статус сотрудников ОВД требует постоянного анализа и совершенствования. Государство преследует целью достижение оптимального баланса между публичными интересами и частными правами, что является залогом эффективной деятельности ОВД.

Список литературы

1. *Упоров, И.В.* Составляющие категории «правовой статус личности»: теоретико-правовой аспект / И.В. Упоров // Гуманитарный научный вестник. – 2025. – № 2. – С. 100–107.
2. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮристЪ, 2001. – 776 с.
3. *Нерсесянц, В.С.* Общая теория права и государства / В.С. Нерсесянц. – Москва, 2002. – 552 с.
4. *Заборовский, В.В.* Некоторые проблемные вопросы определения структуры правового статуса адвоката / В.В. Заборовский // Евразийская адвокатура. – 2016. – № 6 (25). – С. 31–37.
5. *Халфина, Р.О.* Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. – Москва: Юрид. лит., 1974. – С. 123–126.
6. *Верин, А.Ю.* К вопросу о структуре правового статуса личности / А.Ю. Верин // ВЭПС. – 2012. – № 2. – С. 113–116.
7. *Гинц, Е.М.* Возмещение вреда, причиненного сотрудниками полиции / Е.М. Гинц // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 6. – С. 52–54.
8. *Кукушкин, С.Н.* Вопросы деликтной ответственности за вред, причиненный сотрудниками органов внутренних дел / С.Н. Кукушкин, К.К. Рамазанова // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 3. – С. 181–186.
9. *Жаглина, М.Е.* Особенности деликтной ответственности за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов и суда / М.Е. Жаглина // Вестник ВИ МВД России. – 2018. – №1. – С. 123–132.
10. *Шадрина, Е.Г.* К вопросу о необходимости унификации законодательства в сфере правоотношений по возмещению вреда, причиненного в результате незаконного уголовного преследования / Е.Г. Шадрина // Ленинградский юридический журнал. – 2021. – № 2 (64). – С. 116–129.
11. *Авдеева, О.А.* Правовое регулирование гражданских правоотношений в условиях формирования Древнерусского государства / О.А. Авдеева, Е.В. Знамеровский // Государственная власть и местное самоуправление. – 2017. – № 12. – С. 54–59.

References

1. *Uporov, I.V.* The components of the category “legal status of a person”: a theoretical and legal aspect / I.V. Uporov // Humanitarian Scientific Bulletin. – 2025. – No. 2. – P. 100–107.
2. *Theory of* State and Rights: Lecture Course / Ed. N.I. Matuzov, A.V. Malko 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurist, 2001. – 776 p.
3. *Nersesyants, V.S.* General Theory of Law and State / V.S. Nersesyants. – Moscow, 2002. – 552 p.
4. *Zaborovsky, V.V.* Some Problematic Issues of Defining the Structure of a Lawyer’s Legal Status / V.V. Zaborovsky // Eurasian Advocacy. – 2016. – No. 6 (25). – P. 31–37.
5. *Khalfina, R.O.* General Doctrine of Legal Relations / R.O. Khalfina. – Moscow: Legal Literature, 1974. – P. 123–126.
6. *Verin, A.Yu.* On the Structure of the Legal Status of an Individual / A.Yu. Verin // VEPS. – 2012. – No. 2. – P. 113–116.
7. *Ginz, E.M.* Compensation for Damage Caused by Police Officers / E.M. Ginz // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2012. – No. 6. – P. 52–54.
8. *Kukushkin, S.N.* Issues of Tort Liability for Harm Caused by Employees of Internal Affairs Bodies / S.N. Kukushkin, K.K. Ramazanova // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. – No. 3. – P. 181–186.
9. *Zhaglina, M.E.* Features of Tort Liability for Damage Caused by Illegal Actions of Law Enforcement Agencies and the Court / M.E. Zhaglina // Bulletin of the VI Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 1. – P. 123–132.
10. *Shadrina, E.G.* On the Need to Unify Legislation in the Sphere of Legal Relations for Compensation for Harm Caused as a Result of Unlawful Criminal Prosecution / E.G. Shadrina // Leningrad Law Journal. – 2021. – No. 2 (64). – P. 116–129.

11. *Avdeeva, O.A.* Legal Regulation of Civil Legal Relations in the Context of the Formation of the Old Russian State / O.A. Avdeeva, E.V. Znamerovsky // State Power and Local Self-Government. – 2017. – No. 12. – P. 54–59.

Статья поступила в редакцию: 12.11.2025
Статья принята к публикации: 12.05.2026

Received: 12.11.2025
Accepted: 12.05.2026

УДК 342.743 DOI 10.21777/2587-9472-2026-3-73-81

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ФИНАНСОВОГО И НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

Неткачев Сергей Викторович[1],
e-mail: netkachevsv683@mgpu.ru
[1]Московский городской педагогический университет (МГПУ), г. Москва, Россия

Статья посвящена исследованию некоторых аспектов финансового контроля государственных (муниципальных) расходов в сопоставлении с налоговым контролем. Приводится специфика налогового контроля: наличие особого контрольного механизма, правовые процедуры контроля, производства по его результатам и их обжалования, налоговая ответственность. Сравниваются результаты двух видов контроля, реакция на них проверяемых субъектов и правовые последствия. Для реализации задач исследования автором использованы методы анализа, сопоставления, а также применен формально-юридический метод: проанализированы существующие научные подходы к проблеме, исследованы отдельные нормы законодательства, посвященные финансовому и налоговому контролю, проанализированы результаты проверочных мероприятий двух видов контроля. Сделан вывод о том, что результаты налогового контроля оказываются более значимыми для публичных общественных отношений, нежели результаты контроля расходов. В заключение статьи также сделан вывод о необходимости соответствия налоговых средств контроля историческим изменениям в жизни государства.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: финансовое и налоговое право, финансовый контроль, налоговый контроль, цель контрольной деятельности, финансовая дисциплина, налоговый результат, исполнение налоговой обязанности, налоговая ответственность

THEORETICAL ASPECTS OF THE RATIO OF FINANCIAL AND TAX CONTROL

Netkachev S.V.[1],
e-mail: netkachevsv683@mgpu.ru
[1]Moscow City University, Moscow, Russia

The article describes some specific features of financial control over state (municipal) expenditures as measured against tax control The study outline the specifics of tax control: the presence of a special control mechanism, the legal procedures for control, the proceedings based on its results, and the possibility of appealing them, as well as tax liability. In the article the results of two types of control are compared; the responses of audited entities, and the legal consequences are discussed. To achieve the research objectives, the author used methods of analysis and comparison, and also applied the formal-legal method: existing scientific approaches to the problem were analyzed, individual legislative norms concerning financial and tax control were examined, and the results of inspection activities of the two types of control were analyzed The author concludes that the results of tax control are more significant for public social relations than the results of expenditure control. The article also concludes that it is necessary for tax control tools to adapt to historical changes in the life of the state.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: financial and tax law, financial control, tax control, purpose of control activities, financial discipline, tax result, fulfillment of tax obligations, tax liability

Введение

Налоговый контроль обладает большим набором средств (налоговые проверки, получение информации о движении денежных средств по расчетным счетам налогоплательщиков, осмотры помещений и т.п.). Контролеры осуществляют юридическую квалификацию хозяйственных операций налогоплательщиков, в результате которой может быть изменена оценка фактических обстоятельств по сравнению с той оценкой, которую плательщик задекларировал для целей налогообложения. Изучению подвергаются не только сделки, непосредственно создающие (или непосредственно участвующие в создании) объект обложения, но и сделки, которые, по мнению проверяющих, могут иметь косвенное отношение к возникновению такого объекта (элементов объекта). Допускаемое контролерами усердие в работе, иногда выражающееся в нарушении норм закона (например, нарушение сроков совершения контрольных действий), не всегда встречает порицание при административном или судебном его обжаловании. Налоговый контроль никогда не отменяется, в исключительных случаях приостанавливается осуществление отдельных контрольных процедур. Он стоит особняком относительно всех иных видов государственного контроля. Очень ярко его исключительность проявляется при сравнении реакции государства на налоговые нарушения и нарушения, выявляемые, например, финансовым контролем государственных (муниципальных) расходов.

Цель настоящей работы: сравнить финансовый контроль государственных (муниципальных) расходов и налоговый контроль по их практическим результатам, правовым последствиям и ответственности, к которой могут быть привлечены правонарушители. Определить основные различия.

Новизна исследования заключается в выборе предметов сравнения.

Актуальность исследования заключается в необходимости показать, что налоговые контрольные средства должны обеспечивать получение полной и достоверной информации об объектах обложения (их элементах) во всякий период жизни государства, независимо от существования других видов государственного контроля и их результативности. Совершенствование контроля следует за развитием общественных отношений, его проведение должно оставаться в рамках закона. Решение этой задачи посредством сравнения результатов двух видов финансового контроля еще не производилось.

Методы исследования

Системный подход и анализ, формально-юридический. Исследовались существующие научные подходы к определению места налогового права в системе права, отдельные нормы законодательства, посвященные финансовому и налоговому контролю, проанализированы результаты проверочных мероприятий двух видов контроля.

Результаты исследования

Содержание предмета финансового права изменялось исторически сообразно требованиям времени и обстоятельств. На этот процесс оказывает влияние политический режим и правовая система государства, а также изменения в экономических отношениях. Э.Д. Соколова определяет финансовое право как «публичную отрасль российского права, представляющую собой совокупность норм права, регулирующих общественные (денежные, организационные, учетные, контрольные и иные) отношения, возникающие в процессе распределения ВВП и части национального дохода путем создания, распределения (перераспределения) и использования централизованных и децентрализованных фондов денежных средств государства, муниципальных образований, в определенных случаях и других фондов денежных средств, входящих в финансовую систему общества, методом власти и подчинения, основанным, как правило, на функциональной зависимости субъектов при осуществлении ими финансовой деятельности» [1, с. 18].

Государственная финансовая деятельность является одной из форм проявления суверенитета. Финансы служат дополнением, хотя и необходимым для выполнения функций и решения задач госу-

дарства и местного самоуправления. Общественные потребности диктуют необходимость изыскания средств для их удовлетворения. Государственный бюджет – это план государственного хозяйства [2, с. 40]. В нем указываются ожидаемые доходы, общие направления расходов и их общие суммы. Расходный бюджет дисциплинирует и граждан, и государство, не позволяя последнему изыскивать непредусмотренные планом способы сбора средств или собирать больше, чем необходимо.

Любая деятельность осуществляется по правилам. Правила можно назвать ограничением, но не произвольным, а обусловленным конкретными целями, возникающими в человеческом общежитии. Ограничение в виде создания правил означает возможность контроля их соблюдения. Финансовая деятельность также осуществляется по правилам и предполагает контроль. Его предметом являются процессы образования, распределения и использования денежных фондов государства и органов местного самоуправления. По мнению Е.Ю. Грачевой, «финансовый контроль – сложная категория, рассматриваемая как инструмент реализации политики государства и как управленческая деятельность, имеющая свои цели, задачи, методы, формы реализации, принципы» [3, с. 273]. Финансовый контроль в значительной мере – это бюджетный контроль. Отрасли государственного хозяйства, не связанные с государственным бюджетом, не могут быть подчинены требованиям финансового контроля.

К публичным расходам относятся расходы на оказание государственных (муниципальных) услуг, на закупки товаров, работ, услуг для общих нужд (в том числе строительство различных объектов), на социальное обеспечение населения, на обслуживание государственного (муниципального) долга, выплаты по судебным актам. Оценка расходов, осуществляемая в ходе финансового контроля, дает заключение о соответствии или несоответствии расходов в первую очередь нормам закона или муниципального акта о бюджете, а также нормам документов, в рамках которых произведены расходы. С точки зрения финансового права, выявленное органами финансового контроля нарушение закупки (например, некачественный ремонт автодороги) означает, что закупка не соответствует региональному закону о бюджете. Кроме этого, некачественная закупка является гражданско-правовым нарушением, а ненадлежащие действия должностных лиц ее заказчика, могут быть квалифицированы как бюджетное и как административное правонарушение (ст. 306.1 Бюджетного кодекса РФ (БК РФ) и ст. 7.30.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях).

Сложностью, возникающей на пути оценки, является отсутствие понятных, не допускающих многообразия в толковании норм, посвященных установлению параметров эффективности расходов, и, как следствие, невозможность привлечения к ответственности нарушителей. В БК РФ эффективность использования бюджетных средств обозначена как обязанность участников бюджетного процесса соблюдать экономность и обеспечивать результативность расходов при достижении заданных результатов. На практике государственные и муниципальные заказчики без затруднений могут обосновать превышение расходов (или, по крайней мере, невозможность их экономии) утверждением о том, что расходы сформировались исходя из фактических рыночных обстоятельств. Опровержение этого утверждения имеет совершенно неясные перспективы, в том числе судебные. Например, согласно отчету Счетной палаты РФ о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Аудит реализации мероприятий федерального проекта “Спорт – норма жизни”». В ходе аудита Счетная палата обратила внимание на значительную разницу в стоимости строительства однотипных спортивных объектов. Так, стоимость создания 25-метровых бассейнов различается до 2,75 раза, крытых катков – до 4,1 раза[1]. Из отчета Счетной палаты РФ о результатах контрольного мероприятия «Проверка использования федеральным государственным унитарным предприятием «Росморпорт» бюджетных средств, выделенных на выполнение дноуглубительных работ на внутренних водных путях, входящих в международный транспортный коридор «Север-Юг», в том числе в рамках развития Волго-Каспийского морского судоходного канала»[2] следует, что для выполнения дноуглубительных работ Росморпорт привлек сторонних подрядчиков. При этом стоимость дноуглубительных работ, проводимых силами собственного флота предприятия (199,9 руб. за 1 куб. м), значительно меньше стоимости аналогичных работ, осуществля-

[1] Отчет Счетной палаты РФ. – URL: https://ach.gov.ru/checks/itogi-realizatsii-federalnogo-proekta-sport-norma-zhizni (дата обращения: 27.03.2025).

[2] Отчет Счетной палаты РФ. – URL: https://ach.gov.ru/checks/effektivnost-ispolzovaniya-sredstv-na-uglublenie-volgo-kaspiyskogo-kanala (дата обращения: 27.03.2025).

емых сторонними организациями, привлекаемыми Росморпортом (от 550 до 800 руб. за 1 куб. м). При этом земснаряд «Донской-301», переданный предприятию в 2022 году для проведения работ по углублению канала, в 2023 году к указанным работам не привлекался. Сравнение минимальной стоимости работы частного подрядчика (550 руб/м^3) и стоимости работы собственного земснаряда государственного предприятия (199,9 руб/м^3) показало, что неэффективное, завышенное расходование средств федерального бюджета составило 175 %.

По мнению В.М. Корельского, «суть финансовой дисциплины – это бережливое, рациональное расходование государственных денежных средств, безусловное выполнение гражданами, предприятиями, организациями, учреждениями финансовых обязательств перед государством» [4, с. 111]. Осуществление дисциплины предполагает подчинение человеческих действий, чувств, воли некоторым общим требованиям, необходимым для государства, общества. Такое подчинение должно быть не механическим, но основанным на совпадении общей и индивидуальной воли, что превращает подчинение в заинтересованное, инициативное. Но пока что заинтересованность и инициатива не измерены в числовых показателях и не закреплены нормативно, чтобы, во-первых, исключить фактор субъективности, во-вторых, установить правовой набор контрольных средств и правовые критерии для оценки неисправности исполнителей, их привлечения к ответственности и для возврата в бюджет денежных средств, потраченных нерезультативно.

Многие исследователи придерживаются той точки зрения, что налоговое право является подотраслью финансового права (Е.Ю. Грачева, Т.А. Серебрякова, В.В. Гриценко, А.С. Титов, В.В. Попов). Оно имеет четкое оформление и развитую структуру, содержит большой массив нормативного материала, который разделен на нормы общего характера и специальные нормы, что свойственно крупным подразделениям отрасли права, регулирует разнообразные налоговые отношения.

В.В. Гриценко определяет предмет налогового права как «урегулированные нормами налогового права общественные финансовые властные отношения, возникающие по поводу установления, введения, взимания налогов и сборов в РФ с организаций и физических лиц, а также отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля, обжалования актов налоговых органов, действия (бездействия) их должностных лиц и привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения» [5, с. 19]. Стороны этих отношений не равны, отношениям свойственно преобладание воли и действий одного из участников над волей и действиями другого. Неравенство компенсируется тем, что собранный доход государства используется для решения общественно-значимых задач, т.е. в интересах всего населения, включая интересы подчиненных участников указанных отношений.

Налоговый контроль является одним из видов государственного финансового контроля. Его целью является обеспечение имущественных интересов государства и муниципальных образований, которые выражаются в добровольном и, при необходимости, принудительном исполнении плательщиками налоговой обязанности. А.С. Титов определяет налоговый контроль как «деятельность наделенных соответствующей компетенцией государственных органов, целью которой является создание эффективной системы налогообложения, обеспечивающей высокий уровень налоговой дисциплины налогообязанных лиц, которая позволяет в значительной степени исключить их противоправное поведение и свести к минимуму количество налоговых правонарушений» [6, с. 40]. Движение к цели налогового контроля осуществляется посредством решения следующих задач: полнота учета плательщиков и объектов обложения, правильность расчета, своевременность и полнота уплаты рассчитанных налогов, предупреждение нарушений, привлечение к ответственности нарушителей и возмещение ущерба государству.

Законодатель предоставил налоговым органам широкие полномочия, установил обширный перечень контрольных средств, определил контрольные процедуры, процедуру привлечения к ответственности и процедуру обжалования действий (бездействия) налоговых органов. В налоговом праве существуют презумпции (добросовестность налогоплательщика, должная осмотрительность), которые учитываются в контроле. Неустранимые сомнения, противоречия и неясности в законодательных актах по вопросам, связанным с контролем, толкуются в пользу налогоплательщиков. С целью определения действительного размера налоговой обязанности контролеры изучают не только гражданские правоотношения конкретных лиц, в результате которых возник объект налогообложения, но и отношения лиц,

которые были причастны или могли быть причастны к его возникновению, может осуществляться, так называемая, налоговая реконструкция, контролеры могут изменять юридическую квалификацию сделок, являющихся предметом проверки. Налоговые органы активно оценивают экономическую необходимость хозяйственных операций налогоплательщиков. Круг лиц, подпадающих под налоговый контроль, самый широкий, по сравнению с другими видами контроля. В отличие от других видов контроля потенциальные налогоплательщики имеют возможность (которая, конечно, не является правовой) не раскрывать контролерам информацию о себе и об объектах обложения, с чем налоговым органам приходится бороться. Налогоплательщики стремятся сохранить свою собственность, не допустить государственного изъятия ее части в виде налогов и сборов. Государственные (муниципальные) заказчики при осуществлении расходов, в лучшем случае, относятся равнодушно к величине расходов или результативности их осуществления (в худшем – противоправно способствуют их необоснованному завышению). Отдельные налоговые мероприятия осуществляются постоянно (камеральные проверки), другие – в случае необходимости. Контрольные мероприятия в отношении расходов осуществляются выборочно, на основании планов.

Ничего подобного нет в других видах контроля (внешнего и внутреннего контроля государственных (муниципальных) расходов, бюджетного контроля). Налоговые органы инициируют процесс принудительного взыскания неуплаченных налогов и проводят соответствующие процедуры взыскания, предусмотренные налоговым законодательством. Напротив, органы внешнего и внутреннего финансового контроля не наделены полномочием по истребованию в бюджет необоснованно или неэффективно истраченных средств в ходе осуществления расходных операций.

Другой особенностью налогового контроля является следующее. А.Д. Карпухин и А.В. Лапин правильно отмечают, что «принципиально важным является вопрос о юридических последствиях реализации финансового контроля» [7]. Изменить, поправить направления государственных (муниципальных) расходов можно и иногда нужно. Нарушения в этой сфере являются исключением, хотя нередко и очень существенным для бюджета. Нарушения в уплате налогов, даже незначительные по размеру, при ослаблении налогового контроля быстро станут «нормой». Возможность осуществления любого другого вида государственного контроля подвергается риску, поскольку контроль требует расходов, а единственным источником их финансирования являются налоги.

Налоги являются обезличенным поступлением. Они обеспечивают резерв, в том числе и на случай непредвиденных ситуаций, связанных с изменением видов расходов. Поэтому поступление налогов всегда должно быть стабильным. Являясь стороной гражданского правоотношения и следующего за ним налогового правоотношения, налогоплательщик стремится к уменьшению налоговой обязанности. Будучи участником государственных (муниципальных) расходов, т.е. только гражданского правоотношения, налогоплательщик не заботится об их эффективности и результативности, а преследует только предпринимательские интересы. Государство может императивно влиять на размер налоговой обязанности, в том числе отыскивая скрытые объекты обложения или их элементы. Но оно не может заставить налогоплательщика стать участником расходов (за некоторым исключением, например, тех, которые привлекаются к исполнению государственного оборонного заказа) и не может императивно влиять на условия гражданских сделок в ходе их заключения и/или исполнения. Нарушение налогового закона устраняется посредством компенсации бюджету недополученных сумм и санкций в отношении нарушителей.

Еще одной особенностью налогового контроля является наличие особого вида юридической ответственности. А.З. Арсланбекова определяет налоговую ответственность как «добровольное соблюдение правовых требований физическими лицами и организациями, основанное на сознательно надлежащем выполнении ими своих налоговых обязанностей перед государством, а в случае их неисполнения – обязанность претерпевать предусмотренные законодательством о налогах и сборах меры государственного принуждения, применяемые к правонарушителю за совершенное налоговое правонарушение, заключающиеся в лишениях имущественного характера» [8, с. 33]. Налоговая ответственность, главным образом, связана с имущественным характером отношений между государством и налогоплательщиками, а потому восстановление нарушенного права – неуплата (или неполная уплата) налогов – осуществляется посредством компенсации казне имущественных интересов. Кроме того, на-

логовая ответственность включает в себя репрессивный (штрафной) элемент. В российском налоговом законе все санкции носят только имущественный характер. Их можно условно разделить на две группы: те, которые применяются за нарушения, приведшие к неполному поступлению налогов в бюджет (например, ст. 120, 122, 123 НК РФ), и те, которые применяются за нарушение процедур, предусмотренных законом (например, ст. 119, 126, 128, 129 НК РФ). Нарушения из первой группы могут повлечь и уголовную ответственность (ст. 199 и 199.1 Уголовного кодекса РФ, далее – УК РФ) в случае, если неисполнение налоговых обязанностей произошло в особо крупном размере. Нарушения из второй группы по существу являются административными правонарушениями, и их выделение в особую отрасль законодательства можно объяснить высокой значимостью для публичных интересов, в частности для эффективности налогового контроля.

Неплательщик нарушает право, поступает несправедливо (нарушает равновесие). Очевидно, что при этом добросовестному плательщику наносится вред, хотя и не напрямую. И такой вред является не только частной потерей конкретного налогоплательщика, но и становится частью общей, публичной потери всех граждан государства. В случае угрозы сохранности имущества (в данном случае общего имущества, формируемого за счет индивидуальных налоговых платежей) отпор должен быть в той мере, насколько имущество необходимо для поддержания мирного сосуществования людей в государственном общежитии. Такой отпор дает налоговый контроль, восстанавливая равновесие, баланс общих и индивидуальных интересов.

Саттарова Н.А. определяет «публичные интересы как общие интересы, своего рода усреднение личных, групповых интересов, без удовлетворения которых невозможно, с одной стороны, реализовать частные интересы, с другой – обеспечить целостность, устойчивость и нормальное развитие общества в целом» [9, с. 192]. Применительно к налоговому праву Щекин Д.М. называет публичный интерес «одобренной публичным субъектом в правовой форме общественной потребностью в области налоговых отношений, ориентированной на увеличение общественного блага» [3, с. 682]. Худяков А.И. отметил, что «в налоговых правоотношениях государство выступает и как собственник, и как субъект публичной власти. В результате в механизм правового регулирования этих отношений объективно заложены предпосылки отдания предпочтения интересам государства-собственника и игнорирования интересов налогоплательщика» [10, с. 647].

Нередко контролеры переоценивают потенциальную угрозу бюджету в виде возможного сокрытия объектов налогообложения (или подозревают ее там, где ее быть не может) и применяют избыточные меры для предотвращения. И тогда баланс интересов нарушается уже не неплательщиками, а государством. Ядрихинский С.А. предложил концепцию законных интересов налогоплательщика как «закрепленное правомочие требования соответствующего поведения от органа публичной власти, который, в свою очередь, рассматривается обязанной стороной в налоговых правоотношениях» [3, с. 688]. Он сделал вывод, что «достижение компромисса между двумя правомерными, но разнонаправленными интересами, возможно лишь в том случае, когда и частному, и публичному интересу изначально придаются равноценное значение и взаимное уважение» [3, с. 689].

По мнению Нерсесянца В.С., «представленная в норме права и в праве в целом общая воля (общее благо, общий интерес) – это и есть правовой способ и правовая форма учета, согласования, сочетания публичных и частных интересов в соответствующей сфере и отрасли нормативно-правовой регуляции» [11, с. 433]. Такой правильный общий подход на практике иногда оказывается недостаточным и требует уточнения, например, через законодательное закрепление принципов налогового права. Винницкий Д.В. так сформулировал один из них – принцип минимально необходимого ограничения прав частных субъектов налогового права, который «предполагает соблюдение социальных прав налогоплательщиков и низкий уровень затрат на процедуры взимания налога» [12, с. 30]. Гессен В.М. отметил, что «необходимо такое законодательство, которое сводило бы к возможному минимуму дискреционный характер полномочий правительственной власти; такое законодательство, которое, налагая на власть обязанности, предоставляло бы гражданам соответствующие этим обязанностям субъективные публичные права» [13, с. 95].

Словосочетание «баланс интересов» предполагает величину. К правовым способам создания и поддержания баланса относятся недопустимость отклонения от соблюдения действующих норм, пре-

сечение произвольного понимания оценочных категорий в собственных интересах. Например, целесообразно обязать контролеров раскрывать перед налогоплательщиком содержание «обоснованной необходимости» истребования документов по сделке, содержание «достаточных оснований» для решения вопроса об изъятии оригиналов документов, ввести в практику контроля привлечение к ответственности соучастников налогового правонарушения и т.п.

Один из распространенных на практике показателей несоразмерности – произвольное продление (или нарушение) сроков проведения отдельных процессуальных действий. Его целесообразно выделить потому, что указание этих сроков в налоговом законе, как правило, осуществляется недвусмысленно, не требует особенностей толкования во взаимосвязи с иными нормами, не требует специального подхода к соблюдению сроков в зависимости от особенностей того или иного общественного отношения. Тем удивительнее оказывается подход к допускаемым нарушениям сроков со стороны правоприменителей и со стороны судов. Так, согласно п. 6 ст. 89 НК РФ выездная налоговая проверка не может продолжаться более двух месяцев, этот срок может быть продлен до четырех месяцев, а в исключительных случаях – до шести месяцев. Формулировка ясная, различных вариантов толкования не предполагает. Такой вариант изложения нормы, как указал Конституционный суд, имеет особое значение и не предполагает произвольного применения[3]. О недопустимости произвольного применения сроков Конституционный суд высказался в Определении от 27.12.2023 № 3537-О[4]. Между тем, в мае 2025 года Конституционный суд рассмотрел[5] жалобу налогоплательщика, из которой следует, что выездная налоговая проверка длилась почти шесть лет, из них сами проверочные действия длились год, а на вручение акта налогоплательщику контролерам потребовалось более трех лет, вместо пяти дней, предусмотренных п. 5 ст. 100 НК РФ. Тем не менее, нижестоящие суды и Верховный суд РФ не усмотрели в таком нарушении признака существенности, указав: что само по себе несоблюдение налоговым органом установленного законом пятидневного срока вручения налогоплательщику акта налоговой проверки с даты составления этого акта не является существенным нарушением процедуры рассмотрения материалов проверки, не возлагает на заявителя каких-либо не предусмотренных налоговым законодательством обязанностей, не создает препятствий в осуществлении им предпринимательской и иной экономической деятельности, а также не является безусловным основанием для признания решения налогового органа недействительным. Конституционный суд в целом этот вывод поддержал, но с оговоркой о том, что нарушение срока может быть признано существенным в соответствии с п. 14 ст. 101 НК РФ. Вывод о существенности, по мнению суда, может быть сделан «при определенных обстоятельствах», но в чем выражается определенность обстоятельств, не уточняется.

Вывод

Налоговый контроль является элементом правового института – финансового контроля, обладает самым широким правовым набором контрольных средств, по сравнению с другими видами финансового контроля. Законом определены права и обязанности участников налогового контроля, правовые процедуры контроля, производства по его результатам и их обжалования, особенный вид государственного принуждения – налоговой ответственности. Налоговый контроль призван обеспечить стабильное поступление доходов в бюджет, независимо от изменчивости публичных потребностей. История создается человеком, а значит, субъективна, но для нее всегда требуются материальные ресурсы. Поэтому существование налогового контроля объективно необходимо. Он постоянно совершенствуется, чтобы соответствовать историческим изменениям в жизни государства. Предметом контроля, как правовой

[3] Информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда РФ 2018–2020 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374913/76d6e371c9956235c4b329710ca52f5fdf91f8c9/ (дата обращения: 09.04.2024).

[4] Определение Конституционного суда РФ от 27.12.2023 № 3537-О [Электронный ресурс]. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27122023-n-3537-o/ (дата обращения: 21.05.2025).

[5] Постановление Конституционного суда РФ от 13.05.2025 № 20-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505045/ (дата обращения: 21.05.2025.

конструкции, являются урегулированные нормами права общественные отношения по поводу взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков в связи с наблюдением за полнотой и своевременностью уплаты налогов и сборов. Такое наблюдение необходимо и в качестве частной, и в качестве публичной пользы. В связи с изложенным, по мнению автора, принцип минимально необходимого ограничения прав частных субъектов налогового права следует закрепить в Налоговом кодексе, определить в кодексе критерии существенности нарушения сроков проведения контрольных процедур, при которых такие нарушения станут основанием для отмены решений налоговых органов, а также рассмотреть вопрос о включении в кодекс норм об ответственности за содействие налоговым правонарушениям.

Список литературы

1. *Соколова, Э.Д.* Теоретические аспекты правового регулирования финансовой деятельности государства и муниципальных образований: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Москва, 2008 [Электронный ресурс]. – URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003173058?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 25.07.2025).
2. *Понтович, Э.Э.* Казна и контроль / Э.Э. Понтович. – Москва: Финансовое издательство НКФ СССР, 1927. – 135 с.
3. Российская наука финансового права конца XX – начала XXI в.: монография / отв. ред. Е.Ю. Грачева, Д.М. Щекин. – Москва: Проспект, 2025. – 704 с.
4. *Корельский, В.М.* Все начинается с дисциплины / В.М. Корельский. – Москва: Мысль, 1985. – 204 с.
5. *Гриценко, В.В.* Концептуальные проблемы развития теории налогового права современного Российского государства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Саратов, 2005 [Электронный ресурс]. – URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003257350?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 25.07.2025).
6. *Титов, А.С.* Теоретико-правовые основы налогового администрирования в Российской Федерации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Москва, 2007 [Электронный ресурс]. – URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003158479?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 25.07.2025).
7. *Карпухин, А.Д.* Специфические признаки финансового контроля и формы его осуществления / А.Д. Карпухин, А.В. Лапин // Вестник финансового университета. – 2016. – № 4.
8. *Арсланбекова, А.З.* Финансово-правовые санкции в системе мер юридической ответственности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Саратов, 2009 [Электронный ресурс]. – URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003469030?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 25.07.2025).
9. *Саттарова, Н.А.* Принуждение в финансовом праве: дис. … д-ра юрид. наук. – Москва, 2006.
10. *Худяков, А.* Избранные труды по финансовому праву / А. Худяков. – Санкт Петербург: Юридический центр Пресс, 2010.
11. *Нерсесянц, В.С.* Общая теория права и государства: учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – Москва: Норма, 2004. – 552 с.
12. *Винницкий, Д.В.* Основные проблемы теории Российского налогового права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2003 [Электронный ресурс]. – URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002653242?page=19&rotate=0&theme=white (дата обращения: 25.07.2025).
13. *Гессен, В.М.* Основы конституционного права / В.М. Гессен. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 496 с.

References

1. *Sokolova, E.D.* Teoreticheskie aspekty pravovogo regulirovaniya finansovoj deyatel’nosti gosudarstva i municipal’nyh obrazovanij: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. – Moskva, 2008 [Elektronnyj resurs]. – URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003173058?page=1&rotate=0&theme=white (data obrashcheniya: 25.07.2025).
2. *Pontovich, E.E.* Kazna i kontrol’ / E.E. Pontovich. – Moskva: Finansovoe izdatel’stvo NKF SSSR, 1927. – 135 s.
3. Rossijskaya nauka finansovogo prava konca XX – nachala XXI v.: monografiya / otv. red. E.Yu. Gracheva, D.M. Shchekin. – Moskva: Prospekt, 2025. – 704 s.
4. *Korel’skij, V.M.* Vse nachinaetsya s discipliny / V.M. Korel’skij. – Moskva: Mysl’, 1985. – 204 s.
5. *Gricenko, V.V.* Konceptual’nye problemy razvitiya teorii nalogovogo prava sovremennogo Rossijskogo gosudarstva: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. – Saratov, 2005 [Elektronnyj resurs]. – URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003257350?page=1&rotate=0&theme=white (data obrashcheniya: 25.07.2025).

6. *Titov, A.S.* Teoretiko-pravovye osnovy nalogovogo administrirovaniya v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. – Moskva, 2007 [Elektronnyj resurs]. – URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003158479?page=1&rotate=0&theme=white (data obrashcheniya: 25.07.2025).
7. *Karpuhin, A.D.* Specificheskie priznaki finansovogo kontrolya i formy ego osushchestvleniya / A.D. Karpuhin, A.V. Lapin // Vestnik finansovogo universiteta. – 2016. – № 4.
8. *Arslanbekova, A.Z.* Finansovo-pravovye sankcii v sisteme mer yuridicheskoj otvetstvennosti: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. – Saratov, 2009 [Elektronnyj resurs]. – URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003469030?page=1&rotate=0&theme=white (data obrashcheniya: 25.07.2025).
9. *Sattarova, N.A.* Prinuzhdenie v finansovom prave: dis. … d-ra yurid. nauk. – Moskva, 2006.
10. *Hudyakov, A.* Izbrannye trudy po finansovomu pravu / A. Hudyakov. – Sankt Peterburg: Yuridicheskij centr Press, 2010.
11. *Nersesyanc, V.S.* Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik dlya vuzov / V.S. Nersesyanc. – Moskva: Norma, 2004. – 552 s.
12. *Vinnickij, D.V.* Osnovnye problemy teorii Rossijskogo nalogovogo prava: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. – Ekaterinburg, 2003 [Elektronnyj resurs]. – URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002653242?page=19&rotate=0&theme=white (data obrashcheniya: 25.07.2025).
13. *Gessen, V.M.* Osnovy konstitucionnogo prava / V.M. Gessen. – Moskva: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2010. – 496 s.

Статья поступила в редакцию: 25.11.2025
Статья принята к публикации: 28.05.2026

Received: 25.11.2025
Accepted: 28.05.2026

УДК 347.191 DOI 10.21777/2587-9472-2026-3-82-87

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УСТАВНОГО КАПИТАЛА КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НЕДЕНЕЖНЫМИ АКТИВАМИ

Савенкова Полина Германовна[1,2],
e-mail: savenkova.p.g@gmail.com
[1]Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (Университет) (МГИМО МИД России), г. Москва, Россия,
[2]Адвокатское бюро «МГАП», г. Москва, Россия

В статье проведено комплексное сравнительно-правовое исследование механизмов формирования уставного капитала коммерческих организаций неденежными активами. Анализируется законодательство и правоприменительная практика отдельных зарубежных стран, таких как Франция, Германия, Великобритания, Новая Зеландия и Испания, производится сопоставление с действующим российским регулированием. Особое внимание уделено правовому статусу специфических активов. Целью работы является выявление дисбаланса между потребностями в капитализации цифровых и нематериальных активов и консервативным подходом российского права. Исследование направлено на поиск эффективных юридических инструментов, которые позволят расширить перечень допустимых вкладов без ущерба для интересов кредиторов. В результате исследования автором обоснована необходимость либерализации российского законодательства. Сделан вывод о целесообразности расширения перечня нематериальных активов, которые могут быть вкладами в имущество коммерческих организаций. Также предложено внедрение зарубежного механизма солидарной ответственности участников и директоров за достоверность оценки неденежных вкладов. Внедрение механизмов солидарной ответственности обеспечит необходимый баланс: расширение инструментов капитализации будет сопровождаться усилением гарантий для кредиторов, что минимизирует риски злоупотреблений при оценке имущества.
По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: гражданское законодательство, корпоративное право, коммерческие организации, вклады участников, оценка активов, уставной капитал, неденежные активы

SPECIFICS OF THE FORMATION OF SHARE CAPITAL OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS THROUGH NON-MONETARY CONTRIBUTIONS

Savenkova P.G.[1],
e-mail: savenkova.p.g@gmail.com
[1]Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia
[2]Law firm "MGAP", Moscow, Russia

The article presents a comprehensive comparative legal study of the mechanisms for forming the share capital of commercial organizations through non-monetary contributions. The author analyzes the legislation and law enforcement practices of certain foreign countries, such as France, Germany, the United Kingdom, New Zealand, and Spain, and compares them with current Russian regulations. Particular attention is paid to the legal status of specific assets. The aim of the study is to identify the imbalance between the need to capitalize digital and intangible assets and the conservative approach of Russian law. The study seeks effective legal instruments that will expand the list of permissible contributions without compromising the interests of creditors. As a result of the study, the author substantiates the need for liberalization of Russian legislation. The author concludes that it is advisable to expand the list of intangible assets that can be used as contributions to the property of commercial organizations. The author also proposes the implementation of a foreign mechanism for joint liability

of participants and directors for the accuracy of the valuation of non-cash contributions. The introduction of joint liability mechanisms will ensure the necessary balance: the expansion of capitalization instruments will be accompanied by strengthened guarantees for creditors, minimizing the risk of abuse in property valuation. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: civil law, corporate law, commercial organizations, participants' contributions, asset valuation, share (charter) capital, non-cash (in-kind) contributions

Формирование уставного капитала, а также его последующее пополнение и изменение, является одним из основополагающих этапов создания и функционирования любой коммерческой организации, определяющим ее финансовую основу и степень ответственности перед кредиторами. Актуальность данного исследования выражается в выявлении дисбаланса между потребностью участников коммерческого оборота в капитализации широкого круга неденежных активов и консервативным подходом законодательства, а также в поиске путей разрешения данной проблемы путем исследования опыта зарубежных государств.

В соответствии с законодательством подавляющего большинства стран, наиболее распространенным способом пополнения уставного капитала является внесение денежных средств, в то же время правовые нормы отдельных государств зачастую не запрещают и иные способы пополнения, в том числе использование активов, отличных от денежных средств. К таковым могут относиться как транспортные средства, сырье, оборудование, так и менее традиционные активы – животные, дебиторская задолженность, программное обеспечение и т.д. На сегодняшний день большая часть правопорядков, включая РФ, допускает внесение неденежных активов [1, с. 53]. В ряде стран, однако, такое положение может не быть закреплено в законодательстве, но находит отражение в судебной практике [2, с. 181].

Обозревая зарубежный опыт, наиболее интересным и полным представляется опыт Французской республики, в соответствии с законодательством которой уставной капитал может складываться из трех категорий: во-первых, денежных взносов; во-вторых, вклада в натуральной форме – оборудования, товарных знаков, животных, дебиторской задолженности, программного обеспечения и др.; в-третьих, так называемого вклада в форме труда (*sweat equity* или *l'apport en industrie*) – выполнения одним или более акционером определенных услуг или предоставления технических знаний [3, с. 3]. Сам по себе вклад в форме труда не формирует акционерный капитал компании, но позволяет акционерам получать акции с доступом к распределению прибыли и правом голоса. В соответствии с российским законодательством внесение вклада в форме работ или услуг не представляется возможным, поскольку любой вклад должен иметь денежную оценку [4, с. 166].

Российское законодательство, регулирующее деятельность коммерческих корпоративных юридических лиц (хозяйственных обществ: законы об обществах с ограниченной ответственностью[1], акционерных обществах[2], хозяйственных товариществ, производственных кооперативов[3] и др.), допускает внесение в уставной капитал неденежных активов (вещей и иных имеющих денежную оценку прав). При этом, несмотря на различия в правовой природе складочного капитала товариществ, уставного капитала обществ, паевого фонда кооперативов проблема узости перечня допустимых нематериальных вкладов остается общей для всех видов коммерческих корпораций.

Одним из отличий отечественного законодательства от французского является требование к минимальному размеру уставного капитала, который в РФ составляет 10 000 рублей и должен быть оплачен исключительно денежными средствами. В свою очередь, вклады, превышающие минимальным размер, могут быть неденежными. Также каждое общество в своем уставе может ввести ограничения на виды имущества, которое может быть внесено [5, с. 12].

---

[1] Ст. 15 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/7bb667f587280e00a3c9d370582f292bf4eea86a/ (дата обращения: 20.11.2025).

[2] Ст. 34 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/3f4d48acec3d0e37ffb67d24203f3b115272a9e0/ (дата обращения: 20.11.2025).

[3] Ст. 10 Федерального закона от 08.05.1996 № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».– URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10286/dc25663db80b815f7f23a097acfac1d57ff742cc/ (дата обращения: 20.11.2025).

Основной закон, регулирующий деятельность коммерческих организаций в Новой Зеландии, прямо не предусматривает вклады в натуральной форме, тем не менее, в положении о «вознаграждении за выпуск акций» указывается, что вознаграждение, за которое выпускается акция, может иметь любую форму и может быть представлено как денежными средствами, так и векселями, контрактами на будущие услуги, имуществом (движимым или недвижимым)[4]. В свою очередь Закон о товариществах с ограниченной ответственностью прямо устанавливает, что вклад может принимать «любую форму» и может выражаться в наличных деньгах, недвижимости, вещах или принимать иные формы[5].

Как в Новой Зеландии, так и во Франции, Великобритании и Германии основными требованиями, предъявляемыми к процедуре капитализации активов в натуральной форме, является проведенная должным образом оценка денежной стоимости и соответствие критерию продаваемости – то есть отсутствие каких-либо обременений и возможность свободной и своевременной передачи вещи.

Отличительной особенностью Великобритании является принцип «денежного эквивалента» (*money's worth*), в обмен на который могут быть выпущены акции. Данный принцип включает в себя помимо имущества и активов в традиционном понимании, также *goodwill* – комплексный термин английского права, которому наилучшим образом соответствует понятие деловой репутации и ноу-хау[6]. Определение «денежного эквивалента» является достаточно широким и охватывает все ценное, что имеет денежную стоимость или может быть конвертировано в деньги.

Любая вещь, вносимая в уставной капитал, должна иметь поддающуюся денежной стоимости оценку. Единственное ограничение для частной компании (Private Limited Companies) в этой связи заключается в том, что директора должны действовать добросовестно, а также быть убеждены в том, что активы стоят той стоимости, которая была установлена для целей распределения акций, в то время как для публичных компаний (Public Limited Companies) требуется независимая оценка неденежных вкладов, проведенная квалифицированным оценщиком. Тем не менее, на практике для крупных или необычных неденежных вкладов в любом случае рекомендуется получение независимой оценки для подтверждения стоимости и защиты интересов всех сторон. Применительно, например, к домашним или сельскохозяйственным животным это будет означать, что такое животное является породистым, рабочим, ценным для зоопарков.

Вопрос внесения животных в уставной капитал коммерческих организаций в целом представляется достаточно обособленным в связи с их уникальным правовым статусом.

На основании Гражданского кодекса Франции животные признаются живыми существами, наделенными «чувствительностью»[7] (*être sensible*), в то же время при условии соблюдения норм, защищающих их права, к животным применимы общие положения о собственности, и они признаются имуществом. Аналогичное положение действует и в Германии – животные не являются вещами, но подчиняются правовому режиму вещей, если иное не установлено законом. Следовательно, для целей формирования уставного капитала животные могут рассматриваться в качестве активов [6, с. 42].

По законодательству Франции животное может быть внесено в уставный капитал в одной из следующих форм: с передачей права собственности; с передачей права пользования, без передачи права собственности; в форме узуфрукта (с правом пользования и получения выгоды). В рамках данных правоотношений животное представляется вещью, внесенной в качестве вклада в натуральной форме.

В том случае, если вкладчиком избирается первая форма, все три элемента права собственности (право пользования, право извлечения плодов, право распоряжения или уничтожения) передаются обществу. Последнее право, однако, является в значительной степени ограниченным, ввиду вышеуказанной нормы французского гражданского права о наделении животных «чувствительностью». Также в соответствии с правом приращения, все то, что данная вещь, в нашем случае – животное, производит

[4] Sec. 46 of the Companies Act 1993 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legislation.govt.nz/act/public/1993/0105/latest/DLM320161.html (дата обращения: 20.11.2025).

[5] Sec. 37 of the Limited Partnerships Act 2008 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legislation.govt.nz/act/public/2008/0001/latest/DLM1139185.html (дата обращения: 20.11.2025).

[6] Section 582(1) of the Companies Act 2006 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/section/582 (дата обращения: 20.11.2025).

[7] LOI n° 2015-177 du 16 février 2015 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGIARTI000030249593/2015-02-18/ (дата обращения: 20.11.2025).

или то, что нераздельно с ней связано также автоматически будет принадлежать обществу (потомство, молоко и т.д.).

В случае применения второй из указанных форм за обществом будет закреплено лишь право пользования в обмен на возможную выплату дивидендов. Если же вещное право представлено в виде узуфрукта, к «плодам», произведенным животными, смогут относиться не только традиционные мед или молоко, но и менее распространенные элементы, как, например, плоды, возникающие в результате услуг, предоставляемых животными – фильмы и доходы от проката кинолент, в которых снимаются животные.

Данное положение не имеет аналога в немецком праве – услуги, которые животное может предоставлять (например, выступления в цирке, съемка в кино), не могут быть объектом вклада в натуральной форме по праву Германии, поскольку в качестве такового может выступать только имущество или активы, имеющие фиксированную стоимость, а не обязательства по предоставлению услуг [7, с. 12].

Для того чтобы имущество могло быть внесено в уставный капитал, оно должно отвечать ряду критериев, к которым относятся: оценка актива; передаваемость; доступность. Под оценкой активов понимается требование к активам иметь определенное стоимостное выражение, под передаваемостью следует понимать возможность передать актив, который будет включен в активы компании и отсутствие каких-либо юридических препятствий для данного действия. Под доступностью подразумевается необходимость передать актив компании незамедлительно после заключения соответствующего соглашения.

В данном контексте возникает вопрос взаимозаменяемости такого имущества и отнесения животного к индивидуально-определенным вещам. Французская судебная практика дает ответ на данный вопрос в деле №14-25.910 от 9 декабря 2015 г[8]. Суд постановил, что исключительно домашние животные могут относиться к категории невзаимозаменяемых. В данном деле было признано, что собака, будучи живым существом, уникальна, и является незаменимой, и поскольку она представляет собой домашнее животное, владение которым не несет никакой экономической цели (в отличие от сельскохозяйственного), не представляется возможным ее заменить. Напротив, животное, содержащееся для конкретной цели – получение молока, например, является заменяемым, и зачастую приравнивается к недвижимости для целей гражданского оборота[9].

Таким образом, в случае прохождения компанией процедуры банкротства или ликвидации такой компании, последствия для вкладчиков животных могут различаться в зависимости от вида такого животного. Так, лицо, передавшее домашнее животное, равно как и лицо, передавшее животное исключительно на правах пользования, будет иметь уверенность в возврате своего имущества, поскольку в случае открытия процедуры банкротства, вещь, не входившая в состав имущества компании, не может выступать в качестве предмета обеспечения требования кредиторов. В противном случае, общество сможет заменить животное вещью той же стоимости, того же качества и в том же количестве.

Поскольку неденежные активы, которые могут быть внесены в уставной капитал, не поименованы в российских нормах права, на законодательном уровне не было выработано аналогичных положений, регулирующих внесение, оборот и дальнейшие действия с такими активами. В то же время существует некоторая судебная практика по данному вопросу. Так, в материалах одного из дел Арбитражного суда Западно-Сибирского округа фигурирует учредительный договор, в соответствии с которым один из участников намеревался внести в уставной капитал сельскохозяйственных животных, технику и отдельные объекты недвижимого имущества, в то время как другая сторона – «интеллектуальную собственность, включающую в себя деловые связи и контакты в области реализации сельскохозяйственной продукции, поставки сельскохозяйственного оборудования, в области банковского кредитования и инвестиционного маркетинга, а также деловую репутацию»[10]. Суд постановил, что вклад второго

[8] Cour de cassation, civile, Chambre civile 1, 9 décembre 2015, 14-25.910 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000031608173/ (дата обращения: 20.11.2025).

[9] Article 542 de Code civil [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006428841 (дата обращения: 20.11.2025).

[10] Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.11.2006 № Ф04-7353/2006(28121-А03-20) [Электронный ресурс]. – URL: https://1jur.ru/#/document/96/813385483/A2C7S3HB/?of=copy-7d23e1cd19 (дата обращения: 20.11.2025).

участника, а именно деловые связи и контакты, не охватывается смыслом п. 1 ст. 15 ФЗ об ООО и не может являться вкладом в уставном капитал.

Таким образом, вопрос внесения неденежных активов в уставной капитал не представляется урегулированным в полной мере. В отдельных правопорядках положения, регулирующие данные правоотношения, не закреплены в нормативно-правовых актах, а представлены исключительно в разъясняющих документах отдельных компетентных органах. Примером такого государства, не закрепляющего возможности внесения неденежных активов напрямую в законодательстве, но допускающего такую возможность посредством правоприменительной практики, является Испания [8, с. 2]. Главное управление реестров и нотариата в своем постановлении от 4 декабря 2019 года издало решение[11] в пользу внесения определенных ноу-хау в уставный капитал частной компании с ограниченной ответственностью. Несмотря на то, что ноу-хау подпадает под более широкую категорию нематериальных активов экономического характера, которые способны приносить прибыль и поддаются экономической оценке, данное решение было неоднозначно воспринято. Критика касалась преимущественно пригодности ноу-хау для выполнения конкретной функции акционерного капитала, а именно создания гарантии для кредиторов. В связи с этим, ключевым нововведением испанского права стал механизм ответственности, в соответствии с которым акционеры несут солидарную ответственность перед кредиторами, равно как и директора компании, ответственность которых распространяется на разницу между фактической стоимостью взносов и произведенной оценкой. Таким образом, вышеуказанные лица несут солидарную ответственность за существование и оценку ноу-хау, защищая интересы компании и кредиторов[12].

Проведенное сравнительно-правовое исследование показало, что российский подход к регулированию внесения неденежных вкладов в уставной капитал организаций представляется более узким по сравнению с зарубежным. Применительно к отдельным активам (ноу-хау, деловая репутация и др.) отсутствует системное регулирование и разработанные правовые конструкции применительно к целям формирования уставного капитала, что в конечном итоге ограничивает их использование в хозяйственном обороте.

Также представляется положительным обращение к опыту зарубежных стран в части отдельных новелл правового регулирования, как, например, демонстрирующая эффективность солидарная ответственность вкладчика при оценке неденежных активов для обеспечения защиты кредиторов. Передовой зарубежный опыт представляется полезным в данной области ввиду того, что в современном обществе все больше типов правоотношений и предметов таких правоотношений приобретает нематериальный или цифровой характер, и ноу-хау является лишь одним из таких примеров. С развитием электронного документооборота, появлением новых видов цифровых финансовых активов и новых технологий в целом данный вопрос не потеряет своей актуальности, напротив, возникнет бóльшая потребность в регулировании процесса внесения таких нетипичных для данных целей активов в уставной капитал коммерческих организаций, в том числе и в РФ, где зарубежные подходы могут рассматриваться не как подлежащие прямой рецепции, а как ориентиры для возможного последующего развития отечественного регулирования после выработки критериев допустимости, процедур независимой оценки и т.д.

Список литературы

1. *Чернявская, О.В.* Доля в уставном капитале и вклад как важнейшие составляющие уставного капитала закрытого акционерного общества / О.В. Чернявская // Вестник магистратуры. – 2015. – Т. 4, № 11 (50). – С. 52–55.
2. *Caruntu, G.A.* Study on increasing the share capital by new contributions in cash and in kind / G.A. Caruntu, G. Holt // Annals of the „Constantin Brâncuşi" University of Târgu Jiu, Economy Series. – 2016. – No. 3. – 4 p.
3. *Nègre, F.* L'apport en jouissance: définition, formalités et évaluation / F. Nègre // l'Université Paris I Panthéon-Sorbonne. – 2025. – 5 p.

[11] Resolución de 4 de diciembre de 2019, de la Dirección General de los Registros y del Notariado [Электронный ресурс]. – URL: https://www.boe.es/boe/dias/2020/01/21/pdfs/BOE-A-2020-873.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
[12] Sec. 1 Art. 73 de la Ley de Sociaedades de Capital: [сайт]. – URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2010-10544 (дата обращения: 20.11.2025).

4. *Tristan, G.* L'usus des droits sociaux / G. Tristan // Droit. Université Bourgogne Franche-Comté. – 2023. – 473 p.
5. *Садков, В.А.* Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав: монография / В.А. Садков. – Волгоград: ВА МВД России, 2023. – 188 с.
6. *Yora, M.M.* L'usufruit en Droit des Societes / M.M. Yora // Universite de Nantes. – 2020. – P. 23–26.
7. *Mekonnen, Y.* Control of non-cash contributions to companies: a comparative analysis of the laws of the EC, Germany, France, England, And Ethiopia / Y. Mekonnen // Central European University Department of Legal Studies. – 2010. – 78 p.
8. *Herráez, L.G.* Non-monetary contributions of capital in companies incorporated in Spain / L.G. Herráez // Scornik Gerstein. – 2022. – 10 p.

References

1. *Chernyavskaya, O.V.* Dolya v ustavnom kapitale i vklad kak vazhnejshie sostavlyayushchie ustavnogo kapitala zakrytogo akcionernogo obshchestva / O.V. Chernyavskaya // Vestnik magistratury. – 2015. – T. 4, № 11 (50). – S. 52–55.
2. *Caruntu, G.A.* Study on increasing the share capital by new contributions in cash and in kind / G.A. Caruntu, G. Holt // Annals of the „Constantin Brâncuşi" University of Târgu Jiu, Economy Series. – 2016. – No. 3. – 4 p.
3. *Nègre, F.* L'apport en jouissance: définition, formalités et évaluation / F. Nègre // l'Université Paris I Panthéon-Sorbonne. – 2025. – 5 p.
4. *Tristan, G.* L'usus des droits sociaux / G. Tristan // Droit. Université Bourgogne Franche-Comté. – 2023. – 473 p.
5. *Sadkov, V.A.* Cifrovye finansovye aktivy kak ob"ekty grazhdanskih prav: monografiya / V.A. Sadkov. – Volgograd: VA MVD Rossii, 2023. – 188 s.
6. *Yora, M.M.* L'usufruit en Droit des Societes / M.M. Yora // Universite de Nantes. – 2020. – P. 23–26.
7. *Mekonnen, Y.* Control of non-cash contributions to companies: a comparative analysis of the laws of the EC, Germany, France, England, And Ethiopia / Y. Mekonnen // Central European University Department of Legal Studies. – 2010. – 78 p.
8. *Herráez, L.G.* Non-monetary contributions of capital in companies incorporated in Spain / L.G. Herráez // Scornik Gerstein. – 2022. – 10 p.

Статья поступила в редакцию: 26.11.2025
Статья принята к публикации: 28.02.2026

Received: 26.11.2025
Accepted: 28.02.2026

ВЕСТНИК
Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2.

Научный журнал «Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки» приглашает авторов к публикации результатов научных исследований

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК

- Публикация статей на русском и английском языках
- Все статьи проходят процедуру одностороннего слепого рецензирования
- Каждой статье присваивается международный идентификатор DOI
- Плата за публикацию с авторов не взимается

Подробная информация на сайте журнала: https://vestnik-muiv.ru/

ВЕСТНИК
Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 1.

Научный журнал «Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление» приглашает авторов к публикации результатов научных исследований

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК и Белый список (ЕГПНИ)

- Публикация статей на русском и английском языках
- Все статьи проходят процедуру одностороннего слепого рецензирования
- Каждой статье присваивается международный идентификатор DOI
- Плата за публикацию с авторов не взимается

Подробная информация
на сайте журнала:
https://vestnik-muiv.ru/

Научный журнал «Образовательные ресурсы и технологии» приглашает авторов к публикации результатов научных исследований

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК и Белый список (ЕГПНИ)

- Публикация статей на русском и английском языках
- Все статьи проходят процедуру одностороннего слепого рецензирования
- Каждой статье присваивается международный идентификатор DOI
- Плата за публикацию с авторов не взимается

Подробная информация на сайте журнала:
https://vestnik-muiv.ru/

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 3 (51)' 2026

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор *Альтенгоф А.А.*

Компьютерная верстка *Савеличев М.Ю.*

Переводчик *Грибов В.В.*

Электронное издание.
Подписано в тираж 07.10.2026.
Печ. л. 11. Усл.-печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 7,6.
Объем 6,4 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ 26-0004.

Отпечатано в ООО «СиДи Мейкер»,
121354, г. Москва, ул. Витебская, д. 9, стр. 15, тел. 8 (499) 877-13-78.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.